

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2686-830X

ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА
И СОВРЕМЕННОЕ
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

LANGUAGE STUDIES & MODERN HUMANITIES

T. 6 № 1 2024

VOL. 6 No. 1 2024

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2686-830X (online)
languagestudies.ru
<https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1>
2024. Том 6, № 1
2024. Vol. 6, no. 1

Исследования языка и современное гуманитарное знание

Language Studies and Modern Humanities

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 74269,
выдано Роскомнадзором 09.11.2018

Рецензируемое научное издание

Журнал открытого доступа

Учрежден в 2018 году

Выходит 2 раза в год

16+

Mass Media Registration Certificate EL No. FS 77 – 74269,
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018

Peer-reviewed journal

Open Access

Published since 2018

2 issues per year

16+

Редакция

Главный редактор

В. А. Андреева (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

З. М. Чемодурова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

И. В. Фролова (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный секретарь

Н. В. Николаева (Санкт-Петербург, Россия)

Editorial Team

Editor-in-chief

Valeria A. Andreeva (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Zinaida M. Chemodurova (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Irina V. Frolova (St Petersburg, Russia)

Assistant Editor

Nina V. Nikolaeva (St Petersburg, Russia)

Редакционная коллегия

А. В. Ачкасов (Санкт-Петербург, Россия)

Н. В. Баграмова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Гончарова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. О. Добровольский (Москва, Россия)

М. Н. Еленевская (Хайфа, Израиль)

М. Журавицки (Эссен, Германия)

О. Н. Иванищева (Мурманск, Россия)

В. Ю. Клейменова (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Невзорова (Казань, Россия)

В. А. Разумовская (Красноярск, Россия)

А. Сальмон (Генуя, Италия)

Ю. В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

О. Суте (Париж, Франция)

С. В. Чебанов (Санкт-Петербург, Россия)

Чжэн Тиу (Шанхай, КНР)

Editorial Board

Andrey V. Achkasov (St Petersburg, Russia)

Nina V. Bagramova (St Petersburg, Russia)

Evgenia A. Goncharova (St Petersburg, Russia)

Dmitrij O. Dobrovol'skij (Moscow, Russia)

Maria N. Yelenevskaya (Haifa, Israel)

Michael Szurawitzki (Essen, Germany)

Olga N. Ivanishcheva (Murmansk, Russia)

Viktoria Yu. Kleymenova (St Petersburg, Russia)

Olga A. Nevzorova (Kazan, Russia)

Veronica A. Razumovskaya (Krasnoyarsk, Russia)

Laura Salmon (Genoa, Italy)

Julia V. Sergaeva (St Petersburg, Russia)

Olivier Soutet (Paris, France)

Sergey V. Chebanov (St Petersburg, Russia)

Zheng Tiwu (Shanghai, China)

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Объем 2,22 Мб

Подписано к использованию 30.07.2024

При использовании любых фрагментов ссылка
на журнал «Исследования языка и современное
гуманитарное знание» и на авторов материала
обязательна.

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Published at 30.07.2024

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the journal “Language Studies
and Modern Humanities” and the author(s) of the material
in question.

Редакторы М. А. Куракина, М. С. Огуренкова

Корректор М. С. Огуренкова

Оформление обложки О. В. Рудневой

Верстка Д. В. Романовой

Санкт-Петербург, 2024

© Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья главного редактора	4
Перевод и переводоведение	6
<i>Антонова А. М.</i> Россия, как ее увидел Эдвард Резерфорд. Некоторые особенности англоязычного описания русской культуры	6
<i>Прошина З. Г.</i> Транслингвальная литература русских англоязычных писателей	20
<i>Tchetodanova S. M. V.</i> Medieval and folk Russian culturonyms in contemporary American novels authored by bilingual heritage writers	30
<i>Шуклина Ж. И.</i> Социальные навыки устных переводчиков в условиях повышенного стресса удаленной работы	36
<i>Шурлина О. В.</i> Английские и русские термины сферы информационных технологий: сопоставительный аспект (на материале терминологической базы данных компании «Майкрософт»)	45
Обзоры. Рецензии. Персоналии	54
<i>Алексеева И. С.</i> Регионы, вперед! Межрегиональные школы перевода как деятельный механизм укрепления профессии	54
<i>Берендяев М. В., Коканова Е. С., Куликов Н. Ю.</i> Реализация и модернизация магистерской программы «Технологии автоматизированного и машинного перевода»	60

CONTENTS

Introductory article by the Editor-in-chief	4
Practice and theory of translation and interpreting.....	6
<i>Antonova A. M.</i> Russia through the eyes of Edward Rutherford. Aspects of Russian culture-oriented English	6
<i>Proshina Z. G.</i> Translingual literature of English-writing Russian authors	20
<i>Tchemodanova S. M. V.</i> Medieval and folk Russian culturonyms in contemporary American novels authored by bilingual heritage writers	30
<i>Shuklina Zh. I.</i> Social skills of interpreters in high-stress remote environments	36
<i>Shurlina O. V.</i> English and Russian terms in the field of information technology: A comparative aspect (based on the Microsoft Terminology database).....	45
Reports, reviews, personalities	54
<i>Alekseeva I. S.</i> Regions, go ahead! Interregional schools of translation as a working mechanism of strengthening the profession of a translator	54
<i>Berendyaev M. V., Kokanova E. S., Kulikov N. Yu.</i> Implementation and modernisation of the master's degree programme "Computer-assisted and machine translation technology"....	60

Вступительная статья главного редактора

Уважаемые читатели!

Статьи, вошедшие в очередной выпуск журнала, посвящены проблемам теории и практики перевода. Их авторы — участники конференции «Качество подготовки переводчиков в эпоху глобализации, антропологизации и искусственного интеллекта», которая проходила в Санкт-Петербурге в октябре 2023 года и была приурочена к 15-летию юбилею Санкт-Петербургской высшей школы перевода Герценовского университета (<https://scitconf2023.herzen.spb.ru/>).

Далее в редакционной заметке содержание выпуска представляет заместитель директора Санкт-Петербургской высшей школы перевода (СПб ВШП) Анжелика Михайловна Антонова.

*Валерия Анатольевна Андреева,
главный редактор*

Вопросы качества на особом счету в современном мире, где по-новому осознается место человека как существа, органически связанного со Вселенной и зависящего от него, где еще пристальней обращается внимание на роль коммуникации в мире, где человек сам создал себе конкурента в виде искусственного интеллекта, и тем не менее ситуацией пока вполне владеет. Если же эти вопросы касаются перевода, то не уйти от конкретизации ситуации в плане ее многоязычности, многокультурности, многозадачности.

Именно эти аспекты вышли на передний план во всех секциях юбилейной конференции СПб ВШП и стали предметом заинтересованной дискуссии, а лучшие из прозвучавших докладов предлагаются читателю в этом сборнике.

Известный лингвокультуролог З. Г. Прошина подробно рассматривает в своей статье феномен транслингвальной и транскультурной литературы в паре языков английский-русский, вызванный диффузностью современного человеческого общества и основанный на симбиозе и текучем взаимодействии разных культур, что опять-таки подводит нас к необходимости учета новаторских выводов автора в обучении переводчиков.

Транглингвальная литература в качестве основного объекта исследования обсуждается в статье А. М. Антоновой и называется здесь «инокультурной» (термин В. В. Кабакчи). На материале тысячестраничного исторического романа с элементами фэнтези Эдварда Резерфорда «Русска» обсуждается понятие культурных стереотипов и, что особенно редко, отмечается не только вред от их употребления, но и определенная польза. Этот объективный взгляд, безусловно, полезен при качественном обучении современного переводчика.

Проблему передачи русских культуронимов в англоязычных текстах американской литературы подробно, с обилием примеров, рассматривает С. В. Чемоданова. Автор проводит качественную границу между билингвальными и монолингвальными авторами, убедительно доказывая, что в любом литературном произведении знание автором культурных реалий — залог достоверности описания; выводы переводчики могут делать сами, знакомясь с этой статьей: билингвальные знания в сфере культуры — залог высокого качества как устного, так и письменного перевода.

Понимая сложность задачи подготовки переводчика в цифровую эпоху, Е. С. Коканова, Н. Ю. Куликов и М. В. Берендяев с другими соавторами разрабатывают магистерскую программу «Технологии автоматизированного и машинного перевода» как практикоориентированную и, что уникально в переводческих учебных программах, просветительскую, нацеленную на грамотное прогнозирование развития ситуации с искусственным интеллектом. Авторы не без юмора предлагают воспитывать «переводчика подкованного» и подробно перечисляют условия успешной реализации данной программы.

Интереснейшим опытом, подкрепленным исследованиями последних лет, делится переводчик-синхронист Ж. И. Шуклина, подробно анализируя специфику удаленного перевода с точки зрения стрессоустойчивости, социальных навыков и рыночных приоритетов. Автор затрагивает

важнейшую тему необходимости постоянной самостоятельной работы переводчика над этими аспектами, которая в других статьях сборника также подразумевается, но выделена не так рельефно.

В сборнике освещена и проблема передачи новейших терминов цифровой эпохи — ключевых понятий терминосистемы информационных технологий. О. В. Шурлина не только классифицирует имеющийся фонд и делает вывод о принципиальной доминирующей вторичности русскоязычной терминосистемы информационных технологий, но и предоставляет ценный материал о путях освоения лексики в другой культуре, что дает современному переводчику возможность прогнозировать возможные варианты перевода.

Подводя итог краткому обзору содержания, еще раз отметим доминирующие, стратегически важные темы: во-первых, важность для подготовки переводчика как социальных, в том числе эмпатических, навыков, так и транскультурологических приемов; во-вторых, необходимость самосовершенствования в профессии; и, наконец, просветительско-пропагандистская миссия как устного, так и письменного переводчика, о которой прямо или косвенно говорится в подавляющем большинстве статей. Большинство авторов так или иначе привлекают материал вечных художественных ценностей, манифестированный в художественной литературе. Практические пути привлечения художественной литературы и распространение мастерства литературного перевода во все уголки России, даже самые отдаленные, а также перспективы этого процесса в современном мире, аккумулированы в статье И. С. Алексеевой.

*Анжелика Михайловна Антонова,
заместитель директора СПб ВШП*

Перевод и переводоведение

УДК 81'373.45

EDN HWYSWX

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-6-19>

Россия, как ее увидел Эдвард Резерфорд. Некоторые особенности англоязычного описания русской культуры

А. М. Антонова ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Анжелика Михайловна Антонова,
SPIN-код: 9725-7214,
ResearcherID: ABZ-6572-2022,
ORCID: 0000-0002-2232-6648,
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

Для цитирования:

Антонова, А. М. (2024) Россия, как ее увидел Эдвард Резерфорд. Некоторые особенности англоязычного описания русской культуры. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 1, с. 6–19. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-6-19> EDN HWYSWX

Получена 19 февраля 2024; прошла рецензирование 21 марта 2024; принята 21 марта 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © А. М. Антонова (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Ведущие языки мирового общения всегда являлись проводниками иноязычных культур для мирового читателя. На рубеже XX–XXI вв. эту функцию выполняет английский язык. Ориентация языка в область иноязычных культур неизбежно влечет за собой его адаптацию к принимающим культурам. Используя последние достижения «интерлингвокультурологии» (молодой дисциплины, возникшей на рубеже веков и разрабатываемой профессором В. В. Кабакчи и его школой), которая занимается изучением вторичной ориентации языка и формированием *языка межкультурного общения*, мы рассматриваем аутентичные англоязычные тексты о русской культуре, говорим о языковой гибкости культурной лексики при ориентации на внешнюю культуру, роли стереотипов и неизбежной схематизации и упрощении описываемой культуры. Основным материалом для статьи послужил художественно-публицистический текст Эдварда Резерфорда *Russka*, однако приводятся примеры из научно-публицистического текста Джеффри Хоскинга *Russia and the Russians. From Earliest Times to 2001* и текстов СМИ. В условиях возрастающего в современной филологической науке интереса к проблемам диалога языков и культур и необходимостью популяризации русской культуры на мировой арене, в т. ч. через английский язык, исследуются закономерности передачи русской культурно-специфической лексики в английском языке, при этом особое внимание обращается на построение текста *иноязычного описания культуры* и на компромисс точности и доступности текста иноязычному читателю в рамках художественно-публицистического стиля произведения. Исследуется как положительная, так и отрицательная роль стереотипов в передаче иноязычного культурного содержания и в построении образа иноязычной культуры.

Ключевые слова: интерлингвокультурология, иноязычное описание культуры, инокультурная литература, язык межкультурного общения, культуроним, ксеноним, параллельное подключение, стереотип

Russia through the eyes of Edward Rutherford. Aspects of Russian culture-oriented English

A. M. Antonova ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Anzhelika M. Antonova,
SPIN: 9725-7214,
ResearcherID: [ABZ-6572-2022](https://orcid.org/0000-0002-2232-6648),
ORCID: 0000-0002-2232-6648,
e-mail: angelique.antonova@gmail.com

For citation: Antonova, A. M. (2024) Russia through the eyes of Edward Rutherford. Aspects of Russian culture-oriented English. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 1, pp. 6–19.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-6-19> EDN HWYSWX

Received 19 February 2024;
reviewed 21 March 2024; accepted
21 March 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © A. M. Antonova (2024).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. The global languages have always promoted foreign cultures to the world audience. At the turn of the 20th – 21st centuries, it was mainly the English language which performed this function. Application of a language to a foreign culture by necessity requires certain adaptations of the language. Such type of communication results in the formation of a specialized variety of the language: Foreign Culture-Oriented (FCO) Language. Making use of the latest achievements in “interlinguoculturology” (a modern branch of Linguistics worked out by professor V. V. Kabakchi and his School), devoted to the study of the language in its secondary cultural orientation towards a foreign culture, we look at original English-language texts about Russian culture and analyze how Russian culturonyms are incorporated into Russian Culture-Oriented English, their cultural adaptation and the balance between the compromise of the precision of the text and its accessibility to the audience. We are also talking about the role of stereotypes and the inevitable schematization and simplification of the culture being described. The main material for the article was Edward Rutherford’s literary and journalistic text *Russka*, but examples are also given from Geoffrey Hosking’s scientific and journalistic text *Russia and the Russians. From Earliest Times to 2001*, and from media texts. We explore the formation of Russian Culture-Oriented English and its vocabulary, semantic transformation of the language in its secondary cultural orientation.

Keywords: interlinguoculturology, Foreign Culture-Oriented (FCO) language, Foreign Culture-Oriented (FCO) Literature, intercultural communication language, culture-bound word, xenonym, parallel attachment, stereotype

Введение

Век информации и глобальных коммуникаций привел в конце XX в. к глобализации английского языка, который стал языком мирового общения номер один. В ходе человеческой истории эту функцию в разное время выполняли разные языки: греческий, латинский, французский языки. Это процесс бесконечный: один языковой лидер сменяет другого. Появлению нового лидера способствует комплекс причин: геополитических, экономических и лингвистических. То, насколько тот или иной язык на данной стадии своего развития способен стать глобальным, напрямую зависит от значимости культуры народа-носителя данного языка в мире или в конкретном регионе.

После Второй мировой войны на эти позиции постепенно вышел английский язык. Лежащая в руинах многоязычная культурная Европа ничего не смогла противопоставить двум ведущим экономикам поствоенного мира (США и Великобритания). Немало способствовал

распространению английского языка и охват владения им в мире (как говорили, до середины XX в. над Британской империей не заходило солнце). Изобретение Интернета и цифровизация экономики довершили процесс. К тому же аналитический строй английского языка является наиболее простым для освоения большими массами людей.

На английском языке создается большая часть литературы о мире. Причем на нем пишут не только «носители английского языка», но и люди, для которых английский является вторым языком коммуникации. В 2008 г. *The Times* впервые включил в свой знаменитый список «The 50 greatest English writers since 1945» не англосаксонскую фамилию Салман Рушди (Salman Rushdie). И с этого времени список таких фамилий только пополняется: Кадзуо Исигуро (Kazuo Ishiguro), Викрам Сет (Vikram Seth), Майкл Ондатже (Michael Ondaatje), Бен Окри (Ben Okri), Кери Хьюм (Keri Hulme), Мо (Mo) и др. Пико Айер (Pico Iyer) в своей статье с говорящим названием “The Empire Writes Back”

иронически подмечает, что присуждение литературной премии лицам с англосаксонской фамилией уже стало аномалией (Iyer 1993, 50–51).

В данной статье речь пойдет об *инокультурной литературе*, под которой будем понимать оригинальные (непереводные) художественные произведения, в которых язык ориентирован на иноязычную культуру (Кабакчи 2011а, 84). З. Г. Прошина называет такую литературу *транслингвальной* (Прошина 2017, 161).

Причем эта литература создается как носителями родного английского языка, так и второго. Такие тексты являются примером вторичной культурной ориентации языка. *Английский язык межкультурного общения* (АЯМО) — это своеобразная разновидность английского языка, характеризующаяся своей лексикой и некоторыми специфическими особенностями организации текста (Кабакчи 1998, 70). И здесь интерлингвокультурология тесно сопрягается с теорией World Englishes, берущей свое начало с теории трех концентрических кругов Б. Качру (Kachru 1985).

Произведения инокультурной литературы имеют своеобразное построение. Язык написания Standard English, но поскольку иноязычная культура составляет основу повествования, лексическое наполнение смешанное: «This was the community: the *rod* as the folk in the south called it, or the *mir* further north» (Rutherford 1992, 15).

Иноязычным описанием культуры (ИОК) занимается *интерлингвокультурология* (термин В. В. Кабакчи) (Кабакчи 2011б, 19). В текстах ИОК наряду с культурными универсалиями, которые В. В. Кабакчи называет *полионимами*, существуют *идиокультуронимы* (специальная культурная лексика), в данном случае ориентированные в область русской культуры. Идиокультуронимы внутренней культуры называются *идионимами*, а идиокультуронимы внешних культур — *ксенонимами* (Кабакчи, Белоглазова 2012). При этом между ксенонимом и его идионимом устанавливается корреляция, прочная связь, которая позволяет осуществить переход от ксенонима к его идиониму. В. В. Кабакчи называет это *принципом ксенонимической обратимости* (Кабакчи, Белоглазова 2012).

Таким образом, речь идет о прямом межкультурном диалоге.

Особенностью подобной литературы является то, что она описывает не внутреннюю культуру английского языка, а внешнюю. Сегодня мы поговорим о книге Э. Резерфорда *Russka* (Rutherford 1992), а точнее об англоязычном описании русской культуры на основе этой

книги или английском языке межкультурного общения, обращенном в область русской культуры — АЯМО (РК).

Роман Э. Резерфорда *Russka*, как пример текста англоязычного описания русской культуры

Роман Э. Резерфорда *Russka* повествует через истории трех семей из трех сословий (боярского рода, священника и крестьянина), объединенных одним местом, где они все живут, под названием Русска, захватывающую и драматическую историю России — «*terra incognita — an unknown land of barbarous tribes, dangerous steppe and impassable rivers*» (Rutherford 1992, 9), «*endless landscape, where horizon succeeds horizon, always the same*» (Rutherford 1992, 10). В повествовании в занимательной форме исторического романа с элементами фэнтези автор делает попытку раскрыть русский характер, ответить на вопрос, кто они, русские, описать исторический путь России и понять отношение России к остальному миру сегодня.

Действие романа начинается в доисторические времена, около 180 н. э., когда не было еще на этой земле никакого государства, когда свободные племена жили и вели свой нехитрый быт, но было уже противостояние между лесом и степью. Автор использует это художественное пространство и время романа, чтобы рассказать о фольклоре местных племен, который потом найдет свое отражение в быту и в русских народных сказках.

Тексты иноязычного описания культуры имеют особую организацию: каждый раз, когда автор вводит ксеноним в текст, он поясняет его в «параллельном подключении» (Кабакчи 1998, 52), что позволяет сохранить точность и доступность текста:

There were sure to be water maidens — *rusalki* — in there, and if you were not careful they would come out and tickle you to death (Rutherford 1992, 22).
Every child feared Baba Yaga the witch. You never knew when she might find you as she flew through the air in her mortar, her long feet and claw-like hands outstretched, ready to seize little boys and girls, carry them off and cook them. (Rutherford 1992, 23).

В этом же первом разделе своей книги автор приводит русские народные песни, пословицы и поговорки, отражающие мудрость народа: «In the still pool, the devils dwell» (Rutherford 1992, 22).

Не удивительно при этом, что дается не англоязычный аналог, а калькируется структура

поговорок из русского языка. Это точнее позволяет передать читателю культурное содержание русского народного словотворчества.

Русские народные сказки часто начинаются фразой «В тридевятном царстве, в тридесятом государстве.» Здесь же эта фраза вплетается в диалог персонажей и тоже передается калькой: «in the land of Three-time-Nine» (Rutherford 1992, 14).

Таким образом, автор дает своему читателю, пусть в схематичной и сильно упрощенной форме, пережить культурный опыт любого русского ребенка, который позволит ему потом понять другие, более сложные процессы.

Усвоению культурного содержания способствуют и стереотипы о русской культуре, в изобилии рассыпанные по тексту:

What did it mean to be a Slav? <...> Was it that she was musical? That she could be suddenly sad, then suddenly gay? <...> For even if they get angry and violent, they change back again in a moment. It was that they were gentle (Rutherford 1992, 51).

Таких стереотипов в тексте будет много. Их прочтение зависит, в т. ч. и от осведомленности читателя. Известно, что глубина восприятия произведения «предопределяется всей совокупностью предшествующего чтения и уже созданными навыками проникновения в текст» (Арнольд 1973, 25). В книге Резерфорда, например, если муж Игорь, то жена обязательно Ольга, если сестры — то Татьяна и Ольга, если няня, то Арина и она рассказывает сказки. Если младший сын — обязательно Иванушка (Ivanushka), который в начале, вроде, выглядит таким бесхитростным дурачком, Ivan the Fool (Rutherford 1992, 55), мечтающим стать богатырем (*bogatyр*), а в конце-таки предстает перед нами и богатырем, и государственным мужем, боярином Бобровым (*boyar*):

And today, he was sure, he would begin his career, following his elder brothers and his father, as a warrior, a *bogatyр* (Rutherford 1992, 50).

He was going to be a hero, a *boyar* (Rutherford 1992, 69).

Значимые понятия русской культуры автор вводит заимствованиями, например, *bogatyр*, *boyar*, при этом курсивом выделяются еще не освоенные английским языком ксенонимы. В параллельном подключении дается пояснение для обеспечения доступности текста.

Сквозь призму личных историй, которые так напоминают притчу, например, о возвращении Блудного сына, автор показывает восприятие

православия русским человеком, в центре которого молитвенность, смирение и кротость, и подкрепляет все известным стереотипом всепрощающей русской души.

Подобные знакомые большей части читателей стереотипы, упрощая многослойный пирог культурного содержания, готовят читателя к восприятию важных, новых для него идей, например, что русские князья не стремились в западноевропейскую семью правителей:

The courts in the land of Rus were not like those of Western Europe. The Russian princes did not seek, like the rulers of Bohemia and Poland, to join the elaborate feudal network of Europe; nor were they interested in its manners or the new ideas of the knightly chivalry. Their models, rather, came from the orient. For had not all the rulers of these vast lands come from the east? (Rutherford 1992, 111).

Эта же мысль еще не раз будет повторяться в разных изводах. Например, один из отпрысков старинного боярского рода Бобровых рассуждает, иллюстрируя извечный спор славянофилов и западников:

'I have no need to travel abroad now. The answer to Russia's problems lies here, in Russia' And in a few brief words he sketched out his new vision. 'The Church is the key,' he explained. 'If Russia's guiding force is not religion, then her people will be listless. We can have western laws, independent judges, perhaps even parliaments. But only if they grow gradually out of a spiritual renewal. That has to come first.' 'And Adam Smith?' 'The laws of economics still operate, but we must organize our farms and our workshops on a communal basis — for the good of the community, not the individual.' 'It won't be like the West then, after all.' 'No. Russia will never be like the west.' (Rutherford 1992, 725).

Подобные рассуждения особенно сложны для восприятия западного читателя, поскольку разбивают стереотип о стремлении русских слиться в едином цивилизационном порыве с западным миром.

Вместе с тем отдельно следует отметить глубокое проникновение автора в материал. Он не рисует многообразное русское общество монохромной краской, отмечая и раскол элит, и разные чаяния низших и высших слоев общества.

Так, когда крестьянская дочь Янка и отпрыск благородного боярского рода Бобровых из Руси оказываются по делам в Новгороде во время правления там Александра Невского, уже после битвы на Чудском озере, т. е. после 1242 г., и Янка, прислуживая, слышит разговоры купцов

и дворян об их политических предпочтениях, она не может сдержать удивления:

'<...> there are those in this city, and still more in our neighboring Pskov, who still would be happy to see the Germans ruling here.' Since being in Novgorod, Yanka had heard that, at the very time when Prince Alexander had been defeating the Swedes and Germans, the leaders of the city of Pskov had actually taken the German side. 'When Alexander came back to Novgorod, he hung the German sympathizers here, you know' <...> 'The rumour is that Prince Andrei [Alexander's brother] secretly prefers the Catholic Germans and Swedes <...> Could this really be? Though Yanka, in her simplicity, understood that some princes might be stronger and braver than others, it had never occurred to her that they might be playing cynical games with the lands of Rus' (Rutherford 1992, 205).

Эти же настроения будут повторяться и описываться автором на разных витках Российской истории — и в правление Петра I, и в непростой XIX в. Причем этот мировоззренческий раскол в русском/российском обществе существовал не между социальными слоями, среди всех слоев были консерваторы и либералы. Автор тонко иллюстрирует это на примере членов одной и той же семьи Бобровых: «If my son's a born conservative, I suppose I am a born radical, he thought with a smile» (Rutherford 1992, 864).

Показательно название одной из глав книги «Fathers and Sons», где есть и нигилисты, и хождение в народ, и появление первых революционеров:

'You are what they call a Nihilist,' he said. Every educated Russian knew something of these radical fellows after they had been described in Turgenev's famous novel *Fathers and Sons* a few years before (Rutherford 1992, 759).

Nicolai and his friend were not alone: their strange mission amongst the peasants was being repeated in other villages all over Russia, in the movement known to Russian history as the Going to the People (Rutherford 1992, 774).

Так, Резерфорд старается вплетать культурную информацию в ткань повествования. Где-то упрощая восприятие, например, при помощи аналогов Prince Alexander, Russian princes. Но в большинстве случаев старается следовать принципу точности подачи информации в тексте, используя заимствования *rusalki*, *bogatyr*, *Nihilist*, *boyar*, *Baba Yaga*, имена, которые несут в себе русский культурный код — *Ivanushka*, *Sviatopolk*, *Misha*, *Nicolai*, *Ilya*, *Tatiana*, *Olga* и др. Неосвоенные заимствования выделяются

курсивом, а освоенные словарные ксенонимы — *boyar* — не выделяются.

Резерфорд часто использует кальки из русского языка, которые тоже обладают высокой степенью точности и при этом мотивированным значением, поэтому удобны для восприятия читателем: *the Going to the People*, *Fathers and Sons*, поговорки и формулы сказочного повествования: *in the still pool, the devils dwell; in the land of Three-time-Nine*.

Вместе с тем, как ни старается автор проникнуть в русский характер, не все у него получается. Но следует отдать ему должное, он честно фиксирует даже то, что не принимает. Концепция «сильного лидера с властью от Бога и с Богом в душе» всегда была чужда западному читателю. Автор рассуждает об этом в разделе о Владимире Мономахе, 1113 г., выдающемся лидере русского средневековья и показывает свое отношение через диалог хазарского купца и боярина Боброва:

'Your princes of Rus <...> None of them knows how to organize an empire. They have no proper laws, no system.' 'We have laws' <...> 'Rudimentary laws of the Slavs and norsemen. Your church laws are better, I admit, but they are Greek and Roman, from Constantinople <...> Your princes either break the law or do not enforce it — or just have no laws to prevent them oppressing the people.' 'The law is not everything <...>' There was a better way. A Christian way <...> The Jews had given mankind God's law. But then had come the Son of God, with a greater truth — the rule of grace, of God's direct love, which is greater than earthly rules and regulations. This was the wonderful message which the new Church of the Slavs would demonstrate to the vast world of forest and steppe (Rutherford 1992, 144-145).

Вот он секрет русской души — жажда справедливости и желание все делать по любви, по сердцу. И признание автора о невозможности принять такую концепцию западным миром:

How could he tell old Zhydovin this? The Jews would never accept it... 'All we need,' he told the Khazar, 'is a wise and godly man, a true prince, a strong ruler' (Rutherford 1992, 146).

И здесь автор дает свою оценку прямым авторским комментарием: «It was a medieval phantom that was to be the curse of most of Russian history» (Rutherford 1992, 146).

Резерфорд еще не раз будет возвращаться к этому вопросу в своем повествовании, рассматривать с разных сторон на разных витках развития русской истории. Это станет одним из лейтмотивов книги. Например, мысли

боярина Прокопия Боброва, жившего в эпоху Петра I, и здесь же отношение автора:

Procopy had assumed that, just as the villagers in Russia can build a house in a day, so with a strong leader and a titanic effort, a new order can be imposed from above. This belief is the perennial tragedy of Russia (Rutherford 1992, 482).

К концепции сильного лидера автор возвращается и в главах об Иване Грозном, и Петре I, и Александре III, показывая, как они воспринимались в российском обществе:

The mighty autocrat was like a personal father to his people (Rutherford 1992, 408).
‘The Tsar is like a sparkling sun’ the Russians liked to say (Rutherford 1992, 409).

Необычные образы для западного читателя намеренно передаются кальками из русского языка. Так, автор подчеркивает их чужеродность и призывает читателя глубже проникнуть в незнакомое содержание русской культуры. Метко подмечая детали, он постепенно вырисовывает восприятие русским человеком образа правителя. Например, помещик Николай Бобров, в студенческие годы переболевший нигилизмом и хождением в народ:

Immediately after the assassination of his reforming father, the new Tsar Alexander III had moved decisively <...> It was a police state. And yet, Nicolai thought, perhaps it was for the best. At least it was order. True, there had been a few strikes <...> But there had been no more bombs. And as he looked out at the winter city a thought suddenly occurred to him <...> it’s as if the Russian empire has been under snow for the last ten years <...> but the snow also protected the land; under it, delicate seeds could survive the howling winds above. Under the great snow-covering of tsarist rule, perhaps Russia could slowly prepare herself for her new and different future in the modern world. And when the time is right, he thought, our Russian spring will be beautiful (Rutherford 1992, 828).

Такое понимание русской культуры не часто встретишь у иностранного писателя. Здесь же вместе с отсталостью патриархальной России говорится о начале ее индустриального развития: «The Trans-Siberian Railway. There would be nothing quite like in the world» (Rutherford 1992, 830).

При этом автор отмечает и свободу вероисповедания в царской России этого «снежного» времени:

‘The Street of Toleration’ they affectionately called the Nevsky, these days. On it, almost side by side, could be found the churches of Dutch Calvinists,

German Lutherans, Roman Catholics, and Armenians, as well of course as the many Orthodox ones (Rutherford 1992, 829).

Говорится о насыщенной интеллектуальной и художественной жизни русского высшего общества и интеллигенции. Расцвет музыкального искусства:

Russian geniuses who had suddenly burst into the world in the last few decades: Tchaikovsky, Moussorgsky, Borodin, Rimsky-Korsakov (Rutherford 1992, 829).

Постоянно идут отсылки к произведениям и мыслям гениев русской литературы:

<...> the so-called ‘fat journals’ which had become such a feature of Russian intellectual life at that period. In these might be found in serial form, the latest works of great novelists of the day: Tolstoy, Dostoyevsky and Turgenev (Rutherford 1992, 756).

Известное стихотворение А. С. Пушкина «К сестре», которое он написал в 14 лет, легло в основу сюжета целой главы ‘1817’, где юный Seriozha (Rutherford 1992, 635–642) сбегает из лицея в Царском Селе — The school of Tsar’s summer residence in Tsarskoe Selo (Rutherford 1992, 635) — чтобы увидеться со своей сестрой Ольгой, воспитанницей Смольного института благородных девиц — Smolny School (Rutherford 1992, 636). Довольно оправдано в данном случае упрощение культурного содержания и использование аналога school в названиях обоих учебных заведений. Оно не ведет к искажению смысла и способствует усвоению важной культурной информации, выраженной в первую очередь топонимами Tsarskoe Selo и Smolny.

Так, автор старается показать свойственные русскому характеру черты, которые переключаются с известными произведениями для «посвященного читателя», а для новичков такое упрощение позволяет с надежной степенью точности обозначить и не перевернуть движения души русского человека, чуть лучше понять, что определяет его поступки и помыслы.

Не забывается и изобразительное искусство. Объединения художников предсказуемо вводятся в текст при помощи калек the Wanderers (Rutherford 1992, 756), The Blue Rose, The Golden Fleece (Rutherford 1992, 914). Отец знаменитого ювелира Двора Его Императорского Величества прибыл из Франции, поэтому его фамилия закономерно транслитерируется на французский манер Fabergé the jeweler (Rutherford 1992, 829). Упоминаются ведущие художники второй

половины XIX в. — начала XX в.: Repin, Surikov, Serov, Levitan, Vrubel (Rutherford 1992, 871). Много места уделяется театру: the great Pavlova dance, the Moscow Arts Theatre, the playwright Chekhov (Rutherford 1992, 872), the bass voice of the legendary Chaliapin (Rutherford 1992, 934).

Вообще французская транслитерация неувидительна для исторических ксенонимов того периода, особенно имен собственных тех деятелей культуры, которые получили мировое признание в тот период — Fabergé, Chaliapin, Tchaikovsky, Rachmaninoff, Benois или музыкальных произведений, названий компаний — Diaghilev' Ballet Russe, Stravinsky's *Petrouchka* (Rutherford 1992, 934). Французский был языком межкультурного общения (ЯМО) того времени и именно через французский язык русская культура находила свою мировую аудиторию.

Совсем уж неожиданным и удивительным в устах англоязычного писателя является его рассуждение и признание развития демократических процессов в России. Начинается все, конечно, со средневекового вече. Поскольку это скорее художественный текст, в нем не дается чистое определение, что это такое, но очерчивается контекст:

<...> outside the citadel, the city assembly — the famous *veche* — was meeting. All the people had gone there. The new citadel was eerily quiet <...> There were a few women and children, and the occasional priest in the street, but it seems that the whole male population had gone down to the *veche* in the suburb. <...> Even the Prince of Kiev himself was afraid of it. Usually, of course, it was tame enough and run by the leading merchants. But in time of crisis, every free man of the city had the right to attend and vote. 'And when the *veche* revolts it is terrible <...> Even the prince and the *druzhina* can't control them' (Rutherford 1992, 78).

Сам ксеноним *veche* вводится заимствованием, подчеркивая уникальность этого явления для русской культуры. Причем не случайно автор дополнительно вводит прилагательное *famous*. Мало где в XII в. в Европе существовало такое народное управление. Пожалуй, только в Исландии знаменитый Альтинг. Доступность обеспечивается описательным оборотом *the city assembly* и дальнейшей экспликацией, которая определяется коммуникативным заданием художественного текста произведения. Из пояснения очевидно, что голосовало все свободное мужское население города вне зависимости от сословий, и что решение всенародного вече было законом для великого князя, который в обычные дни руководил городом.

Сравним, как ксеноним *veche* употребляется в фундаментальной книге по истории России «Russia and the Russians» Джеффри Хоскинга (Hosking 2002), британского историка, советолога и специалиста по русской истории, профессора Лондонского университета, члена Британской академии и Королевского исторического общества, почетного доктора Института Российской истории:

In towns, which began as military, administrative, and religious centres for tribes and gradually attracted commerce and manufacture, the term *veche* came into use (connected with the word meaning to "know"). All these assemblies grew out of tribal gatherings and had nothing in common with parliaments. They were not representative assemblies: they offered a place to all free adult male members of the community, usually those who owned land or ran a business, however small. Slaves and women were not represented, and probably not immigrants either (Hosking 2002, 35).

Читая такое описание, невольно задаешься вопросом, причем здесь представительства в парламентах, которые в Европе стали появляться только в XVII в.? Вече русских городов — Киева, Великого Новгорода, Ростова Великого и т. д. — имеет смысл сравнивать с Альтингом Исландии, появившимся примерно в то же время. Но почему-то автор предпочитает переместиться чуть ли не на тысячелетие вперед, чтобы пояснить читателю, что это такое. Оговорка про мигрантов здесь особенно красноречива — невольно вспоминаешь, что книга вышла в печать в XXI в.

Однако это не удивительно. Несмотря на глубокие выводы, иногда очень тонкие наблюдения о России, сформировавшийся как ученый в годы противостояния в Холодной войне и расцвета советологической науки на западе, Д. Хоскинг, рожденный в 1942 г., тоже не смог полностью преодолеть установленные для освещения русской культуры и ее истории рамки, и стереотипы.

Подавать информацию о демократических ростках в российском обществе в положительном ключе вообще не принято, этого просто не поймут, не примут или не пропустит редактор:

Demokratizatsiya — another troublesome word because it does not mean the same thing as its English equivalent — democratization (Canadian Tribune 29.02.1988; цит. по Кабакчи, Белоглазова 2012).

Автор статьи намеренно использует *локалоид* русской культуры *demokratizatsiya* (заимствованный локальный вариант интеронима,

вводимый в текст либо во избежание ложных друзей переводчика, либо из стилистических соображений (Кабачки 1998, 63)), чтобы показать разницу восприятия данного слова в разных культурах.

К сожалению, подобная подача информация является преобладающей в англоязычной литературе. Советологи или кремниологи — с одной стороны, профессиональные знатоки русской и советской культуры, а, с другой — выполняющие государственный заказ и соответственно представляющие генеральную, в лучшем случае настороженную, линию своего государства (подробнее см. Кабачки 2021).

Тем удивительнее и значительнее являются противоположные примеры. Возможно, формат художественного текста дает Резерфорду необходимую свободу повествования. Во всяком случае, он явно с удовольствием рассказывает о зарождении демократических процессов в российском обществе:

The reforms which pleased Misha Bobrov the most were the new local assemblies. For these were the bodies known to history as the *zemstvos* — *zemstvo* meaning: 'of the land, the community' — in the country; and the *dumas* — the *duma* being the ancient Tsar's council — in the towns. And Russia had seen nothing like them before. In every district, town and province, these assemblies for local government were elected by all taxpayers, whether gentry merchant or peasant. 'So now,' Misha cheerfully claimed, 'Russia has entered the modern world of democracy too.' (Rutherford 1992, 751).

Конечно, автор описывает и ограничения:

True, the *zemstvos* and *dumas* had only modest powers; and key posts like that of governor and the police chiefs were all appointed by the Tsar's government. True, there were some special features in the election. In the towns, for instance, the votes were weighted by how much in taxes were paid... But all the classes have a say. Besides — and this was, perhaps, the thing Bobrov liked best of all — these *zemstvos* gave men like him a role in society. <...> 'We have always served Russia,' he could still say, with a trace of satisfaction (Rutherford 1992, 751-752).

В последнем предложении звучит еще один лейтмотив книги. Русское дворянство всегда служило царю и Отечеству, и разница в понимании этого служения в западном мире и на Руси наглядно передается через взгляд запорожского казака Андрея, который приезжает в составе делегации от Запорожского гетмана Богдана Хмельницкого просить русского царя Алексея Михайловича взять запорожских казаков под свою руку и защиту:

Nikita involuntarily lowered his voice even to speak of the horror. 'They cut of the head of their own King, Charles I, not four years ago.' <...> His face puckered up into an expression of utter contempt and loathing. <...> 'They are worse than the Poles. Thank God we know that we are the Tsar's slaves.' Several times before Andrei had noticed this manner of speaking. The common people would call themselves the Tsar's orphans, and the official service classes seemed positively proud to call themselves his slaves. So far he had assumed it was a figure of speech; but watching his new friend Nikita now, he was not sure. It was strange (Rutherford 1992, 416).

Для Андрея, выросшего в вольных казачьих степях, не понятны такие настроения, да еще и в устах русского боярина. Он, пожалуй, больше жизни дорожит своей свободой и верой.

Присоединение земель современной Украины к Московскому государству занимает значительное место в книге. Начинает автор с восстания Запорожских казаков, тонко подмечая настроения казачества середины XVII в.:

The rich Ukraine: the golden land. Why then should old Ostap, as he surveyed his swaying wheat, complain? 'God gave us the best fields and then sent a plague of locusts to devour them.' It was because the Ukraine was ruled by the Catholic King of Poland (Rutherford 1992, 363).

Совсем уж удивительно верное понимание и отражение автором раскола православного казачества Гетманщины и католического правящего сословия Речи Посполитой, куда на тот исторический момент эти земли входили:

<...> the Ukraine discovered what it meant to live under contemptuous Polish lords. How dare a Polish noble despise a Cossack! Were not the Cossacks free? (Rutherford 1992, 364).

Above all, he (a Pole — комментарий А. А.) despised their Orthodox religion, and their illiterate mumbling to their icons. 'It is,' he would say definitively, 'a religion fit only for serfs.' (Rutherford 1992, 371).

This religious split between lord and peasant in the Ukraine (Rutherford 1992, 371).

И дальше продолжает развивать эту мысль, подводя читателя к неизбежности обращения казаков к русскому государю за покровительством:

<...> it was clearer each year that the only hope for the Cossacks lay to the north and east, with Russia. Only the Tsar would respect the Orthodox religion; only he could protect the Ukraine from mighty Poland. The problem was that Russia was unwilling. The great empire of the north had troubles of her own; she had no wish to risk a costly war with a furious Poland

if she accepted the Ukraine. Bogdan (Khmelnitsky — комментарий А. А.) sent messengers <...> (Rutherford 1992, 401).

Крупными мазками, но довольно верно автор говорит о том, что семь лет Богдан Хмельницкий посылал посольства в Москву, пока Царь Всея Руси Алексей Михайлович не согласился взять казаков и земли Гетманщины под свою защиту. А затем началась неизбежная война с Польшей, и автор довольно точно подмечает отношения казаков, русских и татар в ходе этой войны.

Единственное возражение в этой части книги вызывает слово *Ukraine*, хотя и используемое с определенным артиклем, что указывает на его территориальную принадлежность, а не название государства:

Some time ago now, this ancient Kievan territory had acquired another name, for this was the Ukraine (Rutherford 1992, 363).

И хотя книга Резерфорда, по сути, повествует об истории одного народа — русского народа — от Киевской Руси до Московского государства и Российской империи, через революционные годы к Советскому Союзу — это утверждение не совсем верно. В географическом смысле название Украина закрепилось и стало широко распространяться только в XVIII в., когда эти земли были в составе Российской империи уже около ста лет.

Возьмем толковый словарь В. Даля, уроженца Малороссии, Екатеринославской губернии, изданный в 1882 г.:

УКРАЙНЫЙ и украинный. крайний, у краю, на краю чего находящийся; дальний, пограничный, порубежный, что на крайних пределах государства, Сибирские города встарь зывались украинными. А город Соловецкой место украинное, Акты. Украй, крайна, область с краю государства или крайная. Латины взяша украины неколико псковских сел, стар. Даже до украины нашей страны молдавской, стар. На украине, на студеном море, стар. Ныне Украиной зовут Малую Русь. Украек м. полоса по краю чего-либо, кромка. Украйтись пск. стать, поселиться с краю; придти к концу, кончить что. Украивать, укроить что, урезать, уменьшить, убавить в кройке. Укроил ты рукава, обузил. Портной укроит, на ножницах унесет, украдет. -ся, страдат. Украиванье, укроенье, укрой, укройка, действ. по знач. глаг. | Укрой м. укроина ж. новг. крауха, укрух, корка хлебная: ломоть, ломтище, укроек, ломтик. | Укрой, церк. об(по)вязки, пелены. Обязан рукама и ногама укроем, Иоан. (кроить или крыть?) (Даль 1996, 484).

Как видим, «украинный» действительно означало пограничные земли. В XVI–XVIII вв., например, существовали такие условные исторические наименования территорий как Ханская Украина, Слободская Украина и т. п.

Вместе с тем, когда Гетман Богдан Хмельницкий в 1649 г. писал письмо польскому королю Яну II Казимиру, выдвигая условия, которые польская корона должна была соблюсти, чтобы восстание прекратилось, он называл себя русским, а свой народ русским народом:

«Просимо, щоб кийвський воевода був з руського народу і додержувався грецького закону, щоб не переслідував церкви боżej, як теперішній, який викидає з замку церкву і не дозволяє будувати. [Йому] м. м. бажано вищого воеводства, а до Києва просимо призначити воеводу нашої віри. Також щоб наш кийвський митрополит мав місце в сенаті й. м. короля, щоб ми, Русь, мали щонайменше трьох сенаторів: серед духовенства — митрополита, серед світських — воеводу і кийвського каштеляна, які б у сенаті захищали нашу віру і права руського народу» (Шевченко 1961, 107).

Нет никаких сомнений, что в письме речь идет о национально-освободительном движении русского православного казачества против поляков-католиков и униатов. Изначально письмо было написано на польском языке, поскольку обращались к польскому королю, но в 1961 г. его перевели на украинский язык и издали в УССР. Подписывался Богдан Хмельницкий до 1654 г. как «Богдан Хмельницкий, гетман з Войском его королевской милости Запорожским» (Шевченко 1961, 49). После Переяславской рады 1654 г. и вхождения Гетманщины в состав Русского государства на правах широкой автономии — как «Богдан Хмельницкий, гетман с Войском вашего царского величества Запорожским» (Шевченко 1961, 322).

В оправдание автора можно сказать, что в советских учебниках истории такая искусственная украинизация тоже насаждалась немало. Однако неправомерное использование наименования *Ukraine* в данном историческом контексте неизбежно влечет за собой ложные ассоциации и выводы, рождает ложные мифы, которые всегда вредны в исторической перспективе.

Более чем на тысяче страницах, размышляя об историческом пути русского народа, автор старается ответить на вопрос, чем отличается русский мир от западного, какой он русский характер, и понять пути развития России в сегодняшнем мире «if we want to understand anything of this extraordinary country's present and possible future, it is of great importance to delve,

as far as we may, into her past» (Rutherford 1992, x). Причем старается это делать честно, насколько позволяют ему те источники, которыми он пользуется.

Резерфорд не ретуширует и отношение западных держав к России. В уста английских купцов времени правления Иоанна Грозного он вкладывает такой диалог:

‘<...> these people <...> are backward. They have few industries, no learning at all. They eat and drink, they whore and pray to their icons. And that’s it. Their army is huge, but badly trained. When they try to get to the Baltic ports, the well-trained Swedes and Germans can cut them down in no time. And that’s how we like them. Who needs a civilized Russia?’ (Rutherford 1992, 304).

Все основные стереотипы того времени о Московском государстве, сформированные на Западе под влиянием немногих и не комплементарных произведений о России, намеренно собраны автором в одном месте, в одной реплике. С резюмирующим цинизмом звучит фраза, что именно такая Россия и устраивала западные державы. Читатель поэтому уже не удивляется, почему правители Русского государства хотели изменить такое положение вещей. Эпоха Петровских завоеваний выглядит логично и снова автор не скрывает отношения западных держав к молодому царю:

<...> the powers of Europe, while they laughed at his new capital in the icy marshes of the north, were looking forward to seeing his empire broken and then dismembered (Rutherford 1992, 529).

И после Полтавской битвы 1709 г.:

Europe was astounded. The eccentric young Tsar won after all; defeated mighty Sweden. The map of Europe was changed in a day: a new and tremendous Russia was arising. And Europe, having laughed, was now afraid (Rutherford 1992, 530).

Не часто в англосаксонской литературе встретишь такие признания пусть и очевидных фактов. Еще более удивительными являются исторические параллели, которые проводит автор между предательством Мазепы и последующим отношением Петра I к Гетманщине и ее вольностям, и поведением Кромвеля в отношении Ирландии:

For Peter meant to be firm. As he told his advisers, he intended to model the subjugation of the Ukraine on the patterns set by the Englishman Cromwell, in Ireland (Rutherford 1992, 530).

Конечно, не все автору удалось. Особенно не повезло Екатерине II. Ее любовным привязанностям уделяется несоразмерно большее внимание по сравнению с ее деяниями. Здесь и потемкинские деревни:

He had even erected delightful stage-set hamlets — the famous Potemkin villages — along the way to charm them (Rutherford 1992, 585).

Известный на Западе стереотип, который тянется со времен Екатерининского правления. Многие даже в нашей стране не знают, что он не имеет ничего общего с действительностью. Гибридный ксеноним Potemkin villages объясняется при помощи описательного оборота stage-set hamlets и рисует принятый на западе образ «постановки», «ширмы», чего-то фальшивого.

Вершиной признания роли Российской империи в мировом сообществе, по мнению автора, является Венский конгресс после Наполеоновских войн. На Россию больше не смотрели как на отсталую варварскую страну на краю света (еще один укоренившийся стереотип):

Russia’s new place in the world. No longer the barbarous Asiatic kingdom cut off from the western world. (Rutherford 1992, 637).

На Венском конгрессе, где русский император Александр I играл ключевую роль, были заложены основы международного права. Русский царь предложил невиданную инициативу миру — Священный союз на основе общехристианских ценностей, который просуществовал около 20 лет. Такого не было ни до, ни после.

At the Congress it was the Russian Tsar who took the lead. More even than this, Russia had proclaimed her own, special mission. ‘Let us put a final end to these terrible wars and bloody revolutions,’ the Tsar had proclaimed to the governments of Europe. ‘Let the European powers come together in a new and universal brotherhood, founded solely on Christian charity.’<...> This was the famous Holly Alliance (Rutherford 1992, 637).

Конечно, тысячелетнюю историю России, да еще и в художественном изложении, не уложить в тысячу страниц текста, поэтому упрощения и схематизация неизбежны. Вот и Аракчеев с военными поселениями General Arakcheyev’s Military Colony (Rutherford 1992, 659) и Бенкендорф с Третьим отделением Benckendorff, Third Department (Rutherford 1992, 669) не избежали этой схематизации. Впрочем, и в советских учебниках к ним относились без особой лояльности.

Революционные события в России начала XX в. мы видим глазами героев повествования. Ксенонимы русской культуры — заимствования и кальки — помогают придать достоверность происходящим событиям:

<...> at last the Tsar had given way. He would grant the people a parliament — the Duma (Rutherford 1992, 875).

She knew a little about the Social Democrats. She was aware that they had split, in recent years, into two camps, the smaller of which was the more extreme. 'With typical Russian confusion,' <...> 'the majority call themselves the little party, and the minority call themselves the big party — the Bolsheviks (Rutherford 1992, 878).

Общественные движения закономерно передаются кальками: the People's Will (Rutherford 1992, 815), the Black Hundreds (Rutherford 1992, 892), названия партий заимствованиями — the Bolsheviks (Rutherford 1992, 878), the Mensheviks (Rutherford 1992, 958) — и кальками:

Constitutional Democrats, known as Cadets for short, who were determined to push the Tsar towards a proper democracy <...> the Socialist Revolutionaries, who represented the peasants, but some of whom were unfortunately dedicated to terrorism. And there was the party of the workers, the Social Democrats (Rutherford 1992, 877).

Революционные события в России повлекли за собой возникновение огромного количества аббревиатур, многие из которых прочно вошли в АЯМО (ПК): the KGB (Rutherford 1992, 995) дается без объяснений. Некоторые аббревиатуры вошли и закрепились в АЯМО (ПК) не чисто транслитерацией, а с учетом их произношения, что оправдано, принимая во внимание частотность их употребления и звучания в русскоязычном контексте и желание авторов передать звучание своей аудитории:

<...> the Cheka, the Extraordinary Commission to Combat Counterrevolution, Sabotage and Speculation was a very effective body (Rutherford 1992, 967).

Ксеноним Cheka встречается во многих источниках:

<...> most Chekists — a word derived from the KGB's infamous predecessor, the Cheka, and still used to describe secret intelligence workers (St. Petersburg Times 23.12.1998; цит. по Кабакчи 2002, 56).

Also, on 6 December 1918 the All-Russian Extraordinary Commission of the Council of People's Commissars for Combating Counter-Revolution, Sabotage and Speculation, known as Vecheka (Brown 1982, 110).

If some *chekists* had done it in the Thirties, I would have been terrified (Smith 1976, *the Russians*).

Вместе с тем автор старается не описывать в хронологическом порядке события, которые происходили в революционные годы в России, а показать отношение к ним общества, а точнее разных слоев общества. Светские приемы дают этому хорошую возможность. В частности, приемы мадам Сувориной, купеческого сословия, жены богатого промышленника, прототипами которому могут служить Морозовы, Щукины, Мамонтовы и др., помогают иностранному читателю представить идеи и настроения, которые бродили в светских кругах и среди интеллигенции того времени:

Everyone came to her house. Artists, musicians and writers were especially welcome. But the aristocracy did not disdain the merchant's hospitality and even a proud St. Petersburg sophisticate like Prince Scherbatov was a regular visitor (Rutherford 1992, 875).

Резерфорд показывает, что революция происходила в умах многих думающих русских того времени:

In a later age it would be called radical chic, this fashion amongst some of the privileged classes of inviting revolutionaries to their home, and even making contributions to their cause. A few industrialists, convinced that the Tsar was on the road to catastrophe, may have courted the revolutionaries as a kind of insurance policy against the future. But others of the rich and idle certainly did so because they thought it amusing, or smart, or perhaps to receive a little *frisson* from the knowledge that they were playing with fire. Mrs. Suvorin had always eschewed these activities before, but recently she had feared that, without an occasional revolutionary, her *salons* might begin to look a trifle dowdy. She needed Popov, therefore: he completed her arrangements (Rutherford 1992, 880).

Революционеров принимали в салонах как равных, с ними велись философские и прагматические беседы о дальнейших путях развития России. Более того, автор показывает, что с членами семьи Сувориных и их друзьями большевик Попов был давно знаком и даже дружен.

Женские имена собственные часто передаются без окончания -а, здесь Mrs. Suvorin. В английском языке окончаний нет, и англоязычная аудитория иначе воспринимала бы Suvorin и Suvorina как две разные фамилии.

Вместе с тем совершенно очевидно, что сам Резерфорд не питает уважения к профессиональным революционерам. Их в книге вопло-

щает Yevgeny Popov (Rutherford 1992, 749). Попов представлен неприглядно, начиная с внешности: с копной рыжих волос и зелеными, как у змеи, глазами (Rutherford 1992, 883). Поступки Попова лишены малейшего сочувствия к материалу, с которым он имеет дело:

'Some of us think,' Peter Suvorin observed, 'that Lenin regards the workers as nothing more than cannon fodder.' <...> Popov nodded. 'It's probably true,' he replied. Then, smiling again: 'That's part of his greatness.' (Rutherford 1992, 881)

И, наконец, через оценки тех, с которыми он имел дело.

Николай Бобров:

How strange. Though they had not met for seventeen years, Nicolai expected his former friend to look awkward. After all, Popov had used him cynically and then extorted money from his father. But Popov looked neither guilty nor defiant: he just gazed at Nicolai calmly, taking him in, asked him where he was going <...> (Rutherford 1992, 831)

Мадам Суворина:

This is a very different sort of man. He recognizes no barriers (Rutherford 1992, 880). She felt he would kill without caring. And, perhaps, worse, he would lie without hesitation (Rutherford 1992, 964).

Но в России все непросто и очень тесно переплетено. Мадам Суворина в итоге становится любовницей Попова, а потом бросает его, посчитав, что тот обманул ее, когда сказал, что Ленин не распустит Учредительное собрание в январе 1918 г. и не станет диктатором. А Попов напоследок спасает дочь мадам Сувориной и дает ей и ее отцу беспрепятственно покинуть Россию.

Книга заканчивается эпилогом, действие которого происходит в 1990 г., в возрождающемся монастыре рядом с именем Бобровых, прототипом которому послужила Оптина Пустынь. И для России это символично. Потомки дворянской семьи Бобровых, основателей этого монастыря в далеком XIII в. и крестьянской, затем ставшей купеческой семьи Сувориных, давно уже живущие в США, и крестьянской семьи Романовых из деревни Русска, оставшихся в России, присутствуют на церемонии обретения мощей наиболее почитаемого старца этого монастыря — Св. Василия, жившего здесь в предыдущем столетии. После этой простой и трогательной церемонии между ними возникает простой и ясный диалог:

'We shall do it. We shall rebuild Russia, you know' 'Yes' 'I do not think we want pure capitalism, though. A sort of mixed economy.' 'I dare say it could be done.' (Rutherford 1992, 1005)

В самом конце автор признается, что так до конца и не понимает, что это такое Россия, но, как ему кажется, он уловил что-то очень важное там, на службе в монастыре. И здесь вспоминается посвящение этой книги:

This book is respectfully dedicated to those now rebuilding the monastic community of Optina Pustyn. (Rutherford 1992, v)

Таким образом, автор закольцевал свою мысль: возрождение России невозможно без ее духовного возрождения.

Заключение

Э. Резерфорд на более чем тысяче страницах постарался представить объемный взгляд на русское общество, показать, как формировался русский характер, вбирая в себя фольклор и легенды многих народов, восприняв смирение и кротость православной веры, извечное стремление к истине и духовные поиски, оправдывающие существование человека. Отсюда, жажда правды и справедливости, которые для русского человека выше законов человеческих. Широта русской души, которая рождается из необъятности земли нашей, общинность русского народа, которая формировалась всей историей нашей и укрепилась через соборность православной веры.

Некоторая схематизация и упрощение неизбежны в таком художественно-публицистическом повествовании об историческом пути России. Они помогают усвоить новое и важное в описываемой иноязычной культуре. Исторических ошибок автор совершает мало, многие из них делают, к слову, и наши соотечественники, настолько они въелись в наше сознание из советских материалов. Приятно, что автор подходит к русской культуре с уважением и пытается понять и объяснить для себя даже то, что не принимает, о чем совершенно честно и говорит своему читателю.

При этом Резерфорд использует весь спектр лингвистических средств — заимствования, кальки, гибридные ксенонимы, чтобы как можно полнее представить русскую культуру читателю, при этом не перегрузив текст, учитывая его художественно-публицистический характер, соблюдая баланс точности и доступности, здесь важную роль играет операция параллельного

подключения. Некоторая схематизация культурного содержания неизбежна, автор аккуратно использует стереотипы для упрощения восприятия чужого культурного содержания. Исторических и культурных ошибок немного, и они, скорее всего, объясняются выбором исторических источников, которыми пользовался автор.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential

Финансирование

Исследование не имело финансовой поддержки.

Funding

The study did not receive any external funding.

Список сокращений

АЯМО — английский язык межкультурного общения
АЯМО (РК) — английский язык межкультурного общения, ориентированный в область русской культуры
ИОК — иноязычное описание культуры
ЯМО — язык межкультурного общения
CamEnc — The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union

List of Abbreviations

FCO Language — Foreign Culture-Oriented language
FCO Literature — Foreign Culture-Oriented literature
CamEnc — The Cambridge Encyclopedia of Russia and the Former Soviet Union

Источники

Шевченко, Ф. П. (ред.). (1961) *Документи Богдана Хмельницкого. 1648–1657*. Киев: Изд-во АН УССР, 740 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/dokumenty-bohdana-xmelnyckoho-1961> (дата обращения 12.02.2024).
Brown, A. (ed.). (1982) *The Cambridge encyclopedia of Russia and the former Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 492 p.
Hosking, G. A. (2002) *Russia and the Russians. From earliest times to 2001*. London: Penguin Books Publ., 718 p.
Rutherford, E. (1992) *Russka*. London: Arrow Books Publ., 1007 p.
Smith, H. (1976) *The Russians*. London: Sphere Books Publ., 639 p.

Словари

Даль, В. И. (1996) *Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4*. СПб.: Диамант, 688 с.
Кабакчи, В. В. (2002) *The dictionary of Russia: 2500 cultural terms. Англо-английский словарь русской культурной терминологии*. СПб.: Союз, 573 с.

Литература

Арнольд, И. В. (1973) *Стилистика современного английского языка. Стилистика декодирования*. Ленинград: Просвещение, 303 с.
Кабакчи, В. В. (1998) *Основы англоязычной межкультурной коммуникации*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 232 с.
Кабакчи, В. В. (2011a) «Инокультурная литература» и «внутренний перевод». В кн.: И. В. Недялков (ред.). *Проблемы современного переводоведения: сборник статей в честь шестидесятилетия профессора В. И. Шадрина*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 78–91.
Кабакчи, В. В. (2011b) Русские пословицы в англоязычном межкультурном общении. *Иностранные языки в школе*, № 3, с. 19–24.
Кабакчи, В. В. (2021) Лингвистика и политика: русизмы в англоязычной полемике Запада с Россией. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 3, № 2, с. 138–152. <https://www.doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152>

- Кабакчи, В. В., Белоглазова, Е. В. (2012) *Введение в интерлингвокультурологию*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 252 с.
- Прошина, З. Г. (2017) Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, т. 14, № 2, с. 155–170. <https://www.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>
- Iyer, P. (1993) The Empire writes back. *Time*, 8 February, pp. 50–55.
- Kachru, B. B. (1985) Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In: R. Quirk, H. G. Widdowson (eds.). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30.

Sources

- Brown, A. (ed.). (1982) *The Cambridge encyclopedia of Russia and the former Soviet Union*. Cambridge: Cambridge University Press, 492 p. (In English)
- Hosking, G. A. (2002) *Russia and the Russians. From earliest times to 2001*. London: Penguin Books Publ., 718 p. (In English)
- Rutherford, E. (1992) *Russka*. London: Arrow Books Publ., 1007 p. (In English)
- Shevchenko, F. P. (ed.). (1961) *Dokumenti Bogdana Khmel'nitskogo. 1648–1657 [Letters of Bogdan Khmelnytsky. 1648–1657]*. Kyiv: UkSSR Academy of Science Publ., 740 p. [Online]. Available at: <https://archive.org/details/dokumenty-bohdana-xmelnyckoho-1961> (accessed 12.02.2024). (In Ukrainian)
- Smith, H. (1976) *The Russians*. London: Sphere Books Publ., 639 p. (In English)

Dictionaries

- Dal, V. I. (1996) *Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. [Explanatory dictionary of the living great Russian language: In 4 vols.]. Vol. 4*. Saint Petersburg: Diamant Publ., 688 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2002) *The dictionary of Russia: 2500 cultural terms. Anglo-anglijskij slovar' russkoj kul'turnoj terminologii [Anglo-English dictionary of Russian cultural terminology]*. Saint Petersburg: Soyuz Publ., 573 p. (In Russian)

References

- Arnold, I. V. (1973) *Stilistika sovremennogo anglijskogo yazyka. Stilistika dekodirovaniya [Stylistics of modern English. Decoding stylistics]*. Leningrad: Prosveshchenie Publ., 303 p. (In Russian)
- Iyer, P. (1993) The Empire writes back. *Time*, 8 February, pp. 50–55. (In English)
- Kabakchi, V. V. (1998) *Osnovy angloyazychnoj mezhkul'turnoj kommunikatsii [Basics of English-speaking intercultural communication]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 232 p. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2011a) "Inokul'turnaya literatura" i "vnutrennij perevod" ["Foreign culture-oriented literature" and "inner translation"]. In: I. V. Nedyalkov (ed.). *Problemy sovremennogo perevodovedeniya: sbornik statej v chest' shestidesyatiletija professora V. I. Shadrina [Problems of modern translation studies: Collection of articles in honor of the sixtieth birthday of professor V. I. Shadrin]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 78–91. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2011b) Russkie poslovitsy v angloyazychnom mezhkul'turnom obshchenii [Russian proverbs in English-speaking intercultural communication]. *Inostrannye yazyki v shkole*, no. 3, pp. 19–24. (In Russian)
- Kabakchi, V. V. (2021) Lingvistika i politika: rusizmy v angloyazychnoj polemike Zapada s Rossiej [Linguistics and politics: Russianisms in the western English-language political discourse with Russia]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie — Language Studies and Modern Humanities*, vol. 3, no. 2, pp. 138–152. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2021-3-2-138-152> (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2012) *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction into interlinguoculturology]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Economics Publ., 252 p. (In Russian)
- Kachru, B. B. (1985) Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. In: R. Quirk, H. G. Widdowson (eds.). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30. (In English)
- Proshina, Z. G. (2017) Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its application]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' — RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 14, no. 2, pp. 155–170. <https://www.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170> (In Russian)

Транслингвальная литература русских англоязычных писателей

З. Г. Прошина ¹

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова,
119234, Россия, г. Москва, Ленинские горы, д. 1

Сведения об авторе

Зоя Григорьевна Прошина,
SPIN-код: 8689-2598,
Scopus AuthorID: 10140093700,
ResearcherID: I-2494-2016,
ORCID: 0000-0002-0570-2349,
e-mail: proshinazoya@yandex.ru

Для цитирования: Прошина, З. Г. (2024) Транслингвальная литература русских англоязычных писателей. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 1, с. 20–29. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-20-29> EDN PBUSGE

Получена 20 февраля 2024; прошла рецензирование 9 апреля 2024; принята 10 апреля 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © З. Г. Прошина (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассмотрено явление транслингвальной литературы, создаваемой автором-билингвом, включающим в свое произведение элементы родной или унаследованной культуры. Актуальность обсуждаемой темы связана с глобальными процессами, которые обусловлены постоянными и все расширяющимися культурно-языковыми контактами международных языков с языками и культурами других народов. С одной стороны, это приводит к дифференциации международных языков на варианты, а с другой — к культурному взаимообогащению народов и синергии их литератур. Автор статьи приходит к выводу, что определение транслингвальной литературы, впервые опубликованное в работах Стивена Келлмана (Kellman 2003), должно быть расширено, так как оно не включает творчество писателей-эритажников, произведения которых написаны на принятом ими и ставшем им родном языке, но которые сохранили язык бывшей родины своих предков и пытаются синтезировать две культуры. Анализируются другие термины, используемые для номинации данного явления, в том числе термин «контактная литература», использованный американским лингвистом Брайаном Качру, и термин «второязычная инокультурная литература», предложенный В. В. Кабакчи. В работе продемонстрированы основные признаки транслингвальной и транскультурной литературы, причины ее создания, а также проблемы, которые возникают при обсуждении данного феномена, в том числе возможность существования транслингвальной поэзии. Названы имена англоязычных авторов, чьи произведения базируются на русской культуре или включают ее элементы. В заключении работы делается вывод, что писатели-транслингвы не только излагают собственный транснациональный опыт, но становятся выразителями усиливающегося транслингвизма и транскультурации в обществе.

Ключевые слова: транслингвальная и транскультурная художественная литература, англоязычные авторы русского происхождения, языковая и культурная идентичность, культурно-языковое наследие, культуросоносная функция языка

Translingual literature of English-writing Russian authors

Z. G. Proshina ✉¹

¹ Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119234, Russia

Author

Zoya G. Proshina, SPIN: 8689-2598,
Scopus AuthorID: 10140093700,
ResearcherID: I-2494-2016,
ORCID: 0000-0002-0570-2349,
e-mail: proshinazoya@yandex.ru

For citation: Proshina, Z. G. (2024)
Translingual literature of English-
writing Russian authors. *Language
Studies and Modern Humanities*,
vol. 6, no. 1, pp. 20–29.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-20-29> EDN PBUSGE

Received 20 February 2024; reviewed
9 April 2024; accepted 10 April 2024.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © Z. G. Proshina (2024).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The article discusses the phenomenon of translingual literature that is created by bilingual authors and includes elements of their native or heritage culture. This discussion is significant for our days, as, due to globalization, linguistic and cultural contacts of international languages with indigenous languages and cultures have been intensifying and getting wider, which leads to differentiation of international languages into varieties, on the one hand, and, on the other hand, to mutual enrichment of cultures and synergy of literatures. The definition of translingual literature, first published in the works by Steven Kellman, should be broadened, especially if we compare this definition with that of “contact literature” used by Braj B. Kachru, the American scholar. This term is also different from the “second language literature” concept suggested by V. V. Kabakchi. The paper reveals basic differences between the terms and demonstrates major features of translingual and transcultural literature, as well as reasons for its creation. Some disputable issues concerning the phenomenon of translingual literature are raised and dwelt on, including creating translingual poetry. Names of English-writing authors, whose works are based on and include elements of Russian culture, are introduced. The paper concludes by asserting that translingual authors do not only share their own transnational experience but they also express the communities’ translingualism and transculturalism that is growing worldwide.

Keywords: translingual and transcultural fiction and poetry, English-writing authors of Russian descent, language and cultural identity, cultural and linguistic heritage, culture-carrying function

Введение

Миграция населения в мире, мобильность науки и технологии, обмен выставками искусства и другие культурно-экономические и политические мероприятия международного масштаба приводят к текучести и изменчивости многих явлений современной жизни. Одним из таких сравнительно новых явлений стало возникновение так называемой транслингвальной литературы, под которой обычно понимают художественную, написанную автором на неродном языке. Такая литература обычно сохраняет собственную этно- и лингвокультурную идентичность автора, в результате чего возникает некая новая, «промежуточная» лингвокультурная модель.

Сущность явления и названия

Одним из важных признаков такой литературы, по утверждению сингапурского поэта и исследователя литературы Эдвина Тамбу, являются «симбиотические отношения» между языками и культурами (Thumboo 2006, 407). Языковой симбиоз проявляется в заимствова-

ниях, особенно реалий, кодовом переключении, представлении признаков элементов родного языка через форму другого языка. Культурный симбиоз виден в сопряжении двух и более культур и вместе с ними двух этнических менталитетов. Такое сопряжение представляет собой не просто вытеснение одной культуры другой, как и не простое дополнение одной культуры другой. В данном случае имеет место процесс синергии, результатом которого становится «объединение культурно различных элементов, при котором возникает качественно иное образование, превосходящее по эффекту сумму элементов» (Прошина 2017, 163). Так возникает явление транскультурности, которое можно определить как «одновременное существование в разных культурах с сохранением отпечатков каждой из них», когда индивидуум выступает в роли сразу нескольких идентичностей и в одной и другой культуре (Прошина 2016; 2017). Как отметил М. Эпштейн, «транскультура — это состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам», создаваемое «в зоне размытости и интерференции» (Эпштейн 2004). Процесс транскультурации приводит к преодолению замкнутости культурных

традиций, ценностных детерминаций, расширению языковых рамок. При транскulturации, как утверждает М. В. Тлостанова, «культуры встречаются, взаимодействуют, но не сливаются, сохраняя свое право на „непрозрачность“» (Тлостанова 2004, 28).

Аналогично транскulturации (как процессу) и транскulturности (как результату этого процесса), в языке имеет место процесс и явление транслингвальности — плавный переход от одной лингвокультуры к другой, в результате чего происходит некоторое их слияние при отсутствии полной ассимиляции и сохранении лингвокультурной идентичности пользователей языков, а также создание смешанных дискурсов (Sanagarajah 2002, 38). Транслингвальная область как третья (промежуточное) пространство (Bhabha 1994), образуемое наложением языков, характеризуется размытостью, нечеткостью, неопределенностью, «языковой текучестью» (“*linguistic fluidity*”) (Lee 2014, 53).

Термины «транскulturность» и «транслингвальность» появились во второй половине прошлого века, но получили широкое осмысление и прикладное значение уже в XXI веке. Особенно часто они стали применяться в отношении литературы, где благодаря техасскому литературоведу Стивену Келлману был введен и принят термин «транслингвальная литература» (Kellman 2003; 2019a; 2019b). Этот термин успешно конкурирует с термином «транскulturная литература» (Бутенина 2017; Тлостанова 2004; Шафранская и др. 2024).

Для обозначения данного явления используются и другие термины. В парадигме контактной вариантологии английского языка нередко встречается термин «контактная литература», использовавшийся Б. Качру (Kachru 1983). Этот термин иногда вызывает критику в связи с тем, что ассоциируется с контактными языками, особенно с пиджином, представляющим собой низкий уровень владения языком-суперлектом, крайнюю степень его гибридизации, упрощения, и такого рода негативная коннотация незаслуженно накладывается на термин «контактная литература». Чтобы избежать отрицательных ассоциаций, Э. Тамбу предложил называть англоязычную литературу, написанную на втором языке, этнической / национальной литературой на английском языке — например, индийская литература на английском языке, сингапурская литература на английском языке и т. п. (Thumboo 2006; 2020), а в обобщенном виде — *World Englishes literature*, то есть литература на вариантах английского языка (Dawson-Varughese 2012). Неудачным в современном масштабе представ-

ляется и термин «новая литература» (*New Englishes Literature, New Literature in English*) (Naji, et al. 2019; Sarkowsky, Schulze-Engler 2012), поскольку эта литература начала зарождаться еще в XIX веке вместе с вариантами английского языка, и тем самым считать ее новой в XXI веке уже нельзя. Связанное с этим еще одно наименование — «постколониальная литература» (Bartels et al. 2019; Döring 2008) — тоже не оправдывает свою внутреннюю форму, поскольку не все страны, авторы которых представляют транслингвальную литературу, имели колониальный статус, например, литература на английском языке тайских авторов. Не совсем корректным является название «билингвальная литература» (*Bilingual literature...* 2021), однако такая литература не печатается одновременно на двух языках; ее авторы — билингвы, а результат их труда представлен на одном языке, хотя впоследствии он может быть переведен и на другие языки. Тот факт, что данная литература создается не на родном для писателя языке, подчеркивается терминами «экзофонная литература» (Wright 2008) (характерен для литературы на немецком языке) и «второязычная инокультурная литература» (Кабакчи 2011). Культурная составляющая такого рода литературы выделяется терминами «межкультурная литература» и «кросскulturная литература» (Толкачев 2013).

Проблемы исследования и оценки

В теоретическом плане при обсуждении транслингвальной / транскulturной литературы встает целый ряд проблем, связанных с определением понятия и выбором названия термина (что мы обсудили выше), авторством, принадлежностью к той или иной культуре, причинами ее создания, оценкой, степенью «культуроносности» и др.

Проблема **авторства** встает уже в самом определении. Формулировка, предложенная С. Келлманом: «художественный транслингвизм — это явление писателей, которые создают тексты более, чем на одном языке, или на языке, отличном от их первичного языка» (Kellman 2019a, 337), стала классической, но узкой, поскольку из нее выпадает целый ряд случаев. Она исключает писателей-иммигрантов второго и последующего поколений — например, китаянку Эми Тань (*Amy Tan*), американку во втором поколении, для которой первичным языком общения стал английский, но она много пишет о культуре Китая, его мифологии, о китайской психологии и т. п.; или англо-русского билингва,

потомка первой волны русской иммиграции в США Николая Котара (*Nicholas Kotar*), сохранившего русский язык, но общающегося преимущественно на американском английском, языке окружающей его среды. Вместе с тем данное определение дает возможность назвать «Войну и мир» Л. Н. Толстого транслингвальным произведением, поскольку его автор использовал не только русский язык (Hansen 2019).

С другой стороны, если в определении подчеркивается, что транслингвальная литература создается не на родном для писателя языке (Витошнова 2022, 29; Лебедева, Лупачева 2019, 348), это тоже может быть не точно, поскольку для билингвов оба языка могут быть родными — к примеру, в Индии английский язык может быть первым и родным для автора; другое дело, что это иной английский — индийский, а не американский или британский; то же самое можно сказать о писателях и поэтах Сингапура, для которых сингапурский английский — родной и функциональный, как, например, для Э. Тамбу, давние родственники которого говорили на китайском и малайском, а он сам считает родным сингапурский английский.

Другая проблема: **чья это литература?** Определяется ли она по стране проживания писателя или по его родной культуре? Ане Улинич, американскому автору русского происхождения, журналист задал вопрос: «Литература, которую Вы пишете, русская или английская?» Она ответила: «Отсутствие буквального понимания восполняет контекст — те, кто понимает русский, оценят это благодаря памяти языка. Для говорящего на русском языке это момент выразительности, способ войти в интимную часть своего языка, оставаясь в изгнании в латинском алфавите; для англоговорящего это, пожалуй, напоминание, что в глубине, казалось бы, понятной прозы есть параллельная, которая совершенно непостижима» (Stromberg 2011). Таким образом, писательница подтвердила основную идею транслингвизма: нельзя говорить о конкретном месте, поскольку транслингвизм — текучее, переходное понятие без конкретных границ. Он и здесь, и там, а в чистом виде культурно-языковые признаки нигде не представлены.

Однако есть на этот счет и другие мнения. А. Т. Хроленко считает, что основным критерием отнесения произведения к той или иной национальной литературе является язык: «Скульптура, изваянная из итальянского мрамора руками русского мастера, вне всякого сомнения, принадлежит русской культуре, а по отношению к стихам, написанным итальянцем на русском языке, утверждение, что они являются фактом

итальянской культуры, весьма проблематично» (Хроленко 2006, 94). В этой цитате видится противоречие: мрамор — материал или инструмент выражения в руках скульптора, а язык — материал или инструмент поэта, но в первом случае результат приписывается культуре мастера, а во втором случае — нет, культуре, являющейся родиной инструмента. А какой культуре тогда принадлежат стихи на французском языке А. С. Пушкина (Сапгир 1999), М. Ю. Лермонтова (Стихотворения М. Ю. Лермонтова... 2014)? Кому принадлежат написанные на русском произведения киргиза Чингиза Айтматова, который сам утверждал, что национальный писатель, пишущий по-русски, остается писателем прежде всего национальным: «Думаю, когда я опубликовал по-русски свою повесть „Прощай, Гюльсары“, ни у кого не оставалось сомнения, что это произведение киргизской прозы. Ведь существует не только стихия национального языка, но и национального мышления» (Айтматов 1989).

Что заставляет транслингвальных писателей писать на втором для них языке? Здесь могут быть разные **причины**. Прежде всего, как и писатели, создающие произведения на родном языке, следует назвать желание рассказать о какой-то истории, порою о себе, о своей культуре, тем самым выразить свою идентичность. Писателей-иммигрантов может вдохновлять стремление адаптироваться к новым культурно-языковым условиям. Кто-то из писателей, возможно, мечтает о широкой известности, которая предоставляется им благодаря международному языку.

Последняя, названная нами причина может стать основанием резко отрицательной **оценки** творчества авторов-транслингвов. Как это ни парадоксально, негативный вердикт транслингвальной литературе вынес шриланкийский поэт Лакдаса Виккрасинха, который сам использовал английский: «Писать на английском языке — это форма культурного предательства (*cultural treason*)» (Goonetilleke 2018). Как отметил в своей известной работе «Варианты английского языка за пределами канона» (*Asian Englishes Beyond the Canon*) Брадж Качру, критика транслингвальных писателей вызвана следующими факторами:

- Отказ от родного языка в пользу иностранного («западного»).
- На чужом языке невозможно передать социокультурные и психологические нюансы.
- Потакание вкусам иностранных читателей, фокус на экзотичность (Kachru 2005, 59).

Что касается первого фактора для критики, он несправедлив уже потому, что для многих писателей-билингвов английский не является чужим языком. Как заметил индийский исследователь транслингвальной литературы Равиндер Гаргеш, «английский язык нашел свой дом в Индии, а Индия чувствует себя комфортно с английским языком, так что ее поэзия написана на индийском английском» (Gargesh 2006, 359). А относительно взаимодействия языков он уточнил: «В процессе нативизации / индианизации английский язык, как обнаруживается, не только не обесцветился, но и приобрел новые локальные оттенки» (Gargesh 2006, 362). Именно эти новые оттенки обогащают английский язык и дают ему свежую палитру для выражения чувств говорящих и пишущих.

Вместе с тем, второй из упомянутых факторов связан с убеждением многих критиков в том, что поэзию на неродном языке писать невозможно. Словами А. Вознесенского: «Стихи — это то, что нельзя написать на чужом языке. Это неподконтрольное» (Вознесенский 1997, 82). Однако практика опровергает этот тезис. Во многих странах, исконно неанглоязычных, существует когорта поэтов, пишущих замечательные стихи на английском языке: Эдвин Тамбу (*Edwin Thumboo*), Тань Лисинь (*Tan Lixin*), Пуджа Нэнси (*Pooja Nansi*) и многие другие в Сингапуре; Гемино Абад (*Gemino Abad*), Виргиния Морено (*Virginia Moreno*), Бенедикт Баутиста Парфан (*Benedict Bautista Parfan*) и другие на Филиппинах; Юнис Де Суза (*Eunice De Souza*), П. Лал (*P. Lal*), Анджум Хасан (*Anjum Hasan*) и многие другие в Индии, и т. д. Интересными представляются рассуждения русско-американского поэта Андрея Грицмана: «Поэт, в идеале, не переводит существующее уже стихотворение, но пересоздает его в структуре другого языка и, таким образом, в другой реальности» (Грицман 2022). Это очень напоминает концепт «внутреннего перевода», введенный В. В. Кабакчи (Кабакчи 2011). Грицман отмечает, что «порой поэт может выразить свои чувства более свободно на иностранном языке, чем на своем родном <...> Я пишу стихотворение по-английски не потому, что так в данный момент захотелось, а потому, что по-русски я просто не могу выразить того же чувства, опыта другой жизни естественно и органично» (Грицман 2022). Тем самым происходит «расщепление» личности поэта, вступившего в транслингвальную / транскультурную область.

Что касается третьего фактора — фокус на экзотичность как потакание вкусам иностранных читателей — таким критикам можно

задать резонный вопрос: а разве не любая литература ориентируется на читателя? Конечно, международному читателю интересны те моменты, которые отличают его культуру от культуры писателя. «Культуроносность» — это то, что отличает транслингвальную литературу, но это не обязательно означает инаковость жизни, бытия и мировоззрения. Читатель ищет в том, что он читает, и подтверждения своих собственных взглядов, жизненных установок и пр. Знакомясь с другой культурой, он обязательно сопоставляет ее со своей. Экзотика — факт привлекательный, но не обязательный. Именно поэтому степень «культуроносности» в транслингвальных произведениях может быть разной, что мы видим в том числе и в англоязычных произведениях русских писателей-билингвов.

Англоязычные писатели русского культурно-языкового наследия

Русский след в английском языке и культуре — большая исследовательская тема. Лишь небольшая ее часть была описана в коллективной монографии “Russian English” (Proshina, Eddy 2016), где отдельная глава, написанная Е. Бутеминой, была посвящена транслингвальной литературе русских авторов. Этой теме посвящены серьезные исследования зарубежных исследователей: Джули Хансен (Hansen 2012; 2024), Адриана Ваннера (Wanner 2011), Карен Райан (Ryan 2013) и др.

К транслингвальным авторам мы относим доперестроечных эмигрантов из России, например, Айн Рэнд (*Ayn Rand*, 1905–1982), Владимира Набокова (*Vl. Nabokov*, 1899–1977), Иосифа Бродского (*J. Brodsky*, 1940–1996) и др. Значительное пополнение рядов транслингвальных авторов, наших современников, произошло в предперестроечные и перестроечные годы: Марк Будман (*M. Budman*, 1950 г. р.), Лара Вапняр (*L. Vapnyar*, 1971 г. р.), Елена Горохова (*E. Gorokhova*, 1955 г. р.), Ольга Грушина (*O. Grushin*, 1971 г. р.), Ольга Зильбербург (*O. Zilberbourg*, 1979 г. р.), Сана Красиков (*S. Krasikov*, 1979 г. р.), Эллен Литман (*E. Litman*, 1973 г. р.), Ксения Мельник (*K. Melnik*, 1983 г. р.), Вика Миллер (*V. Miller*), Ирина Муравьева (*I. Muravyova*, 1952 г. р.), Ирина Рейн (*I. Reyn*, 1974 г. р.), Олеся Сальникова-Гилмор (*O. Salnikova-Gilmore*), Аня Улинич (*A. Ulinich*, 1973 г. р.), Борис Фишман (*B. Fishman*, 1979 г. р.), Максим Шрайер (*M. Shroyer*, 1967 г. р.), Гари Штейнгарт (*G. Shteyngart*, 1972 г. р.), поэты Катя Капович (*K. Kapovich*, 1960 г. р.), Евгений Осташевский (*E. Ostashevsky*, 1968 г. р.), Илья Каминский (*I. Kaminsky*, 1977 г. р.). Это

не самый полный список русско-американских писателей-транслингов. Большинство из них — евреи, выехавшие из России, как только поднялся железный занавес, но есть и представители русского этноса. Какой бы национальной группе ни принадлежали эти писатели, они считали русский язык своим родным языком, и они выросли в русской (советской) культуре, хотя и по-разному к ней относились. Практически все свои работы на английском языке они написали и издали в США. Однако в 2017 году вышел — скорее всего, первый — англоязычный роман в России русской писательницы под псевдонимом Таня Дэйвис. Роман назывался «Russian-English Romance: Homage to John Fowles» (Davis 2017). Так появилась и в России англоязычная транслингвальная художественная литература, имеющая большое значение для межкультурной коммуникации, литературоведения, лингвистики, ставящая новые вопросы перед переводоведением.

Заключение

Транслингвальная литература — относительно новый вид литературы, основанный на симбиозе культур, языков и литературных традиций. Это литература, облаченная в одежды иного языка, включающая элементы родной или унаследованной культуры. Если первые исследования транслингвальной литературы основывались на представлении, что эта литература встречается преимущественно в странах Внутреннего

и Внешнего кругов, выделяемых в классификационной теории трех кругов Б. Качру (Kachru 1985), то в настоящее время очевидным оказывается наличие транслингвальности и у писателей Расширяющегося круга, где английский язык, по сравнению с первыми двумя кругами, выполняет весьма ограниченные функции. Благодаря писателям-транслингам, расширяются возможности знакомства читателей с другими культурами, выражения писателями своей культуры, психологии и образа мысли, понимания движения языка. При этом транслингвальность ориентирует читателей и исследователей на постоянно текущую ситуацию, связанную с лимитальностью процесса художественного творчества авторов-билингвов, которые оказались не только двуязычными, но и бикультурными. Важный результат этого процесса проявляется в том, что писатели-транслингвы не только излагают собственный транснациональный опыт, но становятся выразителями усиливающегося транслингвизма и транскультурации в обществе.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential

Литература

- Айтматов, Ч. (1989) Интервью. *Литературная газета*, № 45, с. 3.
- Бутенина, Е. М. (2017) Транскультурный код «Евгения Онегина» в поэтическом романе США. *Вестник Томского университета. Филология*, № 48, с. 158–172. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/48/11>
- Витошнова, А. М. (2022) Интерпретация мотивов произведений транслингвальных авторов. *Эпомен: филологические науки*, № 2, с. 28–35.
- Вознесенский, А. А. (1997) *На виртуальном ветру*. [Электронный ресурс]. URL: <https://litlife.club/books/200884/read?page=82&ysclid=lsqiaonru409936980> (дата обращения 17.02.2024).
- Грицман, А. (2022) Транслингвальная поэзия и авторский перевод. *Иностранная литература*, № 10. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2022/10/transligvalnaya-poeziya-i-avtorskij-perevod.html?ysclid=lspv2k06mo541085614> (дата обращения 17.02. 2024).
- Кабакчи, В. В. (2011) «Инокультурная литература» и «внутренний перевод». В кн.: И. В. Недеяков (ред.). *Проблемы современного переводоведения: сборник статей в честь шестидесятилетия профессора В. И. Шадрина*. СПб.: Изд-во СПбГУ, с. 78–91.
- Лебедева, Е. С., Лупачева, Т. А. (2019) Сравнительный анализ лингвостилистических особенностей творчества писателей-транслингов. *Полилингвальность и транскультурные практики*, т. 16, № 3, с. 347–357. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-347-357>
- Прошина, З. Г. (2016) Проблемы и перспективы транслингвальных и транскультурных контактов. *Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке*, т. 50, № 2, с. 6–9.
- Прошина, З. Г. (2017) Транслингвизм и его прикладное значение. *Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, т. 14, № 2, с. 155–170. <https://www.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170>

- Сапгир, Г. (1999) Александр Пушкин. Французские стихи. *Дружба народов*, № 3. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/3/francuzskie-stihi.html> (дата обращения 17.02.2024).
- Стихотворения М. Ю. Лермонтова, написанные им на французском языке. (2014) *Tania-Soleil Journal*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tania-soleil.com/lermontov-na-franzuskom/> (дата обращения 17.02.2024).
- Тлостанова, М. В. (2004) *Постсоветская литература и эстетика транскulturации. Жить никогда, писать ниоткуда*. М.: Эдиториал УРСС, 416 с.
- Толкачев, С. П. (2013) Мультикультурализм в постколониальном пространстве и кросс-культурная английская литература. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение»*, № 1, с. 9. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev-Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/> (дата обращения 17.02.2024).
- Хроленко, А. Т. (2006) *Основы лингвокультурологии*. М.: Флинта, 184 с.
- Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Кешфидинов, Ш. Р. (2024) *Транскulturальная литература XXI века*. М.: Юрайт, 235 с.
- Эпштейн, М. (2004) Проективный словарь философии. Новые понятия и термины № 24. *Топос*. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.topos.ru/article/2976> (дата обращения 14.02.2024).
- Bartels, A., Eckstein, L., Waller, N., Wiemann, D. (2019) *Postcolonial literatures in English: An introduction*. Berlin: J. V. Metzler Publ., 202 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05598-9>
- Bhabha, H. K. (1994) *The location of culture*. 2nd ed. London: Routledge Publ., 440 p. <https://doi.org/10.4324/9780203820551>
- Bilingual literature and the acceptance of not understanding. (2021) *Berkeley Fiction Review*, 15 November. [Online]. Available at: <https://berkeleyfictionreview.org/2021/11/15/bilingual-literature-and-the-acceptance-of-not-understanding/> (accessed 17.02.2024).
- Canagarajah, S. (2002) Multilingual writers and the academic community: Towards a critical relationship. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 1, no. 1, pp. 29–44. [https://doi.org/10.1016/S1475-1585\(02\)00007-3](https://doi.org/10.1016/S1475-1585(02)00007-3)
- Davis, T. D. (2017) *Russian-English romance: Homage to John Fowles*. Moscow: KDU Publ.; Universitetskaya kniga Publ., 248 p.
- Dawson-Varughese, E. (2012) New departures, new worlds: World Englishes literature. *English Today*, vol. 28, no. 1, pp. 15–19. <https://doi.org/10.1017/S0266078411000630>
- Döring, T. (2008) *Postcolonial literatures in English*. Stuttgart: Klett Lernen und Wissen Publ., 200 p.
- Gargesh, R. (2006) On nativizing the Indian English poetic medium. *World Englishes*, vol. 25, no. 3-4, pp. 359–371. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.2006.00475.x>
- Goonetilleke, D. C. R. A. (2018) Lakdasa Wikkramasinha. In: B. Heidemann (ed.). *The literary encyclopedia: Exploring literature, history and culture*. [Online]. Available at: <https://www.litencyc.com/php/speople.php?rec=true&UID=4713> (accessed 17.02.2024).
- Hansen, J. (2012) Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora. *The Slavic and East European Journal*, vol. 56, no. 2, pp. 297–298. [Online]. Available at: <https://www.jstor.org/stable/41698489> (accessed 17.02.2024).
- Hansen, J. (2019) Reading War and Peace as a translingual novel. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 4, pp. 608–621. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-4-608-621>
- Hansen, J. (2024) *Reading novels translingually: Twenty-first century case studies*. Boston: Academic Studies Press, 218 p. <https://doi.org/10.1515/9798887193861>
- Kachru, B. B. (1983) The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English. *Studies in the Linguistic Sciences*, vol. 13, no. 2, pp. 37–55.
- Kachru, B. B. (1985) Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle. In: R. Quirk, H. G. Widdowson (eds.). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30.
- Kachru, B. B. (2005) *Asian Englishes beyond the Canon*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 333 p.
- Kellman, S. G. (2003) *Switching languages: Translingual writers reflect on their craft*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 339 p.
- Kellman, S. G. (2019a) Literary translingualism: What and why? *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 3, pp. 337–346. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346>
- Kellman, S. G. (2019b) Translingual writers: Introductory notes. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 1, pp. 9–12. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12>
- Lee, J. W. (2014) Transnational linguistic landscapes and the transgression of metadiscursive regimes of language. *Critical Inquiry in Language Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 50–74. <https://doi.org/10.1080/15427587.2014.871623>
- Naji, J., Subramaniam, G., White, G. (2019) New literatures in new Englishes. In: *New approaches to literature for language learning*. London: Palgrave-MacMillan Publ., pp. 171–192. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15256-7>
- Proshina, Z. G., Eddy, A. A. (eds.). (2016) *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 309 p.

- Ryan, K. L. (2013) Forging a transcultural identity as a Russian-American writer: Lara Vapnyar and cultural adaptation. In: I. G. Nordin, J. Hansen, C. Z. Llena (eds.). *Transcultural identities in contemporary literature*. Amsterdam; New York: Brill Publ., pp. 27–46. https://doi.org/10.1163/9789401209878_003
- Sarkowsky, K., Schulze-Engler, F. (2012) The new literatures in English. In: M. Middeke, T. Müller, V. Wald, H. Zapf (eds.). *English and American studies*. Stuttgart: J. B. Metzler Publ., pp. 163–177. https://doi.org/10.1007/978-3-476-00406-2_4
- Stromberg, D. (2011) Russian as an American language: A conversation with Anya Ulinich. *Zeek*, 7 March. [Online]. Available at: <http://www.zeek.net/703book/index.php?page=1> (accessed 17.02.2024).
- Thumboo, E. (2006) Literary creativity in world Englishes. In: B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson (eds.). *The handbook of world Englishes*. Malden: Blackwell Publ., pp. 405–427. <https://doi.org/10.1002/9780470757598.ch23>
- Thumboo, E. (2020) The literary dimension of world Englishes. In: C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis (eds.). *The handbook of world Englishes*. 2nd ed. Hoboken: Blackwell Publ., pp. 385–406.
- Wanner, A. (2011) *Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora*. Evanston: Northwestern University Press, 250 p.
- Wright, C. (2008) Writing in the ‘grey zone’: Exophonic literature in contemporary Germany. *German as a Foreign Language*, vol. 3, pp. 26–46.

References

- Ajtmatov, Ch. (1989) Interv’yū [Interview]. *Literaturnaya Gazeta*, no. 45, p. 3. (In Russian)
- Bartels, A., Eckstein, L., Waller, N., Wiemann, D. (2019) *Postcolonial literatures in English: An introduction*. Berlin: J. B. Metzler Publ., 202 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05598-9> (In English)
- Bhabha, H. (1994) *The location of culture*. 2nd ed. London: Routledge Publ., 440 p. <https://doi.org/10.4324/9780203820551> (In English)
- Bilingual literature and the acceptance of not understanding (2021) *Berkeley Fiction Review*, 15 November. [Online]. Available at: <https://berkeleyfictionreview.org/2021/11/15/bilingual-literature-and-the-acceptance-of-not-understanding/> (accessed 17.02.2024). (In English)
- Butenina, E. M. (2017) Transkul’turnyj kod “Evgeniya Onegina” v poeticheskom romane SShA [Eugene Onegin’s transcultural code in the American novel in verse]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Tomsk State University Journal of Philology*, no. 48, pp. 158–172. <https://www.doi.org/10.17223/19986645/48/11> (In Russian)
- Canagarajah, S. (2002) Multilingual writers and the academic community: Towards a critical relationship. *Journal of English for Academic Purposes*, vol. 1, no. 1, pp. 29–44. [https://doi.org/10.1016/S1475-1585\(02\)00007-3](https://doi.org/10.1016/S1475-1585(02)00007-3) (In English)
- Davis, T. (2017) *Russian-English romance: Homage to John Fowles*. Moscow: KDU Publ.; Universitetskaya kniga Publ., 248 p. (In English)
- Dawson-Varughese, E. (2012) New departures, new worlds: World Englishes literature. *English Today*, vol. 28, no. 1, pp. 15–19. <https://doi.org/10.1017/S0266078411000630> (In English)
- Döring, T. (2008) *Postcolonial literatures in English*. Stuttgart: Klett Lernen und Wissen Publ., 200 p. (In English)
- Epshtein, M. (2004) Proektivnyj slovar’ filosofii. Novye ponyatiya i terminy no. 24 [Philosophical projective dictionary. New terms and concepts no. 24]. *Topos*. [Online]. Available at: <https://www.topos.ru/article/2976> (accessed 14.02.2024). (In Russian)
- Gargesh, R. (2006) On nativizing the Indian English poetic medium. *World Englishes*, vol. 25, no. 3-4, pp. 359–371. <https://doi.org/10.1111/j.1467-971X.2006.00475.x> (In English)
- Goonetilleke, D. C. R. A. (2018) Lakdasa Wikkramasinha. In: B. Heidemann (ed.). *The literary encyclopedia: Exploring literature, history and culture*. [Online]. Available at: <https://www.litencyc.com/php/speople.php?rec=true&UID=4713> (accessed 17.02.2024). (In English)
- Gritsman, A. (2022) Translingval’naya poeziya i avtorskij perevod [Translingual poetry and self-translation]. *Inostrannaya literatura*, no. 10. [Online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/inostran/2022/10/translingvalnaya-poeziya-i-avtorskij-perevod.html?ysclid=lspv2k06mo541085614> (accessed 17.02.2024). (In Russian)
- Hansen, J. (2012) Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora. *The Slavic and East European Journal*, vol. 56, no. 2, pp. 297–298. [Online]. Available at: <https://www.jstor.org/stable/41698489> (accessed 17.02.2024). (In English)
- Hansen, J. (2019) Reading War and Peace as a translingual novel. *Polylingvial’nost’ i transkul’turnye praktiki — Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 4, pp. 608–621. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-4-608-621> (In English)
- Hansen, J. (2024) *Reading novels translingually: Twenty-first century case studies*. Boston: Academic Studies Press, 218 p. <https://doi.org/10.1515/9798887193861> (In English)

- Kabakchi, V. V. (2011) "Inokul'turnaya literatura" i "vnutrennij perevod" ["Foreign culture-oriented literature" and "inner translation"]. In: I. V. Nedyalkov (ed.). *Problemy sovremennoogo perevodovedeniya: sbornik statej v chest' shestidesyatiletiya professora V. I. Shadrina* [Problems of modern translation studies: Collection of articles in honor of the sixtieth birthday of professor V. I. Shadrin]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ., pp. 78–91. (In Russian)
- Kachru, B. B. (1983) The bilingual's creativity: Discoursal and stylistic strategies in contact literatures in English. *Studies in the Linguistic Sciences*, vol. 13, no. 2, pp. 37–55. (In English)
- Kachru, B. B. (1985) Standards, codification and sociolinguistic realism. The English language in the outer circle. In: R. Quirk, H. G. Widdowson (eds.). *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 11–30. (In English)
- Kachru, B. B. (2005) *Asian Englishes beyond the Canon*. Hong Kong: Hong Kong University Press, 333 p. (In English)
- Kellman, S. G. (2003) *Switching languages: Translingual writers reflect on their craft*. Lincoln; London: University of Nebraska Press, 339 p. (In English)
- Kellman, S. G. (2019a) Literary translingualism: What and why? *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 3, pp. 337–346. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-337-346> (In English)
- Kellman, S. G. (2019b) Translingual writers: Introductory notes. *Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 1, pp. 9–12. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12> (In English)
- Khrolenko, A. T. (2006) *Osnovy lingvokul'turologii* [Foundations of linguacultural studies]. Moscow: Flinta Publ., 184 p. (In Russian)
- Lebedeva, E. S., Lupacheva, T. A. (2019) Sravnitel'nyj analiz lingvostilisticheskikh osobennostej tvorchestva pisatelej-translingvov [Linguistic and stylistic features of translingual writers: Comparative analysis]. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki — Polylinguality and Transcultural Practices*, vol. 16, no. 3, pp. 347–357. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2019-16-3-347-357> (In Russian)
- Lee, J. W. (2014) Transnational linguistic landscapes and the transgression of metadiscursive regimes of language. *Critical Inquiry in Language Studies*, vol. 11, no. 1, pp. 50–74. <https://doi.org/10.1080/15427587.2014.871623> (In English)
- Naji, J., Subramaniam, G., White, G. (2019) New literatures in new Englishes. In: *New approaches to literature for language learning*. London: Palgrave-MacMillan Publ., pp. 171–192. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-15256-7> (In English)
- Proshina, Z. G. (2016) Problemy i perspektivy translingval'nykh i transkul'turnykh kontaktov [Problems and prospects of translingual and transcultural contacts]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke — The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. 50, no. 2, pp. 6–9. (In Russian)
- Proshina, Z. G. (2017) Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its application]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' — RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 14, no. 2, pp. 155–170. <https://www.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170> (In Russian)
- Proshina, Z. G., Eddy, A. A. (eds.). (2016) *Russian English: History, functions, and features*. Cambridge: Cambridge University Press, 309 p. (In English)
- Sapgir, G. (1999) Aleksandr Pushkin. Frantsuzskie stikhi [Alexander Pushkin. French poems]. *Druzhba narodov*, no. 3. [Online]. Available at: <https://magazines.gorky.media/druzhba/1999/3/francuzskie-stihi.html> (accessed 17.02.2024). (In Russian)
- Ryan, K. L. (2013) Forging a transcultural identity as a Russian-American writer: Lara Vapnyar and cultural adaptation. In: I. G. Nordin, J. Hansen, C. Z. Llena (eds.). *Transcultural identities in contemporary literature*. Amsterdam; New York: Brill Publ., pp. 27–46. https://doi.org/10.1163/9789401209878_003 (In English)
- Sarkowsky, K., Schulze-Engler, F. (2012) The new literatures in English. In: M. Middeke, T. Müller, V. Wald, H. Zapf (eds.). *English and American studies*. Stuttgart: J. B. Metzler Publ., pp. 163–177. https://doi.org/10.1007/978-3-476-00406-2_4 (In English)
- Shafranskaya, E. F., Garipova, G. T., Keshfidinov, Sh. R. (2024) *Transkul'turnaya literatura XXI veka* [Transcultural literature in the 21st century]. Moscow: Urait Publ., 235 p. (In Russian)
- Stikhotvoreniya M. Yu. Lermontova, napisannye im na frantsuzskom yazyke [French poems by M. Yu. Lermontov] (2014) *Tania-Soleil Journal*. [Online]. Available at: <https://www.tania-soleil.com/lermontov-na-franzuskom/> (accessed 17.02.2024). (In Russian)
- Stromberg, D. (2011) Russian as an American language: A conversation with Anya Ulinich. *Zeek*, 7 March. [Online]. Available at: <http://www.zeek.net/703book/index.php?page=1> (accessed 17.02.2024). (In English)
- Tlostanova, M. V. (2004) *Postsovetskaya literatura i estetika transkul'turatsii. Zhit' nikogda, pisat' niotkuda* [Post-Soviet literature and the aesthetics of transculturation. Living never, writing from nowhere]. Moscow: Editorial URSS Publ., 416 p. (In Russian)
- Tolkachev, S. P. (2013) Mul'tikul'turalizm v postkolonial'nom prostranstve i kross-kul'turnaya anglijskaya literatura [Multiculturalism in post-colonial space and cross-cultural English literature]. *Informatsionnyj gumanitarnyj portal "Znanie. Ponimanie. Umenie" — Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill"*, no. 1, p. 9. [Online]. Available at: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/1/Tolkachev_Multiculturalism-Cross-cultural-Literature/ (accessed 17.02.2024). (In Russian)

- Thumboo, E. (2006) Literary creativity in world Englishes. In: B. B. Kachru, Y. Kachru, C. L. Nelson (eds.). *The handbook of world Englishes*. Malden: Blackwell Publ., pp. 405–427. <https://doi.org/10.1002/9780470757598.ch23> (In English)
- Thumboo, E. (2020) The literary dimension of world Englishes. In: C. L. Nelson, Z. G. Proshina, D. R. Davis (eds.). *The handbook of world Englishes*. 2nd ed. Hoboken: Blackwell Publ., pp. 385–406. (In English)
- Vitoshnova, A. M. (2022) Interpretatsiya motivov proizvedenij translingval'nykh avtorov [Interpretation of the motives of translingual authors' works]. *Epomen: filologicheskie nauki — Epomen: Philological Sciences*, no. 2, pp. 28–35. (In Russian)
- Voznesenskij, A. A. (1997) *Na virtual'nom vetru* [In the virtual wind]. [Online]. Available at: <https://litlife.club/books/200884/read?page=82&ysclid=lsqiaonru409936980> (accessed 17.02.2024). (In Russian)
- Wanner, A. (2011) *Out of Russia: Fictions of a new translingual diaspora*. Evanston: Northwestern University Press, 250 p. (In English)
- Wright, C. (2008) Writing in the 'grey zone': Exophonic literature in contemporary Germany. *German as a Foreign Language*, vol. 3, pp. 26–46. (In English)

Перевод и переводоведение

UDC 808.1

EDN GQXAKU

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-30-35>

Medieval and folk Russian culturonyms in contemporary American novels authored by bilingual heritage writers

S. M. V. Tchomodanova ¹

¹ Lomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Author

Sofiya Mariya V. Tchomodanova,
SPIN: 9104-8158,
ORCID: 0000-0002-3799-0584,
e-mail: Sophie.t3@gmail.com

For citation: Tchomodanova, S. M. V. (2024) Medieval and folk Russian culturonyms in contemporary American novels authored by bilingual heritage writers. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 1, pp. 30–35. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-30-35> EDN GQXAKU

Received 11 February 2024; reviewed 1 April 2024; accepted 25 May 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © S. M. V. Tchomodanova (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article examines Russian culturonyms in contemporary American literature. American authors come from a variety of linguistic and cultural backgrounds, and their literary works often reflect translingual and/or transcultural features. The relevance of this article is owed to the expanding study of bilingual creativity among bilingual and bicultural individuals. Bilingual authors, who are also heritage language speakers, often possess linguacultural hybridity because they were raised with several languages and cultures. It is in their fiction writing that this hybridity is often expressed. The aim of this work is to reveal and analyze culture-specific words from Russian medieval linguaculture found in literary works of Nicholas Kotar and Olesya Salnikova-Gilmore, American writers of Russian descent. The bilingual heritage writers often opt for internal translation to describe Russian culturonyms to English-speaking readers. By doing so, bilingual and bicultural writers of Russian heritage introduce and familiarize English speakers with elements of Russian linguaculture. This, in turn, further contributes to the growing English-Russian contact in transcultural literature. In their English-language novels, Kotar and Salnikova-Gilmore skillfully incorporate and adapt Russian culture-specific words and concepts. The findings may provide insight into contemporary literary works written by bilingual heritage writers and their linguacultural hybridity, including the translation strategies implemented in their original interlinguacultural texts.

Keywords: bilingual writer, heritage language speaker of Russian, linguaculture, interlinguaculturology, internal translation, transcultural literature, mythopoetic literature, epic fantasy, historical fantasy

Bilingual Heritage Language Writers

In American fiction, there are bilingual and bicultural writers of various ancestries who combine their linguistic and cultural hybridity in their literary works. This study presents two American writers of Russian heritage — Nicholas Kotar and Olesya Salnikova-Gilmore. As early bilinguals, these heritage language writers grew up with two languages and cultures, which resulted in a high degree of linguacultural hybridity presented in their transcultural fiction writing. By blending the two linguacultures, utilizing internal translation and other various translation strategies, the bilingual authors create hybrid Russian-English literary space.

Theoretical Basis, Research Materials and Methods

This work is based on the key concepts of interlinguaculturology and internal translation — when elements of one linguaculture are represented in another linguaculture in the process of creating original texts by bilingual authors (Kabakchi, Beloglazova 2022). Additionally, the paradigm of translanguaging and transculturalism (Kellman 2000; Pennycook 2007; Proshina 2017a) is used as a basis. The concept of cultural translation, as part of the study's theoretical framework, considers the way the source culture is adapted into the target language (Beloglazova 2023; Pym 2009). The bilingual writers translate and adapt Russian culturonyms into

English-language texts by means of cultural translation and internal translation (Antonova 2019). Bilingual individuals verbalize source culture into the target language setting, successfully integrating several linguacultures (Proshina 2017b).

The purpose of this work is linguacultural analysis of Russian culturonyms presented in American fiction by bilingual authors who use internal translation in their creative writing and examination of mythopoetic transformation used to translate certain elements of Russian linguaculture in their English-language novels.

This study was conducted using research text materials and methods to analyze bilingual authors' use of internal translation when describing culture-specific words absent in another linguacultural environment. Research materials consist of Nicholas Kotar's two novels, *The Song of the Sirin* (Kotar 2017) and *The Heart of the World* (Kotar 2018), as well as Olesya Salnikova-Gilmore's debut novel *The Witch and the Tsar* (Salnikova-Gilmore 2022). Research methodology includes text, translation and interlinguaculturological analyses (Kabakchi 2007) of the authors' internal translation and evaluation of the creative translation strategies implemented in their English-language literary texts with Russian culturonyms. The study incorporates comparative and interpretive methods. Preliminary results of the study may provide insight into the present day Russian-American contact in literary dimensions.

Research Findings: Russian Culturonyms in Nicholas Kotar's Novels *The Song of the Sirin*, *The Heart of the World*

Nicholas Kotar is a heritage bilingual author and translator, who was born in San Francisco, California, in a family of first-wave Russian emigres (Kotar 2024). Besides being a professional translator from Russian to English, Kotar is a writer of epic fantasy novels inspired by Russian medieval linguaculture and folklore. His literary works immerse English-speaking readers into a mythopoetically transformed transcultural setting, while retaining elements of authentic Russian linguaculture by using internal translation. Kotar's novels from the *Raven Son Series*, including *The Song of the Sirin* and *The Heart of the World*, incorporate a large variety of Russian culturonyms and elements of Russian linguaculture, as is seen in the examples presented below.

Medieval Russian Attire

In Kotar's novels *The Song of the Sirin* and *The Heart of the World*, readers encounter allusions to various items of clothing from Russian linguistic

culture. Kotar often opts for internal translation when describing these culturonyms to English-speaking readers. For example, there is an allusion to men's clothing, reminiscent of the clothes of the boyars, i. e., *tall beaver hats* and outerwear with *wide sleeves*. "The men, in *tall beaver hats* and *wide, sweeping coat-sleeves*, barely looked at them before passing on to the more important business of the day" (Kotar 2017, 31). Also, the writer alludes to the medieval custom of married women covering their hair with *scarves and temple rings*, whereas young unmarried women either had their hair loose or wore it in a *single braid*. "The married women in *headscarves with temple rings*, the young women with their hair unbound or in the *tell-tale single braid* regarded them <...>" (Kotar 2017, 31).

The culturonym *kaftan* (Kabakchi 2023) is mentioned throughout the entire book series, worn by various male characters: "He was dressed in a woolen black *kaftan* with silver embroidery across the chest" (Kotar 2022, 27). Within the context of the prior quote, the bilingual writer preserves the foreignization and uses internal translation by denoting the meaning of 'kaftan' as an article of clothing.

In contrast, the culturonym *lapti* from Russian peasant attire is incorporated by using generalization. In the story, the writer opts for an explanatory translation of the footwear *lapti*, denoting it as 'bark shoes' or 'rough shoes woven from tree bark' (Kotar 2017, 192): "She began to plait a new set of *bark shoes*, humming to herself" (Kotar 2018, 76). Here, the readers encounter the process of making 'bark shoes' (*lapti*).

English-speaking readers learn of the culture-specific word *sarafan* (Kabakchi 2023), the folk attire worn by peasant women. Kotar internally translates the image of the 'sarafan' worn by 'maidens' and subtly describes it within the context of the quote: "They looked no different from Ghavanite maidens in red *sarafans* and bare feet <...>" (Kotar 2018, 46). The color 'red' (meaning 'beautiful' in Russian linguaculture) and the image of 'bare feet' denote the image of the Russian folk lifestyle.

Historical References

In *The Heart of the World*, readers encounter the early medieval culturonym *Veche*. This culture-bound word alludes to the medieval Novgorod Republic (Kabakchi 2023). "Why do you think he is calling Veche now? He is to be made knyaz, of course" (Kotar 2018, 94–95). As seen here, Kotar retains its function as a town assembly at which collective decisions were made and also incorporates the medieval title *knyaz*, i. e., prince, in his epic fantasy novels.

Throughout the novels, there is an indirect allusion to the *Golden Horde* and the tribute paid by the princes to the khans. The writer renames the Golden Horde to ‘Gumiren’, retaining former’s attributes.

An additional tribute of timber, furs, gold, and wine will be levied every few months. Furthermore, a representative of the Ghan will preside at all ruling sessions of the Dar. He will have power to supersede the Dar’s command, should the Ghan’s wishes contradict those of the Dar. (Kotar 2017, 184)

Mythopoetic transformation of other similar Russian culturonyms, e. g., ‘Tsar’ to ‘Dar’, ‘Khan’ to ‘Ghan’, is also present. English-speaking readers may not be aware of these transformations, yet Russian-speaking readers will immediately notice these transformed allusions.

Folk Festivals

There are references to Russian folk festivals subtly incorporated into the narrative. For instance, the *Feast of the Larks*, also transliterated as *Zhavronki*, is a folk festival for the Orthodox Christian feast of the Forty Martyrs of Sevaste (Kiktenko 2023). This folk holiday commemorates the forty Christian martyrs and symbolizes the arrival of spring, celebrated by Orthodox Christians half-way during the Great Lent. For this holiday, buns in the shape of birds are baked. In Kotar’s novel, *The Heart of the World*, there is a subtle allusion to this feast day:

It was already passing high noon, and the spring festivities were reaching a boiling point... By now, hundreds of bird-shaped breads hung from every tree <...> The more breads the women baked — and the more realistic they were — the faster spring would come. (Kotar 2018, 76)

Russian folk traditions are reflected in the *ritual of lamenting the bride* as she says goodbye to her former life before marriage (Kotar 2016). This ritual lamentation can be seen in the following examples featured in Kotar’s novels.

Away, away! Avert your eyes,
The sacred distance don’t despise
For now’s the time the bride must die
To all her past. Cry, nightingale, cry!
(Kotar 2018, 206–207)

The lament was sung by women, lamenting the bride and urging her to cry herself. The following example of the folk ritual lamentation shows the bride bidding farewell to her unmarried life. “Oh, my single braid, my single braid! <...> Is it time for

my braid to be split?” Lebia keened, almost wailing. “Is it time to part from my father’s house?” (Kotar 2018, 206–207). Kotar alludes to these ancient traditions in his transcultural literary works, introducing English-speaking readers to elements of Russian folk culture.

Russian Diminutives

Readers also encounter terms of endearment, which allude to Russian folklore. For instance, the diminutive *swanling* refers to a ‘swan-like’ maiden. “Sleep now, my swanling. You need to rest” (Kotar 2017, 3). The use of the possessive pronoun ‘my swanling’ helps English-speaking readers better understand this term of endearment, such as ‘my sunshine’, ‘my love’, etc. The masculine term of endearment would be *falcon*, meaning strong and brave. “Oh, my falcon” (Kotar 2017, 333). Here, the readers also interpret this hypocorism with the use of the possessive pronoun ‘my falcon’, similar to ‘my knight in shining armor’.

As a bilingual author, Nicholas Kotar mythopoetically transforms elements of Russian linguaculture and folklore, adapting unfamiliar culturonyms to an English-language literary setting.

Research Findings: Russian Culturonyms in Olesya Salnikova-Gilmore’s Novel The Witch and the Tsar

Olesya Salnikova-Gilmore is a writer of Russian heritage born in Moscow, Russia and raised in the United States (Salnikova-Gilmore 2024). Her writing is inspired by Russia’s history and linguaculture. Salnikova-Gilmore’s debut novel *The Witch and the Tsar* is a reimagined historical fantasy set in the late 1500s during Ivan IV’s reign.

Mythopoetic transformation of Baba Yaga

The story is told from the perspective of *Baba Yaga*, an ancient immortal being who is presented as a young woman in appearance despite typically being portrayed as a wise and often malevolent hag in Russian folk culture. In the novel, she is the daughter of East Slavic goddess *Mokosh* and a nameless mortal man. Instead of having a patronymic, Baba Yaga has a matronymic Mokoshevna, i. e., daughter of Mokosh: “Why are you here, Yaga Mokoshevna?” (Salnikova-Gilmore 2022, 45). Throughout the story, many of the characters expect to see a crone “with an iron nose and a bony leg, fangs for teeth, barely any hair” (Salnikova-Gilmore 2022, 6) instead of an ageless young woman. Yaga is also called ‘*Yagusynka*’ as a term of endearment. The reimagined depiction of Baba Yaga portrayed in a positive light as the novel’s protagonist is part

of the mythopoetic transformation of the original malicious character from Russian folk tales (Kabakchi 2023; Kotar 2019; Sviridova, Kravchenko 2001).

A distinct feature of the novel *The Witch and the Tsar* is that the bilingual writer introduces many Russian culture-specific words, often followed by an explanatory translation. For instance, English-speaking readers learn of the word *izbushka* and its meaning ‘log hut’ within the context of Baba Yaga’s dwelling, i. e., a hut on chicken legs with the ability to move (Kabakchi 2023; Kotar 2019).

Yet day clung on, delaying what mortals intended to find their way to my izbushka. The log hut stood on chicken legs, not swaying or spinning or even pacing, as unnaturally still as me. (Salnikova-Gilmore 2022, 3)

In the Russian language, the word *noch* means ‘night’. In the novel, Noch is the name of Yaga’s messenger owl. “Like her namesake, night, Noch came in the company of darkness and shadows” (Salnikova-Gilmore 2022, 3).

Dyen is the name of Yaga’s tame wolf that accompanies her on most errands. The bilingual writer introduces and defines the Russian word ‘dyen’ as ‘day’ within the same sentence for the English-speaking readers: “Dyen, meaning day, silently followed me as I turned the corner of my hut <...>” (Salnikova-Gilmore 2022, 27).

Olesya Salnikova-Gilmore introduces English-speaking readers to the Russian word ‘*vedma*’ and provides the English equivalent ‘*witch*’ in the following sentence: “I have traveled all the way from Moscow to see the vedma <...>’ I had not flinched at the word witch” (Salnikova-Gilmore 2022, 5–6). However, Salnikova-Gilmore does not apply the explanatory translation for every Russian culturonym. Certain culture-specific words are used without an explanation and remain as exotisms that readers deduce the meaning of by context, as is seen in the following section of this work.

Medieval Russian Attire

Throughout the novel, English-speaking readers discover the numerous articles of clothing from Russian linguaculture. For instance, in the subsequent sentence, there are two Russianisms — *dublenka* and *valenki boots*. “Suddenly, a man appeared on the edge of the clearing in a dublenka and valenki boots” (Salnikova-Gilmore 2022, 18). The culturonym ‘dublenka’ is left unexplained by the bilingual writer. The context helps readers interpret that ‘dublenka’ is a type of outerwear. Russian-speaking readers will notice the tautology of *valenki boots* as a form of explanatory translation.

Another folk attire from the novel is the *sarafan* with a *kokoshnik headdress* (Kabakchi 2023). “Several women whirled by, their velvet *sarafans* a rainbow of dazzling colors, their scarlet *kokoshnik headdresses* piled high on their heads like layers on a cake” (Salnikova-Gilmore 2022, 38). The English plural form of sarafan is used instead of the Russian plural form ‘sarafany’. The author does not provide a direct explanation of the word ‘sarafan’. Instead, Salnikova-Gilmore uses the unexplained culturonym within the context of the sentence. Readers are able to interpret that ‘sarafan’ is a type of dress with the help of word combinations, such as, ‘whirled by’, ‘velvet’, ‘a rainbow of dazzling colors’. Salnikova-Gilmore opts for the explanatory translation by the usage of the tautology ‘kokoshnik headdresses’.

Another article of clothing would be *shuba*. “My wonder turned into incredulity when she took off her rich, fur-lined *shuba*” (Salnikova-Gilmore 2022, 19). In this example, Salnikova-Gilmore also omits any direct explanation and indirectly explains this culturonym with the use of word combinations “rich, fur-lined” found in the context of the prior sentence.

The word *rubakha* is also provided within the context without a direct explanation. “Then he spun on his heels, nearly tripping over his oversized *rubakha*” (Salnikova-Gilmore 2022, 62). Instead, Salnikova-Gilmore internally translates that this is a type of article of clothing.

Dushegreika consists of the words ‘dusha’ and ‘greika’, i. e., ‘soul warming’. “Despite the heat, the tsaritsa wore multiple gowns under a scarlet fur-lined dushegreika that ended at her waist in a burst of ruffles” (Salnikova-Gilmore 2022, 107). English speakers learn that this is an outer garment due to word combinations such as ‘wore’, ‘fur-lined’.

Historical References

There are many examples of where Salnikova-Gilmore alludes to Russian history in her writing. For instance, the medieval icon *Our Lady of Vladimir* (Vladimirskaya icon) was originally from Byzantium but got its name when Saint Andrei the God-Loving (Bogolyubsky) relocated the icon to the Vladimiro-Suzdalian principality (Kabakchi 2023). English-speaking readers learn of this venerated icon and its significance in Russian linguaculture: “I have been praying to *Our Lady of Vladimir*” (Salnikova-Gilmore 2022, 77). English-speakers with the help of the verb ‘praying’ and the word combination ‘Our Lady’ deduce that ‘Our Lady of Vladimir’ is an icon of the Virgin Mary.

In another example, Salnikova-Gilmore uses explanatory translation when referring to the

historical figure *Grand Prince Vladimir Monomakh* (Kabakchi 2023). “That is the *Grand Prince Vladimir Monomakh*, the greatest and bravest of all Russia’s princes” (Salnikova-Gilmore 2022, 78). She uses foreignization in the form of analogue substitution for the title ‘Grand Prince’, yet transliterates the name ‘Vladimir Monomakh’.

An important historical moment is mentioned when Ivan IV becomes a *tsar*, not a prince (Kabakchi 2023). “Grand Prince Ivan has crowned himself *tsar*! He is *tsar* of all Russia!” (Salnikova-Gilmore 2022, 18). Salnikova-Gilmore also introduces readers to the title *tsaritsa*, i. e., the tsar’s wife. “To your health, our most illustrious *tsar* and lord, and to the health of Her Majesty, the *tsaritsa*, too!” (Salnikova-Gilmore 2022, 69). Readers learn the tsaritsa’s name. “It was *Anastasia Romanovna Zakharyina-Yurieva* — the *tsaritsa* and wife of *Tsar Ivan IV* of Russia” (Salnikova-Gilmore 2022, 7).

Salnikova-Gilmore alludes to the historical figure of *Ivan Grozny* (Ivan IV), also known as *Ivan the Terrible*. “Our lord tsar, our beloved *Ivan Grozny*, is the one who sent us... *Grozny* meant thunderous, dreadful, terrible. *Ivan the Terrible*” (Salnikova-Gilmore 2022, 153). First, Salnikova-Gilmore opts for the foreignization ‘Ivan Grozny’, shortly followed by the domestication of the tsar’s name ‘Ivan the Terrible’.

Related to the time period, the author mentions another historical figure, *Boris Godunov* (Kabakchi 2023). “This was none other than the tsar’s *Boriska*, otherwise known as *Boris Godunov*” (Salnikova-Gilmore 2022, 372). Salnikova-Gilmore introduces the character by using the diminutive form ‘tsar’s Boriska’ as a sense of familiarity.

Explanatory translation is implemented when describing the historic title of *boyar* (Kabakchi 2023). “Who is new at court?” I asked. ‘Many *boyars*’, the tsaritsa said vaguely, referring to the *ruling elite descended from old aristocratic families, ranking only below princes*’ (Salnikova-Gilmore 2022, 16). The writer uses the English plural form ‘boyars’ in lieu of the Russian plural form ‘boyary’ in the prior sentence.

Folk Festivals

In *The Witch and the Tsar*, the readers are presented with the Russian holiday *Kolyada festival* (Kabakchi 2023). “Common folk still celebrated the winter solstice and the *Kolyada festival* that came with it.” (Salnikova-Gilmore 2022, 251). Here, the author internally translates this holiday to English speakers. The *kolyadki carols* is a culturonym that

readers encounter in the story. “They danced around the raging bonfire, singing *kolyadki carols* and making merry” (Salnikova-Gilmore 2022, 251). Here, Salnikova-Gilmore uses this word within the context of the sentence. The writer also uses the tautology ‘kolyadki carols’ as part of explanatory translation.

Russian Diminutives

Salnikova-Gilmore uses Russian diminutives in her English-language novel. The diminutive *solnishko*. “Worry not, *my solnishko*. Oh, my little sun” (Salnikova-Gilmore 2022, 359). For this example, the writer opts for the explanatory translation ‘my little sun’ to denote the diminutive.

Another hypocorism incorporated by Salnikova-Gilmore is *docha* from the word ‘dochka’, meaning ‘daughter’. “*My docha*, my dear girl, was growing up” (Salnikova-Gilmore 2022, 330). The writer internally translates this hypocorism with word combinations ‘my dear girl’, ‘growing up’.

For the term of endearment *lapochka*, the author uses the explanatory translation “Oh, *lapochka*, my sweet!” (Salnikova-Gilmore 2022, 360). The foreignization shortly followed by the domestication is a distinct translation strategy implemented by the bilingual writer.

As a heritage speaker of Russian, Salnikova-Gilmore combines two linguacultures in a mythopoetically transformed historical fantasy setting presented to the English-speaking readers.

Conclusion

American bilingual authors of Russian heritage express their linguacultural hybridity in their creative writing, creating vibrant transcultural and translingual imagery for English-speaking readers. The preliminary results may contribute to the continued interlinguacultural studies of Russian culturonyms found in English-language literature. Heritage language writers, who were raised with several linguacultures, exhibit an innate understanding of the intricacies of linguacultural hybridity. Kotar and Salnikova-Gilmore are able to successfully incorporate and adapt Russian medieval and folk culturonyms into their English-language novels in a way that is easily comprehended by their English-speaking readers.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Sources

- Kotar, N. (2017) *The Song of the Sirin*. Las Vegas: Waystone Press, 420 p. (In English)
 Kotar, N. (2018) *The Heart of the World*. Las Vegas: Waystone Press, 434 p. (In English)
 Salnikova-Gilmore, O. (2022) *The Witch and the Tsar*. New York: Ace Books Publ., 432 p. (In English)

Dictionaries

- Kabakchi, V. V. (2023) *The dictionary of Russia: 2500 cultural terms = Anglo-anglijskij slovar' russkoj kul'turnoj terminologii [Anglo-English dictionary of Russian cultural terms]*. Moscow: Direct-Media Publ., 576 p. (In Russian)

References

- Antonova, A. M. (2019) Osnovnye printsipy postroeniya teksta inoyazychnogo opisaniya kul'tury [Main principles of the text structure of foreign culture-oriented language]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke — The Humanities and Social Studies in the Far East*, vol. 16, no. 1, pp. 121–126. <https://doi.org/10.31079/1992-2868-2019-16-1-121-126> (In Russian)
- Beloglazova, E. V. (2023) Myth and fact in Russia-centered discourse: The case of (non-)fictional Shostakovich. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 5, no. 1, pp. 13–19. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2023-5-1-13-19> (In English)
- Kabakchi, V. V. (2007) Leksikograficheskij monitoring angloyazychnogo slovarya ksenonimov-rusizmov [Lexicographic monitoring of the English lexicon of Russianisms]. In: *Problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. Vyp. 7 [Issues of philology and foreign languages teaching methodology. Iss. 7]*. Pskov: Pskov State Pedagogical University Publ., pp. 30–45. (In Russian)
- Kabakchi, V. V., Beloglazova, E. V. (2022) *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu [Introduction to interlinguoculturology]*. 2nd ed. Moscow: Urait Publ., 250 p. (In Russian)
- Kellman, S. G. (2000) *The translingual imagination*. Lincoln: University of Nebraska Press, pp. 134. <https://doi.org/10.3366/tal.2002.11.1.139> (In English)
- Kiktenko, E. (2023) Zhavoronki. Istoriya i retsept [Larks. History and recipe]. *Foma*. [Online]. Available at: <https://foma.ru/zhavoronki.html> (accessed 02.02.2024). (In Russian)
- Kotar, N. (2016) Five interesting facts about Russian ritual lamentation. *Nicholas Kotar*. [Online]. Available at: <https://nicholaskotar.com/2016/09/02/russian-ritual-lamentation/> (accessed 02.02.2024).
- Kotar, N. (2019) *How to survive a Russian fairy tale: Or... how to avoid getting eaten, chopped into little pieces, or turned into a goat*. Las Vegas: Waystone Press, 80 p. (In English)
- Kotar, N. (2022) *The Son of the Deathless*. Las Vegas: Waystone Press, 116 p. (In English)
- Kotar, N. (2024) About me. *Nicholas Kotar*. [Online]. Available at: <https://nicholaskotar.com/about-me/> (accessed 02.02.2024). (In English)
- Pennycook, A. (2007) *Global Englishes and transcultural flows*. London; New York: Routledge Publ., 189 p. (In English)
- Proshina, Z. G. (2017a) *Kontaktnaya variantologiya anglijskogo yazyka. Problemy teorii [World Englishes paradigm. Matters of theory]*. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ., 208 p. (In Russian)
- Proshina, Z. G. (2017b) Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translingualism and its application]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' — RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, vol. 14, no. 2, pp. 155–170. <https://www.doi.org/10.22363/2312-8011-2017-14-2-155-170> (In Russian)
- Pym, A. (2009) Cultural translation. [Online]. *YouTube*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=WV0P8-mhWXM> (accessed 15.12.2023). (In English)
- Salnikova-Gilmore, O. (2024) About. *Olesya Salnikova-Gilmore*. [Online]. Available at: <https://olesyagilmore.com/about/> (accessed 02.02.2024). (In English)
- Sviridova, L., Kravchenko, M. (2001) *Russkij fol'klor [Russian folklore]*. Vladivostok: Far East State University Press, 368 p. (In Russian)

Социальные навыки устных переводчиков в условиях повышенного стресса удаленной работы

Ж. И. Шуклина ^{✉1}

¹ Санкт-Петербургская высшая школа перевода, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Жанна Игоревна Шуклина,
e-mail: zhannashuklina@yandex.ru

Для цитирования:

Шуклина, Ж. И. (2024) Социальные навыки устных переводчиков в условиях повышенного стресса удаленной работы. *Исследования языка и современное гуманитарное знание*, т. 6, № 1, с. 36–44.

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-36-44> EDN RQBVXC

Получена 19 февраля 2024; прошла рецензирование 22 мая 2024; принята 27 мая 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Ж. И. Шуклина (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В статье рассматриваются требования к социальным навыкам устных переводчиков в усложнившихся условиях удаленного формата работы и использования платформ дистанционного синхронного перевода. Дистанционное подключение в процессе перевода приводит к отстраненности и отсутствию эффекта присутствия, при этом возникает необходимость параллельно с переводом участвовать в многоканальной коммуникации, а именно, общаться с участниками мероприятия и коллегами. В условиях активного распространения доступных технологий укоренилось представление о дистанционном переводе не как о вынужденной мере, а как о полноправной и удобной замене традиционных видов перевода. При этом не всегда принимаются во внимание расширение задач и уровень стресса, с которыми сталкиваются переводчики.

Социальные навыки переводчика рассматриваются как часть эмоционального интеллекта, т. е. комплекса навыков, который позволяет контролировать свои реакции и эмоции. Также затрагивается теория адаптивности человека к стрессогенным факторам. Адаптивность в профессиональной деятельности способствует выполнению задач с оптимальными энергетическими и нервно-психическими затратами. Исследования показывают, что когнитивный стиль «полнезависимость» позволяет подходить к комплексному решению задач независимо от отдельных элементов контекста. Именно это может помочь переводчику перераспределить когнитивные ресурсы при выполнении синхронного перевода и одновременного выполнения задач коммуникации.

Затронутые в статье вопросы актуальны для практикующих переводчиков и преподавателей перевода, так как рассмотренные примеры из практики позволяют выявить наиболее сложные аспекты коммуникации, требующие отдельной проработки на этапе профессиональной подготовки будущих переводчиков или повышения квалификации уже опытных специалистов.

Ключевые слова: синхронный перевод, дистанционный перевод, эмоциональный интеллект, адаптивность, полнезависимость — полнезависимость

Social skills of interpreters in high-stress remote environments

Zh. I. Shuklina ¹

¹ St. Petersburg School of Conference Interpreting and Translation,
Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

Author

Zhanna I. Shuklina,
e-mail: zhannashuklina@yandex.ru

For citation: Shuklina, Zh. I. (2024)
Social skills of interpreters in high-
stress remote environments.
*Language Studies and Modern
Humanities*, vol. 6, no. 1, pp. 36–44.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-36-44> EDN RQBVXC

Received 19 February 2024; reviewed
22 May 2024; accepted 27 May 2024.

Funding: The study did not receive
any external funding.

Copyright: © Zh. I. Shuklina (2024).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](#).

Abstract. This article explores the social skills required of interpreters in the challenging context of remote interpreting formats and the use of remote simultaneous interpretation platforms. Remote connectivity during interpretation can lead to a lack of the feeling of presence. Additionally, interpreters must also participate in a complex communication model, interacting with event participants and colleagues. The increasing availability of technology has made remote interpretation a viable and convenient alternative to traditional methods. However, it is important to consider the additional burden and stress levels that interpreters may face.

Interpreters' social skills are a crucial component of their emotional intelligence, allowing them to regulate their reactions and emotions. This article explores the theory of human adaptability to stressors and its relevance to professional activities. It emphasizes that adaptability can assist in completing tasks with an optimal distribution of cognitive energy and neuropsychological efforts. Research indicates that the cognitive style of field-independence allows individuals to approach complex tasks independently of individual elements of the context. This can be advantageous for interpreters when performing simultaneous interpreting and communication tasks.

The issues discussed in the article are relevant for both practicing interpreters and trainers. The practical examples described identify the most demanding aspects of communication that require targeted work during professional training of future interpreters or advanced training of experienced specialists.

Keywords: simultaneous interpretation, remote interpretation, emotional intelligence, adaptability, field dependence — field independence

Введение

Целью статьи является анализ социальных навыков переводчика в процессе осуществления устного перевода в онлайн-формате. Удаленный последовательный и особенно синхронный перевод сопряжен с дополнительной нагрузкой, вызванной опосредованным характером перевода и отсутствием визуального канала восприятия невербальных сигналов и обратной связи. Даже если имеется возможность видеть на экране лицо говорящего, невозможно одновременно с осуществлением перевода оценить реакцию слушающих, удостовериться в правильной трактовке интенций оратора и т. д. Помимо повышенного стресса и технических сложностей, например с оборудованием и звуком, во время дистанционного перевода нередко возникает необходимость осуществлять коммуникацию с участниками мероприятия и коллегами, не нарушая при этом связную структуру и законченность высказываний на языке перевода.

В данной статье социальные навыки рассматриваются как важные элементы эмоционального интеллекта, т. е. комплекса навыков и спо-

собностей человека, в том числе позволяющих контролировать свои реакции и эмоции. Также затрагивается теория адаптивности человека к стрессогенным факторам. Развитие эмоционального интеллекта и адаптивности к постоянно усложняющимся условиям профессиональной деятельности переводчика является ключом к успешной работе и сохранению здоровья переводчика.

Помимо теоретических положений, автором рассматриваются примеры из собственной практики удаленного перевода, чтобы продемонстрировать, какие новые требования к социальным навыкам возникают в связи с 1) проведением «гибридных» мероприятий, где только часть участников подключена дистанционно; 2) коммуникацией с заказчиком перевода непосредственно во время мероприятия; 3) необходимостью общения с другими переводчиками во время удаленного перевода.

Удаленный устный перевод

Годы пандемии COVID-19 наглядно продемонстрировали, что к моменту ее начала

в 2020 году имеющиеся знания о работе в онлайн-режиме оказались несоответствующими требованиям, которые ситуация строгой изоляции по всему миру предъявила к организации различных видов работ. Ускорился переход к удаленному формату выполнения профессиональных обязанностей, обусловленный глобальными переменами в сфере труда, произошедшими в большинстве государств.

Сама концепция работы в онлайн-режиме, также называемая дистанционной или удаленной работой, имеет следующее определение: «работа, непосредственно выполняемая сотрудником на расстоянии от офиса или производственного объекта, в процессе выполнения которой сотрудник не контактирует с людьми лицом к лицу, но может поддерживать с ними общение, используя современные информационные технологии» (Уваров 2022, 235).

Во многих исследованиях и обзорах публикаций указываются преимущества модели удаленной работы по сравнению с традиционным трудом на рабочем месте (Уваров 2022; Bailey, Kurland 2002). Большинство из них подчеркивают практические плюсы удаленной работы: гибкость графика, баланс между домом и работой, отсутствие необходимости поездок на работу. Работодатели при этом отмечают снижение накладных расходов и в целом рост производительности труда (Жидяева, Кувалдина 2021, 12–13).

При этом многие работники отмечают и отрицательные аспекты. Это, в первую очередь, социальная изоляция в отрыве от привычного социального окружения или условий труда. Также отмечается размытость разграничения рабочего и личного пространства, что мешает человеку переключиться и отдохнуть от рабочих или домашних проблем (Уваров 2022, 238). Не менее значимой оказывается техническая поддержка, наличие качественного оборудования, надежного интернет-соединения и т. д.

Изменения, связанные с пандемией новой коронавирусной инфекции, коснулись и устных переводчиков. Большое распространение получили технические средства видеоконференцсвязи для последовательного перевода и платформы удаленного синхронного перевода (*RSI, remote simultaneous interpretation*). Это значительно повлияло на психологическую и эмоциональную нагрузку переводчиков, которые были вынуждены не только освоить новые программные средства, но и осуществлять перевод, находясь на большом расстоянии как от выступающих, так и от потенциальной аудитории.

С. Браун выделяет три компонента технологической трансформации устного перевода (*technological turn* в терминологии С. Брауна): 1) развитие инструментов дистанционного перевода приводит к появлению технологически опосредованного или дистанционного устного перевода; 2) технологии автоматизированного устного перевода (*CAI, computer-assisted interpreting*, устный перевод с технологической поддержкой); 3) технологии автоматизированного устного перевода (машинный устный перевод), а также гибридные технологии, связанные с автоматическим распознаванием речи (например, *respeaking*) (Braun 2019, 271).

Все эти новшества, с одной стороны, облегчают работу переводчика и выводят ее на новые горизонты взаимодействия человека и машины, но с другой — усиливают факторы, которые могут затруднить перевод в реальном времени. Еще до пандемии, в 2017 году в рамках Международной ассоциации переводчиков конференций АПС была создана рабочая группа по вопросам удаленного перевода (*Task Force on Distance Interpreting*), в задачи которой входила координация всех вопросов, связанных с работой в дистанционном режиме. Эта деятельность в первую очередь нацелена на разработку стандартов и правил, призванных защитить здоровье устных переводчиков и обеспечить им безопасные условия труда.

Причины дополнительной нагрузки на переводчика в условиях дистанционной коммуникации могут объясняться особенностями мультисенсорной интеграции, т. к. переводчику приходится координировать аудиальный и визуальный каналы при конструировании ситуативной модели удаленного контекста, что приводит к ощущению потери контроля в процессе работы (Moser-Mercer 2005, 737).

Отсутствие визуальной информации, когда переводчик не видит выступающего и не может оценить выражение лица и жесты оратора, связывают с появлением состояния отчужденности, отсутствия чувства присутствия (*feeling of "alienation", absence of a feeling of presence*) (Moser-Mercer 2005; Mouzourakis 2006). Этот вывод подтверждается и исследованиями перевода в социальных ситуациях. Работа С. Браун в рамках проекта *ViKiS* выявила особый статус этого субъективного ощущения присутствия (*social presence*): при синхронном переводе видеоконференции низкое качество звукового сигнала приводило к дроблению и нарушению связности дискурса, а переводчику было сложно в таких условиях почувствовать эмоции говорящих и понять их намерения.

В совокупности эти и другие факторы приводили к более быстрому наступлению усталости, чем в традиционных сценариях осуществления перевода лицом к лицу или из переводческой кабины в зале заседания (Braun 2007, 29).

В условиях активного распространения доступных технологий укрепляется представление о дистанционном переводе не как о вынужденной мере в условиях ограничения возможностей участников собраться в одном месте, а как о полноценной и удобной замене традиционных видов перевода. При этом не всегда осознаются расширение задач и уровень стресса, с которыми сталкиваются переводчики.

Взросшие требования к профессиональной деятельности переводчиков в таком контексте требует всестороннего анализа и изучения. В данной статье мы коснемся лишь некоторых навыков, требования к которым возросли в условиях удаленного перевода. Были выбраны социальные навыки, обеспечивающие эффективную коммуникацию переводчика с другими участниками ситуации удаленного перевода.

Социальные навыки и стрессоустойчивость

В силу своей профессиональной деятельности переводчик является посредником, выполняющим важную задачу обеспечения коммуникации между представителями разных языковых культур. В устном переводе помимо собственно переводческих навыков и знания тематики, технической терминологии, контекста обсуждаемых вопросов огромное значение приобретают социальные навыки переводчика.

Традиционно социальные навыки включают умение управлять взаимоотношениями с другими людьми, что очень важно для любого человека, а не только переводчика, т. к. это позволяет успешно общаться, повышать качество коммуникации, достигать большей эффективности при контакте с коллегами и заказчиками, а также контролировать свои эмоции и поведение в целом.

Социальные навыки рассматриваются как часть эмоционального интеллекта. Еще в первой четверти XX века Э. Торндайк писал об эмоциональном интеллекте как способности понимать людей, уметь обращаться и взаимодействовать с ними (Thorndike 1920). А в 1960-е годы ученые стали разрабатывать модели эмоционального интеллекта; среди них наиболее интересные были предложены психологами Р. Бар-Оном (Bar-On 2000), Д. Гоулманом (Гоулман 2013). Позже большое распространение

получили практические инструменты: тест на определение эмоционального интеллекта, разработанный Дж. Майером, П. Сэловеем и Д. Карузо (Salovey, Mayer 1990), опросник Д. В. Люсина (Люсин 2004). Одна из самых популярных моделей эмоционального интеллекта была предложена психологом Д. Гоулманом. Он дополнил модель Майера-Саловея-Карузо, объединив в ней когнитивные способности и личностные характеристики. Эта модель стала настолько популярной, что вышла за пределы собственно психологии и стала применяться во множестве других сфер. В свою модель Гоулман включил четыре основных компонента, разделенных на несколько мелких элементов. Далее приводятся основные компоненты этой модели, особенно актуальные для переводчиков:

- 1) Самосознание — понимание себя, своего значения, своей роли в жизни и обществе; уверенность в себе, позитивная и адекватная оценка своих сильных и слабых сторон, осознание своих возможностей.
- 2) Самоконтроль — способность контролировать свои эмоции, чувства и мысли; умение приспосабливаться к обстоятельствам.
- 3) Социальная чуткость — умение сопереживать, понимать чувства и потребности окружающих, умение удовлетворять потребности и нужды клиентов и подчиненных.
- 4) Управление отношениями — умение управлять и направлять эмоции других людей, владение тактикой убеждения, эффективное разрешение разногласий (Гоулман 2013).

Можно предположить, что для успешного решения профессиональных задач, особенно в условиях удаленной работы, устным переводчикам необходимо обладать высокоразвитым эмоциональным интеллектом и значительной степенью адаптивности к окружающим условиям. Согласно Л. Филипсу, социальная адаптивность выражается двумя типами ответов на воздействие среды. Это эффективный ответ под влиянием социальных ожиданий, т. е. принятие социальных норм, и, с другой стороны, гибкость и эффективность при столкновении с новыми и потенциально опасными условиями (Phillips 2013). Такая гибкость и способность придавать событиям желательное для себя направление представляют собой важные для устного переводчика навыки. В отсутствие гибкости и адаптивности условия работы могут быть действительно опасными для эмоционального здоровья переводчика. В профессиональной сфере адаптивность проявляется прежде всего в эффективности деятельности, характеризующейся высокой производительностью и качеством

продукта, оптимальными энергетическими и нервно-психическими затратами, удовлетворенностью профессионала (Березин 1988).

В психологии феномен адаптивности-деадаптивности человека к стрессогенным факторам рассматривается с точки зрения эмоционально-волевой регуляции (Чумаков 2016), саморегуляции (Бадмаева 2004), специфики когнитивного стиля человека (Осокина 2023). Среди этих теорий наибольшее внимание к себе привлекает когнитивный стиль «полезависимость — полнезависимость» (*field dependence — field independence*). Полнезависимость рассматривается как умение человека дифференцировать и структурировать сложное информационное поле, точно и быстро выделяя из него существенные и несущественные элементы (Богомаз 2011). Таким образом преодолевается влияние контекста, а это именно то, что необходимо переводчику в удаленном формате работы, как будет описано на конкретных примерах ниже.

Как показали исследования (Осокина 2023; Селиванов 2003), полнезависимость коррелирует с нормальным уровнем стрессоустойчивости и тревожности с преобладающим механизмом мышления — «направленный анализ через синтез». В свою очередь, полезависимость коррелирует с низкой стрессоустойчивостью. Высокий уровень стрессоустойчивости личности способствует повышению активности, мобилизации сил, повышению эффективности деятельности и способности человека адекватно реагировать на стрессовые факторы. В академической сфере успеваемость выше у полнезависимых людей, у них сильнее выражена тенденция использовать наиболее рациональные стратегии запоминания и воспроизведения материала, они лучше справляются с генерализацией и переносом знаний.

Нельзя утверждать, что люди с полезависимым когнитивным стилем не могут быть хорошими переводчиками. В обычных ситуациях работы в переговорных, конференц-залах, при личном общении такие индивидуумы более социально эффективны, т. к. они ориентированы на собеседников, учитывают их эмоциональное состояние и обратную связь. Но при удаленной работе отсутствие такого прямого контакта и наличие дополнительных задач повышает уровень стресса.

Примеры из практики

Рассмотрим несколько примеров из практики, иллюстрирующих необходимость высокой стрессоустойчивости и адаптации к контексту.

Были выделены усложнившиеся модели общения между участниками ситуации перевода, между заказчиком и переводчиком во время перевода, а также коммуникации между несколькими переводчиками в рамках одного мероприятия.

Усложнившиеся ситуации профессионального общения. Во время пандемии перевод на «гибридных» мероприятиях, когда некоторые участники присутствуют в зале, а остальные подключаются, используя средства конференц-связи и удаленного перевода, получил довольно широкое распространение. Такая сложная конструкция с разнонаправленными потоками сообщений требует от переводчика распределения усилий и быстрого принятия решений в случае возникновения технических и других сложностей. Во-первых, необходимо понять, какой из параллельных каналов коммуникации является приоритетным. Например, если оратор выступает с презентацией в зале, нужно ли переводить вопросы, которые могут задавать в процессе выступления подключившиеся удаленно участники? Во-вторых, до начала мероприятия необходимо удостовериться, будут ли устраняться звукоинженерами сложности технического характера, или же необходимо продумать свои действия в случае возникновения технических проблем (отсутствие интернет-подключения, плохой звук, поступающий в наушники, и т. д.).

Рассмотрим ситуацию гибридного заседания в суде в условиях пандемии. Все реплики участвующих переводятся последовательно. В зале заседаний находятся члены суда, представители сторон, адвокаты и переводчик. Ответчик участвует удаленно, его речь слышна из монитора, закрепленного на высоте двух метров на стене напротив членов суда. Все присутствующие должны находиться на расстоянии не менее 1,5 метров друг от друга и быть в медицинских масках. В зале громко работает кондиционер. Можно продолжить довольно длинный и неутешительный список сложностей, с которыми здесь сталкивается переводчик (неразборчивая речь, т. к. звук приглушается маской, отсутствие микрофона у подключившегося по конференц-связи участника, посторонние звуки в помещении, в котором он находится и т. д.). Переводчик на подобном заседании должен не просто обладать стрессоустойчивостью, но и уметь адаптироваться к возрастающему количеству усложняющих его задачу факторов.

Необходимо использовать навыки полнезависимости, рассмотренные выше, чтобы заставить себя «выключить» из поля зрения

и внимания все, что противоречит нормальным условиям профессиональной деятельности. Приведенный пример является иллюстрацией нестандартной ситуации, которой нет места в идеальном мире, но отказ от выполнения перевода может привести к ухудшению позиции одной из сторон судебного заседания, что становится этическим нарушением.

Коммуникация с заказчиком перевода во время мероприятия. При удаленном формате работы переводчик, осуществляющий синхронный перевод, находится в виртуальной кабине, и его голос звучит только в случае выбора участниками функции перевода. Так это происходит и при обычных заседаниях, когда для участников предусмотрены устройства с наушником, через который слышен перевод.

При удаленном формате переводчик может напрямую общаться с теми, кто выбрал функцию перевода, но его не слышат участники основного зала заседаний. В таких ситуациях переводчик иногда становится передаточным звеном между иностранными участниками и российскими заказчиками (организаторами мероприятия) или наоборот. Переводчику могут задать вопрос, который слышен только в канале перевода. Или организаторы могут обратиться к переводчику: «Скажите им, что...». Также случаются моменты, когда переводчик понимает проблему сбоя коммуникации, например, выступающий не может вывести изображение на общий экран. Сложность для переводчика в этом случае заключается в том, чтобы разобраться, чьи распоряжения он выполняет в первую очередь, и как способствовать более гладкой коммуникации. Важно учесть роли всех участников: организаторы, которые могут не понимать технической специфики удаленного перевода; технические специалисты, которые помогают со сбором вопросов, отслеживают «поднятые руки» и т. д.; приглашенный лектор, которого все собрались послушать; участники семинара, которые могут подключаться к обсуждению и т. д.

Переводчику необходимо заранее выяснить, к кому и через какой канал связи обращаться в случае возникшей необходимости выйти из роли переводчика, который внимательно и точно переводит содержание выступлений, и переключиться на обеспечение общения между участниками. Это может быть непростой задачей, т. к. в бизнес-среде перевод иногда осуществляется в разные устройства (предположим, два разных звонка в *Skype*, один для слушающих на русском языке, другой — на английском). Или на конференции перевод может выводиться

через акустическую систему зала, а ораторы подключаться удаленно.

Коммуникация с другими переводчиками во время удаленного перевода. В современном мире проводятся мероприятия с синхронным переводом одновременно на несколько языков (от пяти до десяти и более). В каждой виртуальной кабине находится минимум два переводчика одной языковой пары, и, если на мероприятии используется пять языков (предположим, русский, английский, испанский, арабский и китайский), то необходимо минимум десять переводчиков. В одном из мессенджеров создается рабочий чат для оперативного обмена сообщениями (информация, материалы, сообщения об изменении в составе и др.). Помимо этого два переводчика одной языковой пары, иногда находящиеся в разных странах или даже на разных континентах, должны не только слушать друг друга, но и давать и получать сигнал, когда меняться. Для этих целей используются специальные кнопки и функции, имеющиеся в системах RSI, или подтверждение напарнику отправляется личным сообщением в мессенджере. Таким образом, во время синхронного перевода переводчик должен следить за презентацией и выступлением на экране, контролировать сообщения в рабочем чате для переводчиков и следить за сообщениями от напарника. Все это требует определенной сноровки и автоматизма, но не менее важно соблюдать профессиональный этикет онлайн-общения. В общем рабочем чате недопустимы личные сообщения, адресованные одному человеку, не приветствуются картинки с мемами, не относящиеся к мероприятию ссылки, оценочные сообщения, — это может привести к потере важной информации.

Общение во время перевода в личном чате с коллегой по кабине должно быть деловое. Если переводчики помогают друг другу с терминологией, необходимо оговорить заранее, будет ли эта информация передаваться в мессенджере или в открытом у обоих документе *Google*.

Как видим, речь опять идет о разнонаправленной коммуникации, когда помимо осуществления крайне напряженной задачи синхронного перевода, требующей максимальной концентрации внимания, необходимо общаться с коллегами или контролировать сообщения в рабочих чатах. Не менее важно следить за переключением канала перевода, когда требуется переводить в другую сторону. Например, переводчик языковой пары русский-английский переводит выступления на английский язык, а затем ему нужно переводить англоязычного

участника на русский язык. Все остальные переводчики в удаленных кабинетах будут брать реле с русского языка. Если переводчик не переключил канал, то он остается в английском канале, соответственно, возникает путаница и сбой перевода на остальные языки, что ведет к нарушению основной функции перевода — обеспечения коммуникации между участниками мероприятия.

Заключение

Профессия переводчика подразумевает постоянное развитие и работу над собой. Новые инструменты, стремительно меняя условия конкуренции в профессии, требуют от переводчика освоения технологических компетенций и быстрой адаптации к новым условиям труда. Это подчеркивают и представители высших учебных заведений, отвечающих за профессиональную подготовку будущих специалистов (Ачкасов 2018). Для устного переводчика не менее важным оказывается развитие навыков коммуникации в новых форматах осуществления устного перевода. В данной статье рассмотрены лишь несколько ситуаций с дополнительными требованиями к коммуникации. На самом деле состояний с дополнительными факторами стресса

гораздо больше. Модели дополнительной коммуникации внешне могут выглядеть понятными и обманчиво простыми, но они требуют отработки до автоматизма, чтобы не препятствовать качественному переводу. Важно учитывать эти моменты при подготовке будущих переводчиков. В условиях учебных программ со студентами необходимо моделировать возможные ситуации и форматы, что позволит будущим переводчикам эффективно справляться с поставленными задачами. А уже сложившимся переводчикам важно открыто смотреть на появляющиеся технические новинки, смело с ними экспериментировать, анализировать свое поведение и учиться у более опытных коллег. Это позволит сделать незаметной для постороннего глаза огромную работу, которую переводчик осуществляет «за кадром».

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Ачкасов, А. В. (2018) Удаленный устный перевод и подготовка переводчиков. В кн.: *XLVII Международная филологическая научная конференция. Секция «Проблемы методики преподавания перевода»*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета. [Электронный ресурс]. URL: <https://conference-spbu.ru/conference/38/reports/7222> (дата обращения 18.02.2024).
- Бадмаева, Д. Г. (2004) *Саморегуляция активности личности в стрессовых ситуациях (на примере экзаменационного стресса)*. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата психологических наук. Красноярск, Сибирский государственный технологический университет, 18 с.
- Березин, Ф. Б. (1988) *Психическая и психофизиологическая адаптация человека*. Л.: Наука, 270 с.
- Богомаз, С. А. (2011) Когнитивный стиль полезависимость–полenezависимость: индивидуальные различия, обусловленные целеустремленностью. *Теоретическая и экспериментальная психология*, т. 4, № 4, с. 5–12.
- Гоулман, Д. (2013) *Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ*. М.: Манн, Иванов и Фарбер, 544 с.
- Жидяева, Е. С., Кувалдина, Е. А. (2021) Преимущества и недостатки удаленной работы. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, т. 4-3 (55), с. 10–14. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-3-10-14>
- Люсин, Д. В. (2004) Современные представления об эмоциональном интеллекте. В кн.: Д. В. Люсин, Д. В. Ушаков (ред.). *Социальный интеллект: Теория, измерения, исследования*. М.: Изд-во Института психологии РАН, с. 29–36.
- Осокина, К. А. (2023) *Взаимосвязь когнитивного стиля (полезависимость–полenezависимость) и стрессоустойчивости личности*. Диссертация на соискание степени кандидата психологических наук. Смоленск: Смоленский государственный университет, 156 с.
- Селиванов, В. В. (2003) *Мышление в личностном развитии субъекта*. 2-е изд. Смоленск: Универсум, 312 с.
- Уваров, А. А. (2022) Особенности влияния трудовой деятельности в онлайн-режиме на психологическое состояние работников. *Человеческий капитал*, т. 2, № 5 (161), с. 235–242.
- Чумаков, М. В. (2016) Эмоционально-волевая сфера и стрессоустойчивость личности. *Вестник Курганского государственного университета*, № 2 (41), с. 84–88.

- Bar-On, R. (2000) Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory (EQ-i). In: R. Bar-On, J. D. A. Parker (eds.). *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace*. San Francisco: Jossey-Bass Publ., pp. 363–388.
- Bailey, D. E., Kurland, N. B. (2002) A review of telework research: Findings, new directions, and lessons for the study of modern work. *Journal of Organizational Behavior*, vol. 23, no. 4, pp. 383–400. <https://doi.org/10.1002/job.144>
- Braun, S. (2007) Interpreting in small-group bilingual videoconferences: Challenges and adaptation processes. *Interpreting*, vol. 9, no. 1, pp. 21–46. <https://doi.org/10.1075/intp.9.1.03bra>
- Braun, S. (2019) Technology and interpreting. In: M. O'Hagan (ed.). *The Routledge handbook of translation and technology*. London: Routledge Publ. [Online]. Available at: https://www.academia.edu/44363004/2019_Technology_and_interpreting_Handbook (accessed 18.02.2024).
- Moser-Mercer, B. (2005) Remote interpreting: Issues of multi-sensory integration in a multilingual task. *Meta: Translators' Journal*, vol. 50, no. 2, pp. 727–738. <https://doi.org/10.7202/011014ar>
- Mouzourakis, P. (2006) Remote interpreting: A technical perspective on recent experiments. *Interpreting*, vol. 8, no. 1, pp. 45–66. <https://doi.org/10.1075/intp.8.1.04mou>
- Phillips, L. (2013) *Human adaptation and its failures*. New York; London: Academic Press, 288 p.
- Salovey, P., Mayer, J. D. (1990) Emotional intelligence. *Imagination, Cognition, and Personality*, vol. 9, no. 3, pp. 185–211. <https://dx.doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG>
- Thorndike, E. L. (1920) Intelligence and its use. *Harper's Magazine*, vol. 140, pp. 227–235.

References

- Achkasov, A. V. (2018) Udalennyj ustnyj perevod i podgotovka perevodchikov [Remote interpreting and training of interpreters]. In: *XLVII Mezhdunarodnaya filologicheskaya nauchnaya konferentsiya. Sektsiya "Problemy metodiki prepodavaniya perevoda" [47th International philological research conference. Section "Problems of translation teaching methodology"]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University Publ. [Online]. Available at: <https://conference-spbu.ru/conference/38/reports/7222> (accessed 18.02.2024). (In Russian)
- Badmaeva, D. G. (2004) *Samoregulyatsiya aktivnosti lichnosti v stressovykh situatsiyakh (na primere ekzamenatsionnogo stressa) [Self-regulation of personality activity in stressful situations (using the example of exam stress)]. Extended abstract of the PhD dissertation (Psychology)*. Krasnoyarsk, Siberian State Technological University, 18 p. (In Russian)
- Bailey, D. E., Kurland, N. B. (2002) A review of telework research: Findings, new directions, and lessons for the study of modern work. *Journal of Organizational Behavior*, vol. 23, no. 4, pp. 383–400. <https://doi.org/10.1002/job.144> (In English)
- Bar-On, R. (2000) Emotional and social intelligence: Insights from the Emotional Quotient Inventory (EQ-i). In: R. Bar-On, J. D. A. Parker (eds.). *Handbook of emotional intelligence: Theory, development, assessment, and application at home, school, and in the workplace*. San Francisco: Jossey-Bass Publ., pp. 363–388. (In English)
- Berezin, F. B. (1988) *Psikhicheskaya i psikhofiziologicheskaya adaptatsiya cheloveka [Mental and psychophysiological adaptation of human]*. Leningrad: Nauka Publ., 270 p. (In Russian)
- Bogomaz, S. A. (2011) Kognitivnyj stil' polezavisimost'-polenezavisimost': individual'nye razlichiya, obuslovlennyye tselestremennost'yu [The cognitive style of field dependence — field independence: The individual differences due to dedication]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya — Theoretical and Experimental Psychology*, vol. 4, no. 4, pp. 5–12. (In Russian)
- Braun, S. (2007) Interpreting in small-group bilingual videoconferences: Challenges and adaptation processes. *Interpreting*, vol. 9, no. 1, pp. 21–46. <https://doi.org/10.1075/intp.9.1.03bra> (In English)
- Braun, S. (2019) Technology and interpreting. In: M. O'Hagan (ed.). *The Routledge handbook of translation and technology*. London: Routledge Publ. [Online]. Available at: https://www.academia.edu/44363004/2019_Technology_and_interpreting_Handbook (accessed 18.02.2024). (In English)
- Chumakov, M. V. (2016) Emotsional'no-volevaya sfera i stressoustojchivost' lichnosti [Emotional and volitional sphere and compliance with the pressures]. *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (41), pp. 84–88. (In Russian)
- Goleman, D. (2013) *Emotsional'nyj intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ [Emotional intelligence: Why it can matter more than IQ]*. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 544 p. (In Russian)
- Lyusin, D. V. (2004) Sovremennyye predstavleniya ob emotsional'nom intellekte [Current views on emotional intelligence]. In: D. V. Lyusin, D. V. Ushakov (eds.). *Sotsial'nyj intellekt: Teorii, izmereniya, issledovaniya [Social intelligence: Theory, measurement, research]*. Moscow: Institute of Psychology RAS Publ., pp. 29–36. (In Russian)
- Moser-Mercer, B. (2005) Remote interpreting: Issues of multi-sensory integration in a multilingual task. *Meta: Translators' Journal*, vol. 50, no. 2, pp. 727–738. <https://doi.org/10.7202/011014ar> (In English)
- Mouzourakis, P. (2006) Remote interpreting: A technical perspective on recent experiments. *Interpreting*, vol. 8, no. 1, pp. 45–66. <https://doi.org/10.1075/intp.8.1.04mou> (In English)

- Osokina, K. A. (2023) *Vzaimosvyaz' kognitivnogo stilya (polezavisimost'–polenezavisimost') i stressoustojchivosti lichnosti [Interrelation of cognitive style (field dependence and field independence) and stress resistance of personality]. PhD dissertation (Psychology)*. Smolensk: Smolensk State University, 156 p. (In Russian)
- Phillips, L. (2013) *Human adaptation and its failures*. New York; London: Academic Press, 288 p. (In English)
- Salovey, P., Mayer, J. D. (1990) Emotional intelligence. *Imagination, Cognition, and Personality*, vol. 9, no. 3, pp. 185–211. <https://dx.doi.org/10.2190/DUGG-P24E-52WK-6CDG> (In English)
- Selivanov, V. V. (2003) *Myshlenie v lichnostnom razvitii sub'ekta [Thinking in the subject's personal development]*. 2nd ed. Smolensk: Universum Publ., 312 p. (In Russian)
- Thorndike, E. L. (1920) Intelligence and its use. *Harper's Magazine*, vol. 140, pp. 227–235. (In English)
- Uvarov, A. A. (2022) Osobennosti vliyaniya trudovoj deyatel'nosti v onlajn-rezhime na psikhologicheskoe sostoyanie rabotnikov [Specifications of the impact of online work on the psychological state of employees]. *Chelovecheskij capital — Human Capital*, vol. 2, no. 5 (161), pp. 235–242. (In Russian)
- Zhidyaeva, E. S., Kuvaldina, E. A. (2021) Preimushchestva i nedostatki udalenoj raboty [Advantages and disadvantages of remote work]. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk — International Journal of Humanities and Natural Sciences*, vol. 4-3 (55), pp. 10–14. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-4-3-10-14> (In Russian)

Английские и русские термины сферы информационных технологий: сопоставительный аспект (на материале терминологической базы данных компании «Майкрософт»)

О. В. Шурлина ¹

¹ Воронежский государственный университет, 394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

Сведения об авторе

Ольга Викторовна Шурлина,
SPIN-код: [2507-3705](#),
e-mail: oshurlina@gmail.com

Для цитирования: Шурлина, О. В. (2024) Английские и русские термины сферы информационных технологий: сопоставительный аспект (на материале терминологической базы данных компании «Майкрософт»).

Исследования языка и современное гуманитарное знание, т. 6, № 1, с. 45–53. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-45-53>
EDN TNVRDU

Получена 1 февраля 2024; прошла рецензирование 2 мая 2024; принята 16 мая 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © О. В. Шурлина (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. В настоящее время проблема функционирования языка в сфере информационных технологий в ситуации набирающей обороты информатизации общества имеет актуальное значение в лингвистике. Вопросы системного описания наиболее употребительных приемов перевода английских терминов информационных технологий на русский язык требуют дальнейшего изучения. В работе системно представлены английские и русские термины информационных технологий. Исследование проводилось на материале английских и русских терминов общим количеством 2 000 единиц, составляющих официально утвержденную терминологическую базу компании «Майкрософт». Для отбора терминов применялся метод сплошной выборки. В качестве основного метода исследования используется сопоставительный анализ английских и русских терминов, содержащихся в указанном источнике. Проведенное исследование позволяет определить основные приемы перевода английских терминов информационных технологий на русский язык и классифицировать их на следующие четыре группы. Термины, передаваемые на язык перевода 1) эквивалентами / аналогами; 2) частичным калькированием; 3) полным калькированием; 4) транскрибированием или транслитерированием. Отдельная группа — терминологические сокращения, передаваемые на язык перевода разными способами. Выводы, сделанные в результате проведенного исследования, могут быть использованы для дальнейшей разработки теоретических проблем нормализации, унификации и стандартизации терминов информационных технологий. Результаты исследования могут иметь практическое значение для терминографии и дидактики перевода: они могут пополнить англо-русский словарь терминов информационных технологий, который позволит расширить профессиональный вокабуляр переводчиков и избежать ошибок, связанных с некорректным использованием терминов информационных технологий.

Ключевые слова: IT-терминология, IT-термины, английские термины, русские термины, IT-перевод

English and Russian terms in the field of information technology: A comparative aspect (based on the Microsoft Terminology database)

O. V. Shurlina ¹

¹ Voronezh State University, 1 Universitetskaya pl., Voronezh 394018, Russia

Author

Olga V. Shurlina,
SPIN-код: 2507-3705,
e-mail: oshurlina@gmail.com

For citation: Shurlina, O. V. (2024) English and Russian terms in the field of information technology: A comparative aspect (based on the Microsoft Terminology database). *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 1, pp. 45–53. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-45-53> EDN TNVRDU

Received 1 February 2024; reviewed 2 May 2024; accepted 16 May 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © O. V. Shurlina (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The problem of language functioning in the field of information technology is currently of great importance in linguistics in the situation of the increasing computerisation of society. Further research is needed to systematically describe the most common ways of translating English IT terms into Russian. The paper defines and systematically presents the ways of translating the most common terms used in the field of information technology from English into Russian. The study is carried out on the basis of the English and Russian terms presented in the officially approved Microsoft terminology base with a total amount of 2000 units. The terms were obtained using a continuous selection method. The research method used is the comparative analysis of the English and Russian terms contained in the source. The research conducted allows us to identify the main methods of translating English IT terms into Russian and to classify them into the following four groups: 1) terms translated into the target language by equivalents/analogues; 2) terms translated into the target language by partial literal word-for-word method; 3) terms translated into the target language by full literal word-for-word method; 4) terms translated into the target language by transcription or transliteration; 5) terminological abbreviations translated into the target language in different ways. The conclusions drawn from the study can be used to further develop the theoretical problems of normalisation, unification and standardisation of information technology terms. The results of the study may be of practical importance for the terminography and didactics of translation: they can expand the English-Russian dictionary of IT terms, which will enlarge professional vocabulary of translators and avoid errors associated with the incorrect use of IT terms.

Keywords: IT terminology, IT terms, English terms, Russian terms, IT Translation

Введение

В настоящее время проблема функционирования языка в сфере информационных технологий в ситуации набирающей обороты информатизации общества имеет актуальное значение в лингвистике. Информационное общество, сформированное в результате глобальной компьютеризации и активного развития информационных и цифровых технологий в конце XX века, имеет огромные возможности для получения, хранения и обработки информации, мгновенного доступа к глобальным и локальным информационным ресурсам (Шурлина 2019). Термины информационных технологий появились в середине XX века, вместе с появлением и развитием первых информационных систем.

В настоящее время в научной литературе понятие «термин» не имеет единого толкования.

Несомненно, описать такое сложное и многогранное явление непросто. Так, А. В. Суперанская дает лаконичное определение данному понятию и полагает, что термин представляет собой «словесное обозначение понятия, входящего в систему понятий определенной области профессиональных знаний» (Суперанская, Подольская, Васильева 2019, 14). В. М. Лейчик указывает на динамический характер рассматриваемого «явления, которое рождается, формулируется, углубляется в процессе познания» (Лейчик 2022, 31). По мнению А. А. Реформатского, терминами являются слова, которые ограничены «своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей» (Реформатский 2021, 61). По нашему мнению, термином является слово или словосочетание, называющее узкоспециальное понятие, относящееся к определенной области знаний или

деятельности. К основным свойствам термина относятся системность, точность, независимость от контекста или однозначность, информативность (Алимурадов и др. 2011; Валуйцева, Хухуни 2019; Гринев-Гриневич 2008; Гринев-Гриневич, Сорокина 2020; Гринев-Гриневич и др. 2021; Даниленко 1986; Капанадзе 2005; Лейчик 2022; Суперанская и др. 2019).

Программные продукты создаются на английском языке, поскольку компании-разработчики, занимающие лидирующие позиции на рынке информационных технологий, находятся в США. Кроме того, интернациональное сообщество разработчиков в качестве языка-посредника использует английский язык. В результате, другие языки, в том числе русский, постоянно пополняются английскими терминами информационных технологий (Шурлина 2019). Проблема заимствования терминов из английского языка интересовала лингвистов на всех этапах развития терминоведения (Гак 2018; Денисов 1980; Лотте 1982). Сегодня актуальными являются вопросы системного описания частотных проемов перевода английских терминов сферы информационных технологий на русский язык.

Цель данного исследования состояла в том, чтобы определить и системно представить приемы перевода наиболее употребительных английских терминов сферы информационных технологий на русский язык.

Задачи исследования предполагают изучение научной литературы по вопросам перевода английских терминов информационных технологий на русский язык, отбор терминов методом сплошной выборки, сопоставительный анализ терминов, обобщение полученных результатов.

Материалом для исследования послужили термины на английском и русском языках, составляющие упорядоченную и официально утвержденную терминологическую базу компании «Майкрософт» общим количеством 2 000 единиц. При отборе терминов использовался метод сплошной выборки. Терминологическая база компании «Майкрософт» может применяться для разработки локализованных версий приложений, интегрируемых с продуктами «Майкрософт». Она может объединяться с другими списками терминов или использоваться в качестве глоссария.

В качестве основного метода исследования использовался сопоставительный анализ английских и русских терминов, содержащихся в указанном источнике. В качестве дополнительных — методы компонентного и дефиниционного анализа, методики количественного подсчета.

Результаты исследования

В результате анализа наиболее употребительных терминов информационных технологий на английском языке мы определили основные приемы их перевода на русский язык, которые могут быть распределены на следующие группы.

Группа 1. Термины сферы информационных технологий, передаваемые на русский язык эквивалентами / аналогами.

Эквивалент термина позволяет сохранить краткость оригинала, точно передать объем понятия оригинала и избежать повторения имеющегося в русском языке термина (Климзо 2006, 55). В терминологической базе компании «Майкрософт» содержатся широко известные термины *software*, *hardware*, *malware*, передаваемые на русский язык соответствующими эквивалентами: «программное обеспечение», «аппаратное обеспечение», «вредоносное программное обеспечение». Для перевода термина *handler* используется эквивалент «обработчик». Терминологи компании «Майкрософт» дают следующее определение этому термину: *a routine that manages a common and relatively simple condition or operation, such as error recovery or data movement*. Термин называет программу, обслуживающую обычную и простую операцию, например, восстановление при ошибке или перемещение данных.

Значение термина *array* в терминологической базе компании «Майкрософт» определяется как *a list of data values, all of the same type, any element of which can be referenced by an expression consisting of the array name followed by an indexing expression. Arrays are part of the fundamentals of data structures, which, in turn, are a major a major of fundamental of computer programming*. Данное толкование значения помогает понять, что в программировании термин *array* называет список значений данных одного типа. На русском языке такой список называется массивом.

Многие термины переводятся путем подбора аналога. При этом учитывается значение термина и контекст его употребления. Так, термин *edit*, согласно терминологической базе компании «Майкрософт», употребляется в значении *to make a change to existing content such as a file, a document, or post*. В программных продуктах «Майкрософт», например, *Office* и *Office 365*, так называется функция, позволяющая вносить изменения в имеющийся файл или документ. Изменения сохраняются в памяти или временном файле, но не добавляются к документу до тех пор, пока программа не получит команду сохранить их. Анализ контекста помогает переводчику понять,

что происходит не редактирование данных, а их изменение. Обычно программы-редакторы обеспечивают защиту от непреднамеренного внесения изменений, например, путем запроса подтверждения на сохранения данных под уже существующим именем. Для перевода на русский язык термина *edit* используется контекстуальный аналог «изменить».

Значение термина *help / online help* терминологи компании «Майкрософт» определяют следующим образом: *a capability of many programs and operating systems to display advice or instructions for using their features when so requested by the user, as by a screen button or menu item or a function key*. Пользователь может получить доступ к справочной информации онлайн, не прерывая выполняемой работы. Некоторые справочники позволяют пользователю получить информацию, относящуюся к выполняемой задаче или команде. Внимательное изучение данной функциональной способности программных продуктов «Майкрософт» позволяет перевести термин *help / online help* на русский язык как «справка / интерактивная справка».

Термин *help desk* в программных продуктах «Майкрософт» называет службу, помогающую решать проблемы, возникающие при использовании аппаратных или программных систем или отсылающую поступающие запросы специалистам компании, которые могут их решить (*an individual or team of support of professionals that provide technical assistance for an organization's network, hardware devices, and software*). В русскоязычных версиях программных продуктов «Майкрософт» данная служба называется «служба технической поддержки».

Строка меню *Options* позволяет пользователю определять, каким образом приложение будет работать при каждом его запуске. В терминологической базе компании «Майкрософт» значение термина толкуется так: *the menu choice that allows a user to customize application behavior*. Переводчик понимает, что имеются в виду параметры (например, пользователь может определить будет ли текст отображаться таким же образом, как и при печати).

В линейке продуктов компании *Microsoft*, например, *Microsoft Azure* используется термин *kill*. Он употребляется в значении *to terminate a running process*. Ключевое слово *terminate* подсказывает переводчику, какое действие называет глагол *kill*: остановить или уничтожить («убить») программу или операционную систему. В результате, получаем переводческое решение — «завершить». Аналог на русском языке, безусловно, передает семантику, но теряет экспрессивность английского термина.

Таким образом, как справедливо полагает Б. Н. Климзо, переводчику для построения эквивалента / подбора аналога термина важно знать тематику и тщательно анализировать контекст (Климзо 2006, 56).

Группа 2. Термины, передаваемые на русский язык с помощью приема частичного калькирования.

При переводе отсутствующего в словаре термина переводчик решает «задачу построения эквивалента безэквивалентного термина» (Климзо 2006, 54). Эту задачу можно решить с помощью разных способов — транскрипции, транслитерации, калькирования, описания. Рассмотрим несколько примеров.

Термин *content settings* состоит из двух терминологических элементов. Определяющим является *content*, под которым, согласно терминологической базе компании «Майкрософт», подразумевается *information such as audio, video, images, or text that is contained in a digital media file or stream* — любое содержательное наполнение информационного ресурса или веб-сайта (тексты, мультимедиа, графика). Терминологический элемент *settings* толкуется как *the feature in an app that allows users to change its properties or behaviour* — определенные величины, характеризующие свойство системы. В данном случае имеется в виду содержательное наполнение информационного ресурса или веб-сайта (тексты, мультимедиа, графика), другими словами, определенные величины, параметры содержательного наполнения информационного ресурса или веб-сайта (Шурлина 2019). В результате получаем «параметры содержимого».

Известно, словосочетание *legend keys* («ключ легенд») используется в компьютерной игре *Genshin Impact*. Этот ключ является наградой за выполнение ежедневных поручений, без которого не получится открыть сюжетные задания легенд. Терминологи компании «Майкрософт» дают следующее определение этому термину: *legend keys are symbols in legends that show the patterns and colors assigned to the data series (or categories) in a chart. Legend keys appear to the left of legend entries. Formatting a legend key also formats the data marker that's associated with it*.

Таким образом, в текстах программных продуктов термин *legend keys* употребляется для идентификации поясняющей надписи, текста, описывающего или поясняющего графическое изображение и располагаемого обычно под ним. Тематика, тщательный анализ контекста помогают переводчику понять и построить термин на русском языке «условные обозначения».

Рассмотрим еще один пример. В терминологической базе компании «Майкрософт» мы находим следующее определение термина *marquee*

component: marquee component is a control or component on a page that displays moving text — компонент / область на странице, отображающий(ая) горизонтально прокручиваемое текстовое сообщение. В терминологических словарях эквивалент термина в русском языке отсутствует. Однако в русскоязычных версиях программных продуктов «Майкрософт», а также приложениях, интегрируемых с продуктами «Майкрософт», используется термин «бегущая строка».

Многокомпонентные термины представляют значительные трудности при переводе, т. к. они состоят из нескольких слов, зачастую не связанных между собой грамматически. Так, для адекватного перевода термина *fine tuning setting* необходимы хотя бы минимальные знания в сфере информационных технологий. Согласно терминологической базе компании «Майкрософт», *fine tuning setting is a setting that shifts all inserted images by the same amount to align them properly on a full sheet of labels or stickers*. Терминоэлемент *setting* здесь имеет значение параметр, *fine* — точный, *tuning* — настройка. В итоге мы получаем «параметр точной настройки».

Перевод английского термина *rich text format* еще раз доказывает, что для построения эквивалента термина переводчику необходимы базовые знания, в данном случае в области информационных технологий. Терминологическая база компании «Майкрософт» дает следующее определение термина: *an adaptation of Document Content Architecture that is used for transferring formatted text documents between applications, even those applications running on different platforms, such as between IBM and compatibles and Macintoshes* — адаптация архитектуры содержания документов, используемая для передачи форматированных текстовых документов между приложениями, даже если они работают на разных платформах, например, IBM и Macintosh. Имея представление об этом формате, построение эквивалента данного термина не составляет трудностей — «расширенный текстовый формат».

Перевод многокомпонентного термина *login security mode* начинается с перевода терминоэлементов в следующей последовательности: *mode* — режим, *security* — безопасность, *login* — вход в систему. В результате использования приема частичного калькирования и добавления мы получаем эквивалент — «режим безопасности входа в систему». Однако у этого правила имеются исключения. Первое заключается в том, что определяемое слово не всегда находится в конце. Например, многокомпонентный

термин *data loss tolerance* переводится как допустимые потери данных.

Таким образом, в сфере информационных технологий немало ставших привычными и поэтому допустимых полукалек, хотя, несомненно, прием частичного калькирования имеет свои недостатки.

Группа 3. Термины-кальки. Переводятся на русский язык с помощью приема полного калькирования.

На первый взгляд, использование данного приема при переводе терминов не представляет сложностей. Однако его нельзя считать простой механической операцией. Например, при переводе термина *home page* применяется прием семантического калькирования. Согласно терминологической базе компании «Майкрософт», он используется для названия страницы, которая загружается первой при открытии сайта (*a webpage that serves as the starting point of a website*). В русскоязычных версиях, например, *Microsoft Office, OneDrive* эта страница называется «домашняя страница».

Для передачи термина *pop-up menu* на русский язык используется калька «всплывающее меню». Под меню в графическом интерфейсе пользователя имеется в виду список элементов, который появляется на экране при выборе пользователем определенного элемента. Всплывающие меню могут появляться в любой части экрана и обычно исчезают при выборе пользователем одного из элементов.

Термин *quiet answer* передается на русский язык калькой «тихий ответ». Здесь имеется в виду протокол ответа на телефонный вызов, в котором ответы на входящие вызовы производятся беззвучно, а не посредством тонального сигнала.

Термин *toolbox / toolkit* в терминологической базе компании «Майкрософт» обозначает набор предопределенных программ, которые программист может использовать при их написании. Терминологи так определяют значение термина: *a bundle of software, services, marketing materials, etc., bundled together and meant to be used together*. На русский язык термин переводится как «набор (инструментальных) средств».

Согласно терминологической базе компании «Майкрософт», термин *source code* называет программные предложения, написанные программистом на высокоуровневом языке или языке ассемблера, которые не могут быть прочитаны компьютером, но легко читаются человеком: *human-readable program statements written by a programmer or developer in a high-level or assembly language that are not directly readable*

by a computer. На русский язык термин переводится как «исходный код». Он компилируется в объектный код для того, чтобы компьютер мог его прочитать. Термин *object code* также переводится на русский язык путем полного калькирования — «объектный код».

Таким образом, используя калькирование, переводчики часто прибегают к разного рода трансформациям, например, изменяют падежные формы, количество слов в словосочетании и их порядок, морфологический или синтаксический статус слов и т. д.

Группа 4. Термины-неологизмы. На русский язык термины-неологизмы передаются посредством транскрибирования или транслитерирования.

Язык постоянно меняется и развивается, отзываясь на потребности общества и сопутствующего научно-технического прогресса. Внедрение передовых информационных технологий в жизнь современного общества определяет появление неологизмов. Приведем несколько примеров:

1. *Cybersquatting* — киберсквоттинг — регистрация доменных имен, содержащих торговую марку, принадлежащую другому лицу, с целью их дальнейшей перепродажи или недобросовестного использования.
2. *Hosting* — хостинг — услуга по предоставлению ресурсов для размещения информации на сервере, постоянно имеющем доступ к сети.
3. *Plug-in* — плагин — подключаемый дополнительный модуль для расширения возможностей программы.
4. *Operand* — операнд — объект математической операции или компьютерной команды.
5. *Metafile* — метафайл — файл, содержащий или определяющий другие файлы.
6. *Scanner* — сканер — оптическое устройство ввода.
7. *Transaction* — транзакция — дискретная деятельность в компьютерной системе.

Английский термин *backup* имеет устоявшийся эквивалент перевода на русский язык — «резервное копирование». Однако несмотря на наличие эквивалента в русском языке, специалисты в сфере информационных технологий чаще используют вариант «бэкап». Это слово не закреплено в словарях, но используется довольно активно.

Термин «браузер» появился в русском языке в результате транскрибирования английского *browser*. В русском языке есть термин «обозреватель», означающий то же самое. Однако наи-

более употребительным является первый (Шурлина 2019).

Таким образом, иногда специалисты данной сферы склонны использовать на русском языке не устоявшиеся эквиваленты, а транскрибированные варианты терминов-неологизмов, поскольку они проще, короче и более употребительны.

Группа 5. Терминологические сокращения. На русский язык передаются разными способами.

Выполняют особую роль в терминосистемах (Нелюбин 2018) как упорядоченных терминологиях, а их перевод в любой сфере представляет собой переводческую трудность. Вопрос построения аббревиатур на языке перевода является предметом постоянных обсуждений. В. П. Смекаев, например, предлагает следующую классификацию сокращений, используемых в англоязычной технической литературе: 1) буквенные сокращения; 2) слоговые сокращения; 3) усеченные слова (Смекаев 2006, 10). В рамках проведенного исследования мы проанализировали некоторые способы образования сокращений, используемых в терминосистеме «Майкрософт»:

1. *SHV* — *System Health Validator* (Средство проверки работоспособности системы). Сокращение состоит из начальных букв терминологического сочетания. В тексте перевода сокращение сохраняется на языке оригинала и даются пояснения.
2. *2D* — *Two-dimensional*. Сокращение состоит из начальных букв терминологического сочетания и цифры. Креолизованная аббревиатура. В текст перевода сокращение переносится без изменений.
3. *1Y* — *Payment for 1 year* (Оплата за 1 год). Креолизованная аббревиатура с эллипсом основного терминологического элемента. На русский язык переводится расшифровка аббревиатуры. Число пишется цифрами.
4. *MOSFET* — *Metal-Oxide Semiconductor Field-Effect Transistor* (полевой МОП транзистор). На русский язык аббревиатура передается эквивалентным сокращением, образованном от слов металл-оксид-полупроводник. Перед сокращением употребляется калькированное от *field-effect* определение полевой, а после сокращения транскрибированное определяемое слово транзистор.
5. *IP address* — *Internet Protocol address* — IP-адрес. При переводе на русский язык аббревиатура сохраняется на языке оригинала.

6. *IPng* — *Internet Protocol next generation* — IP версии 6. При переводе на русский язык используется устоявшаяся креолизованная аббревиатура.
7. *IrDA* — *Infrared Data Association* (Ассоциация по средствам передачи данных в инфракрасном диапазоне). В тексте перевода сокращение сохраняется на языке оригинала и даются пояснения.

При переводе расшифровать незнакомое сокращение без помощи контекста и соответствующих знаний непросто. В словарях можно найти лишь прочно укоренившиеся варианты сокращений. В остальных случаях сокращения переносятся в текст перевода без изменений (трансплантации) и даются пояснения (экспликация).

Заключение

Сопоставительный анализ английских и русских терминов информационных технологий позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Английские термины информационных технологий репрезентируют узкоспециальные понятия и характеризуются системностью, точностью, независимостью от контекста и информативностью.
2. Русские термины информационных технологий формируются путем заимствования терминов из английского языка следующими основными способами: построение эквивалента / подбор аналога (*software* — программное обеспечение, *hardware* — аппаратное обеспечение, *malware* — вредоносное программное обеспечение, *handler* — обработчик, *array* — массив, *edit* — изменить, *help / online help* — справка, *help desk* — служба технической поддержки, *Options* — Параметры, *kill* — завершить); частичное калькирование (*content settings* — параметры содержимого, *legend keys* — условные обозначения, *marquee component* — бегущая строка, *fine tuning setting* — параметр точной настройки, *rich text format* — расширенный текстовый формат, *login security mode* — режим безопасности входа в систему, *data loss tolerance* — допустимые потери данных); полное калькирование (*Home Page* — домашняя страница, *pop-up menu* — всплывающее меню, *quiet answer* — тихий ответ); транскрибирование или транслитерирование (*cybersquatting* — киберсквоттинг, *hosting* — хостинг, *plugin* — плагин, *operand* — операнд, *metafile* —

метафайл, *scanner* — сканер, *transaction* — транзакция).

3. В некоторых случаях специалисты информационных технологий употребляют не эквиваленты, закрепленные в словарях, а транскрибированные варианты терминов (*backup* — бэкап, *browser* — браузер).
4. Особое место в английской и русской терминосистемах занимают терминологические сокращения. На русский язык сокращения передаются разными способами: сохраняется на языке оригинала, используется эквивалентное сокращение, транскрибируется, выполняется перевод расшифровки сокращения. Сокращение может состоять из начальных букв терминологического сочетания (*SHV* — *System Health Validator* — SHV (средство проверки работоспособности системы), *MOSFET* — *Metal-Oxide Semiconductor Field-Effect Transistor* — полевой МОП транзистор, *IrDA* — *Infrared Data Association* — IrDA (Ассоциация по средствам передачи данных в инфракрасном диапазоне), *IPng* — *Internet Protocol next generation* — IP версии 6), имеют место креолизованные аббревиатуры (*2D* — *Two-dimensional* — 2D), (*1Y* — *Payment for 1 year* — оплата за 1 год, *IP address* — *Internet Protocol address* — IP-адрес).

Результаты анализа английских и русских терминов информационных технологий могут иметь теоретическое значение для формирования и пополнения терминологического пространства теории отраслевого (специального) перевода, нормализации, унификации и стандартизации терминологии информационных технологий. Выводы исследования могут иметь практическое значение для терминографии и дидактики перевода: они могут составить основу англо-русского словаря терминов информационных технологий, который позволит расширить профессиональный вокабуляр лингвистов-переводчиков, а также избежать ошибок, связанных с некорректным использованием терминов информационных технологий.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Алимурадов, О. А., Лату, М. Н., Раздубев, А. В. (2011) *Особенности структуры и функционирования отраслевых терминосистем (на примере терминосистемы нанотехнологий)*. Пятигорск: Снег, 109 с.
- Валуицева, И. И., Хухуни, И. Г. (2019) Термин и слово: соотношение понятий. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, № 5, с. 6–16. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-5-6-16>
- Гак, В. Г. (2018) *Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков*. М.: Либроком, 264 с.
- Гринев-Гриневиц, С. В. (2008) *Терминоведение*. М.: Академия, 302 с.
- Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А. (2020) Опыт описания формальной структуры термина (на материале английской терминологии лексикологии). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, № 5, с. 74–85.
- Гринев-Гриневиц, С. В., Сорокина, Э. А., Чернышова, Л. А. (2021) Опыт описания семантико-структурных отношений между терминами (на материале английской терминологии лексикологии). *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*, № 2, с. 44–52.
- Даниленко, В. П. (1986) Лингвистическая характерология в концепции В. Матезиуса. *Вопросы языкознания*, № 4, с. 120–128.
- Денисов, П. Н. (1980) *Лексика русского языка и принципы ее описания*. М.: Русский язык, 253 с.
- Капанадзе, Л. А. (2005) *Голоса и смыслы. Избранные работы по русскому языку*. М.: Изд-во Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 334 с.
- Климзо, Б. Н. (2006) *Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы*. 2-е изд. М.: Р. Валент, 508 с.
- Лейчик, В. М. (2022) *Терминоведение: предмет, методы, структура*. М.: URSS, 248 с.
- Лотте, Д. С. (1982) *Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов*. М.: Наука, 149 с.
- Нелюбин, Л. Л. (2018) *Толковый переводоведческий словарь*. М.: Флинта, 320 с.
- Реформатский, А. А. (2021) *Введение в языковедение*. 5-е изд. М.: Аспект Пресс, 536 с.
- Смекаев, В. П. (2006) *Учебник технического перевода (английский язык)*. Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н. А. Добролюбова; Вектор ТиС, 316 с.
- Суперанская, А. В., Подольская, Н. В., Васильева, Н. В. (2019) *Общая терминология: вопросы теории*. М.: Либроком, 246 с.
- Шурлина, О. В. (2019) *Лингвопрагматические и жанровые характеристики текста англоязычного веб-браузера. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата филологических наук*. Тверь, Тверской государственный университет, 19 с.

Sources

- Microsoft Terminology. *Microsoft Learn*. [Online]. Available at: <https://learn.microsoft.com/ru-ru/globalization/reference/microsoft-terminology> (accessed 01.02.2024). (In English)

References

- Alimuradov, O. A., Latu, M. N., Razduev, A. V. (2011) *Osobennosti struktury i funktsionirovaniya otraslevykh terminosistem (na primere terminosistem nanotekhnologii) [Peculiarities of the structure and functioning of industry-specific terminology systems (using the examples of the nanotechnology terminology system)]*. Pyatigorsk: Sneg Publ., 109 p. (In Russian)
- Danilenko, V. P. (1986) Lingvisticheskaya kharakterologiya v kontseptsii V. Mateziusa [Linguistic characterology in the conception of V. Mathesius]. *Voprosy yazykoznaniiya — Topics in the Study of Language*, no. 4, pp. 120–128. (In Russian)
- Denisov, P. N. (1980) *Leksika russkogo yazyka i printsipy ee opisaniya [The lexicon of the Russian language and the principles of its description]*. Moscow: Russkij yazyk Publ., 253 p. (In Russian)
- Gak, V. G. (2018) *Sopostavitel'naya leksikologiya: na materiale frantsuzskogo i russkogo yazykov [Comparative lexicology: Based on the material of French and Russian languages]*. Moscow: Librokom Publ., 264 p. (In Russian)
- Grinev-Grinevich, S. V. (2008) *Terminovedenie [Terminology]*. Moscow: Akademiya Publ., 302 p. (In Russian)
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A. (2020) Opyt opisaniya formal'noj struktury termina (na materiale anglijskoj terminologii leksikologii) [Describing the formal structure of a term (based on the English terminology of lexicology)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika — Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 5, pp. 74–85. (In Russian)
- Grinev-Grinevich, S. V., Sorokina, E. A., Chernyshova, L. A. (2021) Opyt opisaniya semantiko-strukturykh otnoshenij mezhdu terminami (na materiale anglijskoj terminologii leksikologii) [A study of semantic relations

- between terms (based on the English terminology of lexicology)]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika — Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 2, pp. 44–52. (In Russian)
- Kapanadze, L. A. (2005) *Golosa i smysly. Izbrannye raboty po russkomu yazyku [Voices and meanings. Selected works on the Russian language]*. Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS Publ., 334 p. (In Russian)
- Klimzo, B. N. (2006) *Remeslo tekhnicheskogo perevodchika. Ob anglijskom yazyke, perevode i perevodchikakh nauchno-tekhnicheskoy literatury [The craft of the technical translator. About English, translation and translators of scientific and technical literature]*. Moscow: R. Valent Publ., 508 p. (In Russian)
- Lejchik, V. M. (2022) *Terminovedenie: predmet, metody, struktura [Terminology: Subject, methods, structure]*. Moscow: URSS Publ., 248 p. (In Russian)
- Lotte, D. S. (1982) *Voprosy zaimstvovaniya i uporyadocheniya inoyazychnykh terminov i terminoelementov [Issues of borrowing and regularising foreign language terms and terminological elements]*. Moscow: Nauka Publ., 149 p. (In Russian)
- Nelyubin, L. L. (2018) *Tolkovyj perevodovedcheskij slovar' [Comprehensive translation dictionary]*. Moscow: Flinta Publ., 320 p. (In Russian)
- Reformatskij, A. A. (2021) *Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to linguistics]*. 5th ed. Moscow: Aspect Press, 536 p. (In Russian)
- Shurlina, O. V. (2019) *Lingvopragmaticheskie i zhanrovye kharakteristiki teksta angloyazychnogo veb-brauzera [Linguopragmatic and genre features of English web browser text]. Extended abstract of the PhD dissertation (Philology)*. Tver: Tver State University, 19 p. (In Russian)
- Smekaev, V. P. (2006) *Uchebnik tekhnicheskogo perevoda (anglijskij yazyk) [Textbook of technical translation (English language)]*. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University Publ.; Vektor TiS Publ., 316 p. (In Russian)
- Superanskaya, A. V., Podol'skaya, N. V., Vasil'eva, N. V. (2019) *Obshchaya terminologiya: voprosy teorii [General terminology: Theoretical issues]*. Moscow: Librokom Publ., 246 p. (In Russian)
- Valujtseva, I. I., Khukhuni, I. G. (2019) Termin i slovo: sootnoshenie ponyatij [A term and a word: The correlation of the notions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika — Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, no. 5, pp. 6–16. <https://doi.org/10.18384/2310-712X-2019-5-6-16> (In Russian)

УДК 81'25

EDN QXHHHF

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-54-59>

Регионы, вперед! Межрегиональные школы перевода как деятельный механизм укрепления профессии

И. С. Алексеева ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Сведения об авторе

Ирина Сергеевна Алексеева,
SPIN-код: [3828-9080](#),
Scopus AuthorID: [57216508831](#),
e-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Для цитирования:

Алексеева, И. С. (2024) Регионы, вперед! Межрегиональные школы перевода как деятельный механизм укрепления профессии.

Исследования языка и современное гуманитарное знание, т. 6, № 1, с. 54–59. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-54-59>

EDN QXHHHF

Получена 29 марта 2024; принята 2 мая 2024.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. С. Алексеева (2024). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. До последнего времени уделялось недостаточно внимания повышению квалификации переводчиков в регионах, так как оно было сосредоточено в крупных центрах страны. Особенная нехватка ощущается в сфере перевода литературных и научно-популярных текстов, несмотря на особое место, которое занимает в России традиция художественного перевода. В статье описываются цели, идеология и стратегия межрегиональных школ перевода, их возможные разновидности и место русского языка в стратегии их проведения. Особенный акцент делается на входящую в их состав школу литературного редактора, где формируется навык работы над русским языком переводных текстов. Подробно рассматриваются результаты апробации проекта в 2023 г. в трех регионах России (г. Нальчик, Кабардино-Балкария; г. Казань, г. Свияжск, Татарстан; г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет). Автор приходит к выводу, что проект выездных школ ПЕРЕДЕЛКИНО+ успешно прошел свою пилотную стадию и обнаружил большой потенциал развития, охватив не только несколько десятков непосредственно обучавшихся, но и участников открытых лекций, чтений, выступлений в книжных клубах. Основным и единственным общим средством коммуникации при любом формате мастерских выступал русский язык. Умения столичных мастеров при этом не только передаются в регионы, но становятся моделью для перевода с национальных языков РФ на русский. Сложнейшее дело развития художественного перевода в России постепенно сдвигается с мертвой точки.

Ключевые слова: межрегиональные школы перевода, профессия переводчика, художественный перевод, литературное редактирование, русский язык

Regions, go ahead! Interregional schools of translation as a working mechanism of strengthening the profession of a translator

I. S. Alekseeva ¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia**Author**

Irina S. Alekseeva, SPIN: 3828-9080,
Scopus AuthorID: 57216508831,
e-mail: i.s.alekseeva@gmail.com

For citation: Alekseeva, I. S. (2024) Regions, go ahead! Interregional schools of translation as a working mechanism of strengthening the profession of a translator. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 1, pp. 54–59.
<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-54-59> EDN QXHHHF

Received 29 March 2024; accepted 2 May 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. S. Alekseeva (2024).
Published by Herzen State Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/) License 4.0.

Abstract. Until recently, insufficient attention was paid to improving the skills of translators in the regions, as it has been concentrated in large cities of the country. This shortage is especially felt in the field of literary and popular scientific translation, despite the special place and rich traditions of literary translation in Russia. The article describes the goals, ideology and strategy of organizing interregional translation schools, their possible varieties and the place the Russian language plays in their implementation. A special emphasis is placed on the literary editing training, which is a part of the proposed translation schools, where trainees acquire the skill of working with the Russian language of translated texts. The project was tested in 2023 in three regions of Russia (Nalchik, Kabardino-Balkaria; Kazan-Sviyazhsk, Tatarstan; Vladivostok, FEFU), and the article describes the experience in detail. The author demonstrates that the project *Peredelkino* Residential Schools has successfully completed the pilot stage and showed the great potential for development. Noteworthy that the project involves not only immediate participants, but also those who attended open lectures, public readings, presentations in the book clubs. The Russian language served as a main means of communication in any educational format. This way knowledge and skills of the metropolitan masters are transferred to the regions as well as become models for the translation from the ethnic languages of Russia into Russian. These initiatives slowly but surely make the literary translation in Russia take off.

Keywords: interregional translation schools, profession of a translator, literary translation, literary editing, Russian language

Введение

Сегодня, как никогда, регионы нуждаются в поддержке со стороны культурных столиц во всем, что касается укрепления российской культуры. На передний план выдвигается российская словесность, в которую вливаются ценнейшие тексты мировой литературы благодаря именно художественному переводу. Передача и толкования смыслов человеческого сознания невероятно важны для человека наших дней. Художественный перевод расширяет сознание, тренирует образное мышление, учит сценариям познания мира. Поэтому сегодня он наделен особой миссией и нуждается в ускоренном развитии. Неоспорима также его ведущая роль в укреплении позиций русского языка. При этом восприятие мировой культуры сейчас меняется, и нужно выращивать новое поколение переводчиков художественной литературы, которые умеют не только сделать полноценный перевод, который обогатит родную культуру, но и умеют грамотно рассказать об отечествен-

ной культуре всему миру. Для этого необходимо вести активную работу в регионах. Пришла пора заняться формированием квалифицированного пула переводчиков в России.

Художественный перевод — в регионы. Цели, задачи

Методика подготовки переводчиков в России в последние четверть века развивается быстрыми темпами. Профессия переводчика подробно описана в образовательных стандартах бакалаврских и магистерских программ, а также в традиционных программах специалитета, появился профессиональный стандарт «Переводчик». Существует также большое разнообразие курсов дополнительного образования и повышения квалификации в сфере перевода, среди них такие успешные, как Санкт-Петербургская высшая школа перевода, мастерские в *Переделкино* или *Creative Writing School* в Москве.

И вместе с тем, при обилии выпускаемых синхронных, аудиовизуальных, медицинских

и прочих переводчиков, остаются две существенные лакуны, которые необходимо постепенно заполнять. Первая — это укрепление позиций художественного перевода. Вторая — это уравнивание в возможностях центра (Москва, Петербург) и регионов.

Художественный перевод традиционно на протяжении XIX–XX вв. был в фокусе внимания российской общественности. Постепенно сформировалось представление, что он может и должен стать копией оригинала и добиться этого сложнее всего (сегодня мы знаем, что напрямую это и невозможно). Далее же, как это часто бывает, когда кропотливое изучение технологических приемов заменяется рассуждениями о них, создалось ничем не доказанное представление, что переводы ушедших эпох всегда лучше, чем современные, якобы поспешные и примитивные¹. Пришла пора изучить, что несла нам в прошедшие времена переводная художественная литература. Но главное — несмотря на мнимую прекарность художественного перевода, на его некоммерческую суть (очередной миф, кстати), пора всерьез заняться подготовкой переводчиков художественной литературы по всей стране. Их фатально не хватает: трехлетний опыт Дома творчества Переделкино по проведению мастерских для переводчиков художественной литературы с разнообразных языков мира показал, что по некоторым языкам переводчики отсутствуют, или их ничтожно мало. При этом практический опыт перевода накоплен, и успешным коллегам пора им делиться.

Волею судеб основные переводчики сосредоточены в Москве и Петербурге. Однако ресурс знания языков и интереса к художественной литературе простирается до самых дальних уголков нашей страны, но многим негде получить, что называется, техническую квалификацию, набить руку. Таких людей пора принимать во внимание и помогать им. Они могут работать и заниматься редактурой онлайн. Вот только необходимо преподать им базовые навыки ли-

тературного редактирования, и здесь нужны очные встречи.

Опираясь на удачный опыт всероссийских переводческих мастерских Дома творчества Переделкино в 2021–2023 гг., о котором уже шла речь, и на опыт проведения Зимних и Летних школ Ассоциации преподавателей перевода в 2020–2022 гг. (в том числе в Красной Поляне в 2021 г. и в Нальчике в 2022 г.), группа энтузиастов, в числе которых и ваша покорная слуга, предложила проект по проведению школ художественного перевода — как с больших мировых западных и восточных языков, так и, возможно, в будущем, с языков народов России — «Выездные школы художественного перевода ПЕРЕДЕЛКИНО+» под общим руководством куратора переводческих проектов в Переделкино А. Филиппова-Чехова. Цель проекта — принести искусство художественного перевода и его редактирования в регионы.

Исходя из сказанного выше, наметились следующие задачи проекта:

1. Сформировать интерес к чтению и переводу художественной литературы в регионах РФ.
2. Содействовать подготовке местных кадров переводчиков художественной литературы.
3. Познакомить регионы с проблемами перевода художественной литературы.
4. Дать возможность молодым переводчикам знакомиться с красивейшими уголками нашей Родины, черпая вдохновение в родной природе.
5. Укрепить активное владение русским языком, помочь в освоении его текстового разнообразия.
6. Привлечь переводчиков — представителей языков РФ к совместному освоению технологии художественного перевода.
7. Освоить основные приемы редактирования и саморедактирования переводных текстов.

Стратегия и тактика проекта

Начнем с исходной точки. Предлагалось проводить в регионах России (к примеру, Алтай (Барнаул), Кабардино-Балкария (Нальчик), Хакассия/Горная Шория, Хабаровск, Владивосток, Сахалин, Калининград и т. п.) региональные выездные школы перевода длительностью 7–8 дней. 2 дня в обязательном порядке посвящаются знакомству с регионом (познавательный туризм). Остальные 5–6 дней участники интенсивно осваивают программу, нацеленную

¹ Что это не так, легко доказать, но здесь не место для детального анализа. Отошлю, пожалуй, к переводам начала XX в., которые мне довелось сравнивать: четыре версии перевода романа немецкого писателя Г. Френсена «Йорн Уль» (Frenssen 1901): «Йерн Уль» в переводе Л. Гуревич (Френсен 1903а), «Йерн Уль» в анонимном переводе, в томе 1 Полного собрания сочинений Г. Френсена (Френсен 1908), «Йерн Уль. Повесть для юношества», в переводе Н. Сазоновой (Френсен 1907) и журнальный вариант в «Вестнике Европы», перевод П-ны С-вой (Френсен 1903b). При сличении выяснилось, что полный — только один, в пер. Л. Гуревич; остальные сокращены, иногда немотивированно; язык неровный, много эвфемизмов, часто — суконная канцелярская речь, синтаксическая буквальность и т. п.

на эффективное обучение художественному переводу различных жанров. В качестве опорных институций избираются сильные местные университеты и библиотеки, что также дает особый импульс для их развития.

Стратегически проект разбит на два этапа:

- I. Региональные выездные школы с пассивным участием переводчиков с языков РФ;
- II. Региональные выездные школы с активным участием переводчиков с языков РФ.

Эта последовательность нужна для того, чтобы постепенно сформировать культуру переводческой работы равноправно с любых языков мира на русский язык.

На первом этапе предлагаем в каждом регионе открыть одновременную работу трех мастерских с большими языками мира, например: английским, испанским, немецким — по 6 участников в каждом. 5–6 практических занятий по 1,5 часа будут посвящены освоению базовых технологий художественного перевода: 1) построению стратегии работы над переводом; 2) умению выстраивать диалоги в прозе; 3) специфике перевода внутренней речи персонажей; 4) технике перевода связных описаний; 5) стихотворному переводу; 6) переводу прозы для детей и т. п.

За каждой мастерской закреплен куратор — мастер, а сама работа осуществляется с участием тьюторов из числа членов группы и предполагает выполнение 5–6 творческих переводческих заданий.

Помимо этих занятий планируются 1–2 общие встречи за круглым столом с целью сравнения методики работы и дискуссии на тему возможного обмена опытом, а также 3 лекции по проблемам соответствующих литератур (английской, испанской, немецкой) и 2–3 поточных (общих) занятия по редактированию с выполнением проектов.

В течение года темы практических переводческих занятий варьируются, охватывая как базовый, так и профессиональный уровень.

Школу ведет представитель Дома творчества Переделкино, который приглашает кураторов и совместно с ними уточняет программу, а также берет на себя отбор участников.

Работа выездной школы в регионах вмещает в себя следующие аспекты:

- мастерские под руководством лучших мастеров России;
- открытые лекции;
- индивидуальные консультации;
- круглые столы;
- литературные чтения;

- творческие встречи в университетах, книжных магазинах и пр.;
- экскурсии по региону.

Опыт пилотного года

В 2023 г. выездная школа состояла из трех региональных выездов: Нальчик, Казань/Свияжск и Владивосток, где суммарно работало 9 мастерских.

Недельная школа в Нальчике (Кабардино-Балкария, июль 2023 г.) проводилась во взаимодействии с местными университетами, из которых самое активное участие принял Пятигорский государственный университет, помогший в отборе студентов для участия и приславший своего преподавателя-наблюдателя. Участники испанской и немецкой мастерских познакомились с переводом разных жанров художественной литературы, а в завершение состоялись «встречные» чтения: участники читали свои переводы из мастерских, а мастера — фрагменты своих переводов последних лет. Плодотворность выступления мастеров с собственными переводческими достижениями оценили все, хотя задачи самих мастерских иногда так обширны, что приходилось обойтись без концертов.

Отдельное место заняла школа литературного редактора, где с участием всего зала рассматривались случаи редактирования плохих переводов, а также редактирования классических литературных произведений (в Нальчике качестве такого текста фигурировал роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита», выбор столь «обласканного» общественностью текста обусловлен желанием отучить будущих переводчиков от привычки «лакировки» классики и от веры тексту, оцененному критикой положительно, как заведомо безупречному).

Прекрасным дополнением были экскурсии на Голубые озера и в Приэльбрусье. Как ожидалось, большинство местных студентов не видели этих мест. Сертификаты о завершении школы вручались рядом с седловиной Эльбруса прямо на снегу.

Второй по очереди в начале сентября 2023 г. стала Первая Волжская выездная школа перевода, в проведении которой участвовало не только Переделкино, но и клуб книжной культуры «Смена» (Казань). Перед выездной мастерской, где навыки в переводе совершенствовались переводчики-преподаватели Казанского федерального университета, была поставлена конкретная задача: перевести очерки известного австрийского писателя Йозефа Рота о России 20-х годов

(Roth 1926). То есть был избран известный формат «Делаем книгу». Первая половина мастерской проходила в республиканской библиотеке, вторая — на острове Свяжск. Двое ведущих мастеров, работая бок о бок, проводили своих подопечных через оттачивание техники перевода и редактирования. На экскурсии и знакомство с регионом времени не хватило, однако само проживание на острове Свяжск добавило толику экзотики всем — и мастерам, и местным участникам. К декабрю книга Й. Рот «Путешествие в Россию» (Рот 2023) вышла и была представлена на книжном фестивале «Смены» в Казани. При общем положительном результате мастерской, организаторы приняли решение впредь организовывать микшированный коллектив, состоящий, кроме преподавателей, также и из студентов.

В конце сентября 2023 года состоялась недельная выездная школа во Владивостоке, на острове Русский, где мастеров принимал Дальневосточный федеральный университет. Здесь были проведены японская и немецкая мастерские художественного перевода, отчетные концерты, которые произвели на публику яркое впечатление. Состоялась школа литературного редактора, которую попеременно вели двое мастеров. Новшеством этого этапа явилась мастерская литературы о природе (Nature Writing), где участники учились писать и переводить тексты о ней, а финальные выступления оказались настоящим гимном уникальным пейзажам Дальнего Востока. Мастерскую вел известный писатель из Ярославля Юрий Маслов. Прекрасные экскурсии по острову Русский, по городу и в сафари-парк еще раз убедили всех в верности выбора составляющих мастерских — образовательной и просветительской.

Перспективы развития проекта

Формат выездных школ настолько богат потенциальными траекториями развития, что в 2024–2025 гг. организаторы планируют опробовать еще один формат: выездные исследовательские мастерские. Так, выездная мастерская в Калининграде, при содействии Балтийского федерального университета, будет посвящена исследованию деятельности и переводу дневников Й. Тинеманна (Tienemann 1927), который в XX в. организовал первую в истории Европы научную станцию наблюдения за птицами. По результатам выездной мастерской последует публикация перевода в формате «Делаем книгу».

Аналогичный компонент предполагается ввести в выездную школу в Петропавловске-Камчатском, где будут переводить мемуары Стеллера (Stellers 1753), открывшего знаменитую стеллерову корову. Публикация книги тоже последует.

Осенняя выездная школа в Екатеринбурге планируется как смешанная. Она будет включать художественную мастерскую с итальянским языком, семинар по юридическому переводу, работу над заметками Александра фон Гумбольдта (Alexander von Humboldt) и их переводом с французского языка на русский, а также — издание перевода в рамках особого нового научно-издательского проекта под рук. А. Филиппова-Чехова.

Выводы

Итак, проект выездных школ ПЕРЕДЕЛКИ-НО+ успешно прошел пилотную стадию и обнаружил большой потенциал развития. Он охватил не только несколько десятков непосредственно обучавшихся, но и участников открытых лекций, чтений, выступлений в книжных клубах. Основным и единственным общим средством коммуникации при любом формате мастерских выступал русский язык. Умения столичных мастеров не только были переданы в регионы, но стали моделью для перевода с национальных языков РФ на русский.

Благодаря региональным экскурсиям московские мастера и мастера из регионов проникаются любовью к красоте и разнообразию своей Родины, начинают лучше понимать друг друга, находят новые точки человеческого и профессионального соприкосновения.

Но в центре всего — художественная литература. Сложнейшее дело ее перевода постепенно сдвигается с мертвой точки, где существовало прежде только несколько непрекаемых московских мэтров. Попутно подопечные наших мастеров все больше осваиваются в бурном океане мировой художественной литературы.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential

Литература

- Рот, Й. (2023) *Путешествие в Россию*. Москва; Казань: Ад Маргинем Пресс; Libra; Смена, 208 с.
- Френсен, Г. (1903а) *Иерн Уль*. СПб.: Изд-во И. Н. Скороходова, 216 с.
- Френсен, Г. (1903б) *Иёрнь Уль. Эскизь*. *Вестник Европы*, т. 1, кн. 1, с. 276–341.
- Френссен, Г. (1907) *Иерн Уль: Повесть для юношества*. Киев: Изд-во С. А. Борисова, 95 с.
- Френссен, Г. (1908) *Иернь Уль*. В кн.: *Полное собрание сочинений Густава Френссена. Т. 1*. СПб: Изд-во Д. Милина, 396 с.
- Frenssen, G. (1901) *Jörn Uhl*. Berlin: G. Grote Publ., 544 p.
- Roth, J. (1926) *Reise in Russland*. *Freeditorial*. [Online]. Available at: <https://www.freeditorial.com/en/books/reise-in-russland/> (accessed 20.02.2024).
- Stellers, G. W. (1753) *Georg Wilhelm Stellers ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren, mit Erläuterungen und Nöthigen Kupfern versehen*. Halle: [s. n.]. [Online]. Available at: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/209720#page/3/mode/1up> (accessed 17.01.2024).
- Tienemann, J. (1927) *Rossitten. Drei Jahrzehnte auf der Kurischen Nehrung*. Neudamm: Verlag von J. Neumann, 326 S.

References

- Frenssen, G. (1901) *Jörn Uhl*. Berlin: G. Grote Publ., 544 S. (In German)
- Frenssen, G. (1903a) *Iern Ul' [Jörn Uhl]*. Saint Petersburg: I. N. Skorokhodov Publ., 216 p. (In Russian)
- Frenssen, G. (1903b) *Iern Ul' Eskiz [Jörn Uhl. Sketch]*. *Vestnik Evropy*, vol. 1, iss. 1, pp. 276–341. (In Russian)
- Frenssen, G. (1907) *Iern Ul': Povest' dlya yunoshstva [Jörn Uhl: A tale for youth]*. Kyiv: S. A. Borisov Publ., 95 p. (In Russian)
- Frenssen, G. (1908) *Iern Ul' [Jörn Uhl]*. In: *Polnoe sobranie sochinenij Gustava Frenssena [Complete works of Gustav Frenssen]. Vol. 1*. Saint Petersburg: D. Milin Publ., 396 p. (In Russian)
- Roth, J. (1926) *Reise in Russland*. *Freeditorial*. [Online] Available at: <https://www.freeditorial.com/en/books/reise-in-russland/> (accessed 20.02.2024). (In German)
- Roth, J. (2023) *Puteshestvie v Rossiyu [Reise in Russland]*. Moscow; Kazan: Ad Marginem Press; Libra Publ.; Smena Publ., 208 p. (In Russian)
- Stellers, G. W. (1753) *Georg Wilhelm Stellers ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren, mit Erläuterungen und Nöthigen Kupfern versehen [Georg Wilhelm Steller's detailed description of strange marine animals, provided with explanations and necessary copper]*. Halle: [s. n.]. [Online]. Available at: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/209720#page/3/mode/1up> (accessed 17.01.2024). (In German)
- Tienemann, J. (1927) *Rossitten. Drei Jahrzehnte auf der Kurischen Nehrung [Rossitten. Three decades on the Curonian Spit]*. Neudamm: Verlag von J. Neumann, 326 S. (In German)

УДК 81'322

EDN QIDMZA

<https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-60-65>

Реализация и модернизация магистерской программы «Технологии автоматизированного и машинного перевода»

М. В. Берендяев¹, Е. С. Коканова^{✉1}, Н. Ю. Куликов¹

¹Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова,
163002, Россия, г. Архангельск, Набережная Северной Двины, д. 17.

Сведения об авторах

Максим Викторович Берендяев,
SPIN-код: 4399-6155,
e-mail: m.berendyaev@narfu.ru

Елена Сергеевна Коканова,
SPIN-код: 9687-2303,
Scopus AuthorID: 57218198923,
ResearcherID: ABG-9970-2020,
ORCID: 0000-0001-6623-5636,
e-mail: e.s.kokanova@narfu.ru

Николай Юрьевич Куликов,
SPIN-код: 4461-3126,
e-mail: n.kulikov@narfu.ru

Для цитирования:

Берендяев, М. В., Коканова, Е. С.,
Куликов, Н. Ю. (2024) Реализация
и модернизация магистерской
программы «Технологии
автоматизированного и машинного
перевода». *Исследования языка
и современное гуманитарное
знание*, т. 6, № 1, с. 60–65.
[https://doi.org/10.33910/2686-
830X-2024-6-1-60-65](https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-60-65) EDN QIDMZA

Получена 25 февраля 2024; прошла
рецензирование 25 марта 2024;
принята 8 апреля 2024.

Финансирование: Исследование
не имело финансовой поддержки.

Права: © М. В. Берендяев,
Е. С. Коканова, Н. Ю. Куликов
(2024). Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
лицензии CC BY-NC 4.0.

Аннотация. Осознание возможностей и ограничений искусственного интеллекта в переводческой деятельности становится неотъемлемой частью профессиональной компетенции. Подготовка «переводчика подкованного» в этом контексте представляет собой сложную задачу. В статье приводится пример реализации и модернизации инновационной магистерской программы «Технологии автоматизированного и машинного перевода» на базовой кафедре технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова. Рассматриваются актуальные подходы к обучению переводу в вузе, направления научно-исследовательской работы магистрантов, векторы актуализации магистерской программы с учетом изменений в требованиях рынка труда, развития технологий и научных исследований, изменений в профессиональных и образовательных стандартах, а также региональных факторов (сфера деятельности потенциальных локальных крупных заказчиков, характеристика потенциальных абитуриентов и др.). Участие представителей профессионального сообщества в реализации магистерской программы способствует успешной профессиональной адаптации выпускников к требованиям современного рынка переводческих услуг. Организация научных мероприятий для студентов (например, ежегодной Всероссийской молодежной научной конференции «Современные технологии в переводе. От машинного перевода к машинному обучению: стереотипы и новые возможности», секции «Переводчик подкованный: человек + машина» в рамках Региональной научно-практической конференции молодых ученых «ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА») и издание сборника научных статей молодых ученых (например, «От машинного перевода к машинному обучению») позволяет распространить знания о современных технологиях перевода на русском языке. Междисциплинарный подход, практико-ориентированный подход, исследовательский подход и профессиональная ориентация помогают обеспечить подготовку «переводчиков подкованных», способных успешно работать в современных реалиях.

Ключевые слова: «переводчик подкованный», искусственный интеллект, магистерская программа, технологии автоматизированного и машинного перевода, профессиональная компетенция

Implementation and modernisation of the master's degree programme “Computer-assisted and machine translation technology”

M. V. Berendyaev¹, E. S. Kokanova^{✉1}, N. Yu. Kulikov¹

¹ Northern (Arctic) Federal University, 17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russia

Authors

Maxim V. Berendyaev,
SPIN: 4399-6155,
e-mail: m.berendyaev@narfu.ru

Elena S. Kokanova, SPIN: 9687-2303,
Scopus AuthorID: 57218198923,
ResearcherID: ABG-9970-2020,
ORCID: 0000-0001-6623-5636,
e-mail: e.s.kokanova@narfu.ru

Nikolay Yu. Kulikov,
SPIN: 4461-3126,
e-mail: n.kulikov@narfu.ru

For citation: Berendyaev, M. V., Kokanova, E. S., Kulikov, N. Yu. (2024) Implementation and modernisation of the master's degree programme “Computer-assisted and machine translation technology”. *Language Studies and Modern Humanities*, vol. 6, no. 1, pp. 60–65. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2024-6-1-60-65> EDN QIDMZA

Received 25 February 2024; reviewed 25 March 2024; accepted 8 April 2024.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © M. V. Berendyaev, E. S. Kokanova, N. Yu. Kulikov (2024). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. The awareness of possibilities and limitations of artificial intelligence in translation is becoming an integral part of professional competence. Training an “augmented translator” in this context is a complex task. This article provides an example of the implementation and modernisation of the innovative Master's degree programme “Computer-Assisted and Machine Translation Technology” at the Department of Translation Technology and Practice at “AKM-West” of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia). The article considers current approaches to translator training at the university, fields of research work by master's degree students, ways of modernising the Master's degree programme. They depend on the requirements of the labour market, technological development and scientific research, changes in competence frameworks, as well as local factors (potential local clients, potential applicants, etc.). The participation of the professional community in the implementation of the Master's degree programme contributes to career adaptability to today's translation and localization industry. The organisation of scientific meetings for students (for example, the annual All-Russian Youth Scientific Conference “Modern Technologies in Translation. From Machine Translation to Machine Learning: Stereotypes and New Opportunities”, the section “Augmented translation: human being + machine” in the Arkhangelsk conference of young scientists “LANGUAGE. CULTURE. LITERATURE”) and the publication of a collection of papers by young scientists (for example, “From Machine Translation to Machine Learning”) can help to participate in the promotion of science and knowledge about modern translation technology in the Russian language. An interdisciplinary approach, a practice-oriented approach, a research approach and a professional orientation help to ensure the training of “augmented translators” who are able to get a successful career in the modern world.

Keywords: augmented translator, artificial intelligence, Master's degree programme, computer-assisted and machine translation technology, professional competence

Введение

Частота актуализации магистерских программ зависит от многих факторов: изменения в требованиях рынка труда, развитие технологий и научных исследований, а также изменения в профессиональных и образовательных стандартах. Частота обновления может варьироваться в зависимости от конкретной программы, университета и даже региона, так как при практикоориентированном обучении необходимо обязательно учитывать локальный рынок труда, сферу деятельности потенциальных крупных местных заказчиков, характеристику потенциальных абитуриентов (в частности, бакалаврские образовательные программы в регионе и ближайших федеральных центрах).

Магистерская программа «Технологии автоматизированного и машинного перевода» ориентирована на перспективные практики и исследования в подготовке «переводчика подкованного» («переводчик подкованный» — наш эквивалент для появившегося на Западе определения современного разностороннего переводчика *augmented translator* (Grisot 2020)). Она устанавливает связи между различными концепциями, современными тенденциями в области больших языковых моделей (БЯМ) и новыми запросами рынка переводческих услуг. Программа призвана «вооружить» студентов новыми знаниями в области технологий автоматизации перевода и актуальными возможностями для самообразования, научных исследований и профессионального развития в цифровую эпоху.

В реализации сетевой программы принимают участие представители переводческой отрасли, а также преподаватели из трех высших школ Северного (Арктического) федерального университета (САФУ): Высшей школы социальных наук, гуманитарных наук и международной коммуникации, Высшей школы информационных технологий и автоматизированных систем, Высшей школы естественных наук и технологий.

Разработка магистерской программы, ориентированной на технологии перевода, нейронауки и искусственный интеллект (ИИ), — это большой вызов, требующий управления рисками реализации инновационной программы на базовой кафедре.

Подходы к обучению переводу

Первый набор студентов на магистерскую программу «Технологии автоматизированного и машинного перевода» состоялся в сентябре 2021 года. Большинство абитуриентов имели степень бакалавра в области лингвистики, филологии, социальных и гуманитарных наук, а также инженерных направлений. Поскольку технологии автоматизации перевода являются междисциплинарной областью, программа достаточно легко адаптируется к возможностям и потребностям обучения лингвистов и нелингвистов (Kokanova, Lyutyanskaya, Epimakhova 2023).

Грамотность в области машинного перевода (МП) и осознание возможностей и ограничений МП — неотъемлемая часть профессиональной переводческой компетенции (EMT Competence Framework 2022, 7).

В магистерской программе «Технологии автоматизированного и машинного перевода» интегрированы в учебный план не только лингвистические дисциплины, но и дисциплины по технологиям автоматизированного и машинного перевода, машинному обучению, психолингвистике, нейролингвистике и др. Программа призвана сократить разрыв между современными требованиями и компетенциями «переводчика подкованного» (см. современные требования к преподавателю перевода (Full-time academic position... 2024)).

Стандартизация качества МП является проблемой. В настоящее время разрабатываются отечественные стандарты качества МП (например, принятый в 2023 году Меморандум Ассоциации переводческих компаний по вопросам институционализации, стандартизации и создания нормативно-правовой базы для приме-

нения машинного перевода и прочих технологий автоматической генерации текста в качестве профессиональных инструментов в области перевода и локализации и разрабатываемый в соответствии с ним Стандарт по применению средств автоматической генерации перевода). Преподаватели, реализующие образовательную программу, входят в состав разработчиков этих документов. Программа призвана стимулировать студентов к изучению этих и иных существующих стандартов, а также улучшить их знания и понимание взглядов, отношений, этических норм и т. д., связанных с МП и БЯМ.

Еще одним огромным препятствием как для студентов, которые собираются использовать машинный перевод и большие языковые модели (БЯМ), так и для преподавателей, готовых внедрить технологии ИИ в учебный процесс, является неоднозначное общественное мнение по отношению к ИИ, возникшее с начала его развития. «Классические» нейросети обвиняют в том, что они делают студентов ленивыми. Этот стереотип, например, приводит к тому, что МП воспринимается как нечто, что должно быть запрещено (Kokanova et al. 2021). Курсы и дисциплины, позволяющие обучающимся использовать системы автоматического перевода (МП и БЯМ, см. использование БЯМ для автоматического постредактирования МП (Raunak et al. 2023)), иногда воспринимаются преподавателями вузов с подозрением и не всегда поддерживаются. Сотрудничество САФУ с представителями бизнеса и профессионального сообщества дает множество успешных примеров, связанных с преподаванием технологий автоматизации перевода и использованием ИИ в образовательных целях. Это помогает преодолеть барьеры и улучшить отношение к современным переводческим технологиям.

Основными векторами учебного плана магистерской программы являются лингвистический модуль, переводческий модуль, управление переводческими проектами, основы машинного обучения и когнитивные технологии в переводе.

Основные дисциплины учебного плана охватывают разные сферы (технологии перевода, нейронауки и ИИ) с акцентом на «человеческий» перевод. Наряду с традиционными переводческими дисциплинами (например, «Теория иностранного языка», «Теория и практика перевода», «Иностранный язык»), в учебный план включены такие предметы, как «Русский язык для переводчиков и постредакторов», «Постредактирование машинного перевода» (Коканова,

Светова, Берендяев и др. 2023), «Предредактирование текстов для машинного перевода» (в т. ч. автоматическое предредактирование с помощью больших языковых моделей (Feng et al. 2023)), «Управление качеством перевода», «Переводческие и локализационные проекты».

Научно-исследовательская работа студентов

Идея запуска программы состоит в изучении переводческой деятельности в рамках междисциплинарного подхода. Особое внимание уделяется изучению процессов, происходящих в «черном ящике» переводчиков и постредакторов, а также когнитивной нагрузки, с которой они сталкиваются.

Программа позволяет расширить исследования в области технологий автоматизации перевода и обучения технологиям перевода.

Студенты получают не только теоретическую и практическую подготовку, но и участвуют в реальных переводческих проектах. Сфера их научных интересов охватывает оценку качества машинного перевода, этические стандарты, инклюзивный перевод, авторское право, защиту персональных данных, человеко-машинное взаимодействие, «классические» и генеративные нейросети, внедрение ИИ в профессиональную деятельность переводчика и др.

Результаты исследований магистрантов представлены на ежегодной Всероссийской молодежной научной конференции «Современные технологии в переводе. От машинного перевода к машинному обучению: стереотипы и новые возможности» с последующей публикацией материалов конференции (Состоялась IV Всероссийская молодежная научная конференция... 2023). Также базовая кафедра технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» провела свою секцию «Переводчик подкованный: человек + машина» в апреле 2024 года в рамках XIII Региональной научно-практической конференции молодых ученых «ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ЛИТЕРАТУРА», где молодые исследователи смогли представить и опубликовать свои научные работы.

Результаты и обсуждение

В 2023 году первые выпускники программы получили степень магистра, которая дает им явные преимущества на рынке труда. Представители бизнеса и профессиональных сообществ, участвовавшие в реализации программы, отмечают следующее:

- междисциплинарный подход позволил в короткие сроки преодолеть разрыв между теорией и практикой;
- практико-ориентированный подход способствовал развитию самосознания и адаптации к требованиям современной переводческой отрасли;
- исследовательский подход позволил распространить знания о технологиях автоматизации перевода путем публикации статей на русском языке;
- профессиональная ориентация способствовала развитию этического сознания, а также правовой грамотности в области переводческих технологий.

Междисциплинарная магистерская программа позволяет выпускникам продемонстрировать более «сложные» жесткие и мягкие навыки в области технологий автоматизации перевода. Она предоставляет четкие и убедительные доказательства того, что человек остается ключевой фигурой в человеко-машинном взаимодействии. Важно, чтобы магистерская программа оставалась гибкой и адаптивной, соответствовала изменяющимся требованиям и обеспечивала подготовку «переводчиков подкованных», способных успешно работать в современных реалиях.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Author Contributions

Authors contributed equally to the submission.

Список сокращений

БЯМ — большие языковые модели
ИИ — искусственный интеллект
МП — машинный перевод
САФУ — Северный (Арктический) федеральный университет

List of Abbreviations

LLM — Large Language Models
AI — Artificial Intelligence
MT — Machine Translation
NArFU — Northern (Arctic) Federal University

Литература

- Коканова, Е. С., Светова, С. Ю., Берендяев, М. В. и др. (2023) Обучение постредактированию машинного перевода в вузе. В кн.: Л. Ю. Щипицина (ред.). *Развитие Севера и Арктики: потенциал наставничества и инновации в социально-гуманитарной сфере: материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием*. Архангельск: Изд-во Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, с. 269–272.
- Состоялась IV Всероссийская молодежная научная конференция «Современные технологии в переводе. От машинного перевода к машинному обучению: стереотипы и новые возможности» в рамках всероссийского конкурса «Моя профессия — IT». (2023) *Новости Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации*, 30 октября. [Электронный ресурс]. URL: <https://narfu.ru/hssshic/novosti/all/384295/> (дата обращения 02.02.2024).
- Feng, Y., Qiang, J., Li, Y. et al. (2023) Sentence simplification via large language models. *ArXiv.org*. [Online]. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2302.11957.pdf> (accessed 24.01.2024).
- Full-time academic position in translation and artificial intelligence (2024) *ScholarshipDb.Net*. [Online]. Available at: <https://scholarshipdb.net/jobs-in-Belgium/Full-Time-Academic-Position-In-Translation-And-Artificial-Intelligence-Universit-Libre-De-Bruxelles-Ulb=c0u43uLB7hGUyWAlkGUTnw.html> (accessed 14.02.2024).
- Grisot, J. (2020) 3 ways you can become an ‘augmented translator’. *RWS Blog*. [Online]. Available at: <https://www.rws.com/blog/augmented-translator/> (accessed 14.02.2024).
- EMT competence framework (2022) *European Commission*. [Online]. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/b482a2c0-42df-4291-8bf8-923922ddc6e1_en?filename=emt_competence_fw_k_2022_en.pdf (accessed 24.01.2024).
- Kokanova, E. S., Epimakhova, A., Berendyaev, M. et al. (2021) Traduction automatique, un nouveau défi pour la formation des traducteurs: Le cas de l’Université fédérale Arctique (Russie). In: J.-C. Beacco, J. C. Herreras, C. Tremblay (eds.). *La traduction automatique et les usages sociaux des langues. Quelles conséquences pour la diversité linguistique?* Sainte Luce sur Loire: Bookelis Publ., pp. 101–114. <https://doi.org/10.3917/oep.beacc.2021.01.0101>
- Kokanova, E. S., Lyutyanskaya, M., Epimakhova, A. (2023) Is it difficult to launch a pioneering master’s program in translation? In: *Human translation and natural language processing towards a new consensus?* Venezia: Edizioni Ca’ Foscari Publ., pp. 115–121. <http://dx.doi.org/10.30687/978-88-6969-762-3/008>
- Raunak, V., Sharaf, A., Wang, Y. et al. (2023) Leveraging GPT-4 for automatic translation post-editing. In: H. Bouamor, J. Pino, K. Bali (eds.). *Findings of the association for computational linguistics: EMNLP 2023*. Singapore: Association for Computational Linguistics Publ., pp. 11994–12009. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.14878>

References

- Feng, Y., Qiang, J., Li, Y. et al. (2023) Sentence simplification via large language models. *ArXiv.org*. [Online]. Available at: <https://arxiv.org/pdf/2302.11957.pdf> (accessed 24.01.2024). (In English)
- Full-time academic position in translation and artificial intelligence (2024) *ScholarshipDb.Net*. [Online]. Available at: <https://scholarshipdb.net/jobs-in-Belgium/Full-Time-Academic-Position-In-Translation-And-Artificial-Intelligence-Universit-Libre-De-Bruxelles-Ulb=c0u43uLB7hGUyWAlkGUTnw.html> (accessed 14.02.2024). (In English)
- Grisot, J. (2020) 3 ways you can become an ‘augmented translator’. *RWS Blog*. [Online]. Available at: <https://www.rws.com/blog/augmented-translator/> (accessed 14.02.2024). (In English)
- EMT competence framework (2022) *European Commission*. [Online]. Available at: https://commission.europa.eu/document/download/b482a2c0-42df-4291-8bf8-923922ddc6e1_en?filename=emt_competence_fw_k_2022_en.pdf (accessed 24.01.2024). (In English)

- Kokanova, E. S., Epimakhova, A., Berendyaev, M. et al. (2021) Traduction automatique, un nouveau défi pour la formation des traducteurs: Le cas de l'Université fédérale Arctique (Russie) [Machine translation, a new challenge for the training of translators: the case of the Arctic Federal University (Russia)]. In: J.-C. Beacco, J. C. Herreras, C. Tremblay (eds.). *La traduction automatique et les usages sociaux des langues. Quelles conséquences pour la diversité linguistique? [Machine translation and the social uses of languages. What are the consequences for linguistic diversity?]*. Sainte Luce sur Loire: Bookelis Publ., pp. 101–114. <https://doi.org/10.3917/oep.beacc.2021.01.0101> (In French)
- Kokanova, E. S., Lyutyanskaya, M., Epimakhova, A. (2023) Is it difficult to launch a pioneering master's program in translation? In: *Human translation and natural language processing towards a new consensus?* Venezia: Edizioni Ca' Foscari Publ., pp. 115–121. <http://dx.doi.org/10.30687/978-88-6969-762-3/008> (In English)
- Kokanova, E. S., Svetova, S. Yu., Berendyaev, M. V. et al. (2023) Obuchenie postredaktirovaniyu mashinnogo perevoda v vuze [Training in post-editing machine translation at the university]. In: L. Yu. Shchipsina (ed.) *Razvitie Severa i Arktiki: potentsial nastavnichestva i innovatsii v sotsial'no-gumanitarnoj sfere: materialy XI Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem [Development of the North and the Arctic: The potential for mentoring and innovation in the humanities and social studies: Proceedings of the International scientific conference with international participation]*. Arkhangelsk: Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosova Publ., pp. 269–272. (In Russian)
- Raunak, V., Sharaf, A., Wang, Y. et al. (2023) Leveraging GPT-4 for automatic translation post-editing. In: H. Bouamor, J. Pino, K. Bali (eds.). *Findings of the association for computational linguistics: EMNLP 2023*. Singapore: Association for Computational Linguistics Publ., pp. 11994–12009. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2305.14878> (In English)
- Sostoyalas' IV Vserossijskaya molodezhnaya nauchnaya konferentsiya "Sovremennye tekhnologii v perevode. Ot mashinnogo perevoda k mashinnomu obucheniyu: stereotipy i novye vozmozhnosti" v ramkakh vserossijskogo konkursa "Moya professiya — IT" [The IV All-Russian youth scientific conference "Modern technologies in translation. from machine translation to machine learning: Stereotypes and new opportunities" was held as part of the All-Russian contest "My profession is IT"] (2023) *Novosti Vysshej shkoly sotsial'no-gumanitarnykh nauk i mezhdunarodnoj kommunikatsii [News of Graduate School of Social Sciences, Humanities and International Communication]*, 30 October. [Online]. Available at: <https://narfu.ru/hssshic/novosti/all/384295/> (accessed 02.02.2024). (In Russian)